МЁРТВАЯ СМЕНА
ПОЛИЦИЯ

Annotation

Ноябрь 2024 года. Город N.

Алексей работает санитаром в морге уже шесть лет. Мёртвые не жалуются, не хамили, не требуют внимания. Идеальная работа для тех, кто устал от живых.

Но этой ночью всё меняется.

Тела, которые должны были лежать неподвижно в холодильных камерах, начинают вставать. Медленно. Один за другим. Они не дышат, не говорят — только идут вперёд с пустыми глазами и единственным желанием: есть.

Лейтенант полиции Максим Соловьёв и его напарник Антон приезжают на вызов в больницу и обнаруживают, что мир, который они знали, перестал существовать.

За сутки до этого на секретном военном объекте произошла авария. Выброс биологического агента «Н-17». Власти скрыли правду. Туман накрыл город. А через тридцать часов после смерти мёртвые начали вставать.

Ночная смена превращается в борьбу за выживание. Но самое страшное — это понять, что человечность теряется не тогда, когда ты умираешь.

- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12

- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34

Мёртвая смена

Пролог

Запись переговоров. Военный объект «Берег-4».

— Алло, дежурная часть?

— Да, слушаю.

— Это объект «Берег». У нас... у нас произошёл инцидент.

— Какой инцидент?

— Разгерметизация. Хранилище «Б». Повторяю — разгерметизация хранилища «Б».

— Понял. Масштаб?

— Полный. Выброс в атмосферу. Ветер северо-западный, скорость... блять, скорость восемь метров в секунду.

— Эвакуация персонала?

— Проводится. Четверо не вышли на связь. Идём искать.

— Что за вещество?

— ...

— Алло? Что за вещество, я спрашиваю!

— Биологический агент. Образец «Н-17». Класс опасности... максимальный.

— Господи. Связывайтесь со столицей. Немедленно. И никому ни слова. Понял? Никому!

12 ноября 2024 года, 06:15

Телефонный разговор. Минобороны РФ.

— Товарищ полковник, ситуация критическая. Выброс подтверждён. Облако движется в сторону населённых пунктов.

— Какие населённые пункты?

— Деревня Осиново, посёлок Заря... и город N. Расстояние до города — семьдесят километров. При текущей скорости ветра облако достигнет городской черты через... через восемь часов.

— Население?

— Триста тысяч человек.

— ...Чёрт. Эвакуация возможна?

— Нет времени. И... товарищ полковник, если мы начнём эвакуацию, это вызовет панику. Вопросы. СМИ.

— Понял. Значит так. Объект закрываем. Персонал изолируем. Всех, кто был на смене. Карантин. Информацию не распространять. Готовьте официальное заявление — техническая неисправность, угроз населению нет.

— Но облако...

— Я сказал — угроз населению нет. Это приказ.

12 ноября 2024 года, 09:00

Сводка ТАСС.

«В ночь на 12 ноября на военном объекте произошла техногенная авария. По предварительным данным, причиной стала неисправность вентиляционной системы. Пострадавших нет. Ситуация находится под контролем. Угрозы для населения не зафиксировано. Специалисты работают на месте. Подробности сообщат позже.»

12 ноября 2024 года, 14:32

Сообщение метеостанции, город N.

«Внимание. С 14:00 в городе и пригородах фиксируется плотный туман. Видимость менее 50 метров. Водителям рекомендуется соблюдать осторожность. Причины появления тумана выясняются. По предварительной информации, явление связано с погодными условиями и не представляет опасности.»

12 ноября 2024 года, 18:00

Запись с камеры наблюдения. Въезд в город N.

Серый туман стелется по дороге. Плотный, неподвижный. Машины едут медленно, включив фары. Фонари горят сквозь пелену тускло, как сквозь молоко.

Люди идут по тротуарам, укутанные в куртки, шарфы закрывают лица. Кто-то кашляет. Кто-то морщится, вдыхая воздух.

Туман пахнет странно. Сладковато. Химически.

Но никто не обращает внимания.

Это просто туман.

12 ноября 2024 года, 22:47

Внутренняя записка. Минобороны РФ. Гриф «Совершенно секретно».

«Биологический агент «Н-17» — экспериментальный патоген, разработанный в рамках закрытой программы 1980-х годов. Воздействие на живые организмы: некроз тканей с сохранением двигательной активности. Механизм неизвестен. Инкубационный период — от 18 до 36 часов. Противоядие отсутствует.

Выброс 12 ноября привёл к распространению агента на территории радиусом 120 км. Предположительное количество заражённых — неизвестно. Рекомендуется полная информационная блокада. Карантинные меры — в стадии обсуждения.»

13 ноября 2024 года, 00:00

Туман всё ещё лежит над городом N.

Густой. Неподвижный. Неестественный.

И в моргах, и в больницах, и в домах престарелых — там, где лежат мёртвые — начинается что-то странное.

Что-то, чего никто не ждал.

Что-то, что нельзя остановить.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 1

Алексей проснулся от звонка будильника в 13:40. Голова раскалывалась — вчерашняя пятница затянулась далеко за полночь. Он лежал, глядя в потолок, и слушал, как телефон противно пищит на тумбочке.

Тянуться к нему не хотелось.

Через минуту писк стих, и Алексей выдохнул. Хорошо. Можно ещё поспать.

Но телефон завибрировал снова. Пропущенный. Потом ещё один. И ещё.

Алексей нехотя повернул голову и посмотрел на экран. Четыре пропущенных от Марины.

Марина Сергеевна Комарова, старший санитар морга городской больницы № 4. Пятьдесят два года, из которых двадцать семь она проработала с мёртвыми телами. Железная баба с вечно поджатыми

губами и привычкой читать нотации. Алексей её недолюбливал, но уважал — она знала своё дело и не брезговала самой грязной работой.

Он посмотрел на часы. Чёрт. Смена началась два часа назад.

Алексей откинулся обратно на подушку. Голова гудела, во рту было сухо, и мысль о том, что надо вставать, одеваться и тащиться в морг, вызывала почти физическую боль. Холодильные камеры, запах формалина, бесконечная возня с документами и телами.

Нет. Не сегодня.

Пусть Марина сама справляется. У них там и без него двое на смене.

Телефон снова завибрировал.

Алексей нехотя взял трубку.

— Алексей, ты где? — голос Марины звучал устало. — Ты вообще помнишь, что у тебя смена?

— Болею, — буркнул он, не особо стараясь звучать убедительно. — Температура, ломота. Лежу.

Пауза. Марина явно не верила, но спорить не стала.

— Ясно, — сухо сказала она. — Выздоравливай.

Она сбросила.

Алексей бросил телефон на кровать и поплёлся на кухню. Странно, что Марина так легко отстала. Обычно она могла полчаса распинаться про ответственность и долг. Может, устала спорить. Или правда там не так загружены сегодня.

День прошёл спокойно. Алексей приготовил себе яичницу, посмотрел пару серий старого сериала, который уже видел раз пять, и задремал на диване. За окном моросил дождь — типичный ноябрьский вторник в городе N.

Город N. Триста тысяч населения, промышленный центр области, про который никто ничего особо не знал и знать не хотел. Завод, больница, несколько школ, торговый центр на окраине и панельные многоэтажки, построенные ещё при Союзе. Алексей родился здесь, вырос здесь, и единственный раз выезжал отсюда — в армию. Вернулся, устроился в морг. Вот уже шесть лет он работал санитаром.

Работа была странная, но Алексея она устраивала. Мёртвые не жаловались, не хамили, не требовали к себе внимания. Они просто лежали. Тихо. Спокойно. Его задача — привести их в порядок, заполнить бумаги, сложить в камеру. Всё просто.

Живые люди раздражали его гораздо больше.

К вечеру он включил телевизор. Новости. Какой-то депутат говорил про ремонт дорог. Потом показали сюжет про открытие нового детского сада. Алексей зевнул и переключил на канал со старыми боевиками.

Телефон лежал на столе и молчал. Марина больше не звонила. Хорошо.

Алексей лёг спать около полуночи. За окном шумел ветер, где-то внизу хлопала дверь подъезда. Обычные ночные звуки спального района.

Он закрыл глаза и почти сразу провалился в сон.

Разбудил его шум. Резкий, громкий — вой сирены где-то совсем близко.

Алексей открыл глаза и посмотрел на телефон. 03:47. Он застонал и перевернулся на другой бок, натянув одеяло на голову. Скорая помощь. Обычное дело. В их районе скорые мотались каждую ночь — то пьяный свалился, то у бабки сердце прихватило.

Сирена выла минут пять, потом стихла.

Алексей снова заснул.

Утром Алексей проснулся от собачьего лая. Он нехотя встал и подошёл к окну. Внизу, у детской площадки, соседка с пятого этажа пыталась утихомирить свою таксу. Собака визжала и рвалась с поводка, глядя куда-то в сторону мусорных баков.

— Тихо, Тишка! Тихо! — кричала женщина, но такса не слушалась.

Алексей зевнул. За окном висел туман. Густой, серый, неподвижный. Странный для ноября. Обычно туманы рассеивались к обеду, а этот лежал плотной пеленой с самого утра. Видимость — метров тридцать, не больше.

Алексей отошёл от окна. Ему было всё равно, что там собака нашла. Наверное, кошку или крысу.

Он сделал себе кофе и включил телевизор.

Утренние новости. Та же ведущая с приклеенной улыбкой. Губернатор области поздравил медиков с профессиональным праздником. Потом мелькнул сюжет про какую-то аварию — «техногенная неисправность на промышленном объекте», «ситуация под контролем», «угроз для населения нет». Алексей не вслушивался. Показали сюжет про ремонт школы в соседнем районе. Погода на неделю — дожди, температура около нуля.

Ничего интересного.

Алексей допил кофе и полез в телефон. Пролистал ленту — мемы, какие-то посты про политику, фотография Димона с вчерашней вечеринки.

Дмитрий Викторович Соловьёв, тридцать четыре года, работал водителем на станции скорой помощи. Они с Алексеем дружили ещё со школы, и каждую пятницу ходили в бар на углу улицы Ленина. Димон был весёлый, шумный, любил выпить и рассказывал байки про своих пациентов с таким смаком, что Алексей иногда завидовал. У него, в морге, байки были куда менее живые.

Телефон завибрировал. Сообщение в рабочем чате.

Марина:*Алексей, как самочувствие?*

Алексей нахмурился. Странно. Марина обычно не интересовалась его здоровьем.

Алексей:*Нормально. Завтра выйду.*

Марина:*Хорошо. Нам тут помощь нужна. Завтра приходи пораньше, ладно?*

Алексей:*Что случилось?*

Пауза. Марина печатала долго.

Марина:*Много работы. Расскажу завтра.*

Алексей пожал плечами и бросил телефон на диван. Много работы в морге — обычное дело. Зима близко, старики начинают мереть пачками. Ничего нового.

Он вернулся к телевизору и досмотрел боевик.

День прошёл тихо и скучно. Алексей так и не вышел из квартиры.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 2

Алексей пришёл на работу в восемь утра в среду. Ноябрьское утро было серым и промозглым — моросил мелкий дождь, и ветер задувал его прямо под куртку. Он прошёл через чёрный ход больницы, спустился в цокольный этаж и толкнул тяжёлую дверь с табличкой "Патологоанатомическое отделение".

Внутри пахло, как всегда — формалином, хлоркой и чем-то ещё, что Алексей давно перестал замечать. Он скинул куртку, переоделся в рабочий халат и прошёл в приёмную.

Марина сидела за столом и что-то яростно строчила в журнале учёта. Она подняла голову, когда он вошёл, и Алексей невольно отметил, что выглядит она хуже, чем обычно. Под глазами тёмные круги, губы поджаты ещё сильнее, чем обычно.

— Алексей, — кивнула она. — Пришёл.

— Пришёл, — буркнул он и сел на стул у окошка. — Ты говорила, много работы?

Марина вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Семнадцать тел за два дня, — сказала она устало. — Семнадцать. Я за двадцать семь лет такого не видела. Даже в девяносто третьем, когда грипп был, не так много было.

Алексей присвистнул. Семнадцать — это действительно много. Обычно в их морг привозили два-три тела в неделю, максимум пять.

— Что с ними? — спросил он.

— Не знаю, — Марина покачала головой. — Врачи говорят, какая-то инфекция. Высокая температура, агрессия, потеря сознания. Умирают быстро — за несколько часов. Один мужик вчера приёмное отделение разнёс, пока его фиксировали. Медсестру укусил.

— Укусил? — Алексей нахмурился. — Это как?

— Обычно. Зубами. — Марина говорила сухо, без эмоций, но Алексей видел, что она напряжена. — Вырвался из рук, бросился на неё и вцепился в плечо. Еле оттащили.

Алексей почесал затылок. Странно. Обычно больные в таком состоянии просто бредят или теряют сознание. Кусаться — это уже что-то из ряда вон.

— И что с ним? — спросил он.

— Умер через час, — ответила Марина. — Сейчас лежит в третьей камере.

Она замолчала, потом добавила:

— Саню тоже укусили.

Алексей поднял голову.

— Какого Саню?

— Соловьёва. Александра. — Марина посмотрела на него усталым взглядом. — Он вчера помогал скорой занести больного. Вышел покурить, а они как раз подъехали. Санитары попросили помочь —

мужик крупный был, буйный. Саня взялся за носилки, а тот как дёрнулся и цапнул его за руку.

Александр Соловьёв, тридцать один год, работал санитаром в морге четыре года. Тихий, спокойный парень, который курил за углом здания каждые два часа и никогда не отказывал в помощи. Алексей не был с ним особо близок, но нормально общались — работа есть работа.

— И что? — спросил Алексей.

— Его сразу наверх забрали, в инфекционное. Думали, бешенство. Сделали уколы, положили под наблюдение. — Марина потёрла переносицу. — Вчера вечером позвонили, сказали, что температура у него сорок, бредит. Сегодня утром ещё раз звонила — говорят, стабильно тяжёлое.

Алексей кивнул. Значит, Сани не будет. А второго санитара сегодня и не должно было быть — выходной у него.

— Ты одна тут два дня? — спросил он.

— Почти, — Марина вздохнула. — Вчера Катя из дневной смены помогала, но у неё ребёнок маленький, я её домой отпустила. Сегодня утром ещё одно тело привезли — молодая женщина, двадцать шесть лет. Та же история — агрессия, температура, смерть.

Она встала, взяла журнал и протянула его Алексею.

— Ты сегодня на сутки, да?

— Ага, — кивнул он.

— Хорошо. Я до обеда ещё побудут, документы доделаю. Потом уйду. — Марина посмотрела на него внимательно. — Справишься один?

— Справлюсь, — буркнул Алексей. — Не первый раз.

— Если что — звони. Или охране. Ночью тут никого, кроме тебя, не будет.

Алексей пожал плечами. Ночные смены он любил — тихо, спокойно, никто не мешает. Обычно он просто сидел в приёмной, смотрел сериалы на телефоне или дремал, положив голову на стол. Если привозили тело — принимал, заполнял бумаги, укладывал в камеру. Всё просто.

Марина ушла около двух часов дня. Алексей проводил её взглядом и остался один.

День прошёл тихо. Алексей разобрал документы, которые Марина оставила на столе, проверил холодильные камеры — все семнадцать тел лежали на своих местах, аккуратно накрытые простынями. Он

прошёлся по коридору, заглянул в секцию для вскрытий — там всё было чисто, пусто.

К вечеру он заказал себе пиццу через приложение и ел её прямо в приёмной, запивая холодным кофе из автомата. За окном стемнело. Больница постепенно затихала — в коридорах наверху гасли огни, хлопали двери. К десяти вечера стало совсем тихо.

Алексей сидел за столом, пролистывал ленту в телефоне. Новости — всё те же. Губернатор открыл что-то ещё. Погода обещала дожди. Ничего про инфекцию.

Он зевнул и посмотрел на часы. 22:17.

Впереди ещё почти десять часов до конца смены.

Алексей откинулся на спинку стула, закрыл глаза и задремал.

Его разбудил звук.

Глухой, отдалённый стук — будто что-то упало.

Алексей открыл глаза и посмотрел на телефон. 23:34. Он проспал больше часа.

Тишина.

Он прислушался. Ничего. Может, показалось.

Алексей потянулся, встал и пошёл к кулеру в углу приёмной. Налил себе воды, выпил. За окном шумел ветер, хлопала где-то дверь.

Стук повторился.

На этот раз громче, отчётливее.

Алексей обернулся и посмотрел на дверь, ведущую в коридор морга. Тяжёлая металлическая дверь с матовым стеклом. За ней — длинный коридор и холодильные камеры.

Стук шёл оттуда.

Алексей нахмурился. Может, крыса? Или что-то с вентиляцией? Старое здание, всякое бывает.

Он вернулся к столу и сел. Прислушался.

Тишина.

Потом — снова стук. И ещё один. Теперь уже два звука, один за другим.

Алексей встал и подошёл к окну. За стеклом — тёмная парковка, фонари, дождь. И вдруг — синие вспышки мигалок. Одна машина полиции пронеслась мимо больницы, потом вторая, третья. Сирены выли пронзительно, потом затихли вдали.

Три машины сразу. Странно.

Алексей проводил их взглядом и отошёл от окна. Наверное, авария где-то. Или драка в баре. Не его проблемы.

Алексей встал и подошёл к двери. Взялся за ручку, потянул. Дверь тяжело открылась, и его обдало холодом — в коридоре морга всегда было холоднее, чем в приёмной.

Он шагнул внутрь.

Коридор был длинным, узким, освещённым тусклыми лампами дневного света. По обе стороны — двери холодильных камер. Всего их было шесть. Тела лежали в первых трёх.

Алексей прошёл вперёд, прислушиваясь.

Тишина.

Он дошёл до первой камеры, остановился. Дверь была закрыта. Он взялся за ручку, потянул — тяжёлая дверь поддалась. Внутри было темно и холодно. Алексей нащупал выключатель, щёлкнул.

Свет загорелся.

Шесть столов, на четырёх — тела под простынями. Всё на месте. Тихо.

Он закрыл дверь и прошёл дальше, ко второй камере.

Стук раздался снова — громче, резче. Теперь совсем близко.

Из третьей камеры.

Алексей замер.

Сердце ёкнуло.

Он медленно подошёл к двери третьей камеры и положил руку на ручку. Холодный металл.

Внутри что-то глухо ударило.

Алексей сглотнул. Это невозможно. Тела не двигаются. Они мёртвые.

Он дёрнул ручку.

Дверь открылась.

И он увидел.

На одном из столов тело сидело.

Просто сидело, свесив ноги, склонив голову набок.

Простыня сползла на пол.

Алексей остолбенел. Его мозг отказывался понимать, что он видит. Мужчина, лет сорока, с посиневшей кожей и мутными глазами. Челюсть отвисла. На шее — бирка с номером.

Тело медленно повернуло голову и посмотрело на Алексея.

И встало.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 3

Алексей стоял в дверях третьей камеры и смотрел на мужчину, который только что встал со стола.

Его мозг отказывался принимать увиденное.

Это невозможно.

Тела не встают. Они мёртвые. Он сам принимал этого мужика вчера вечером — холодный, неподвижный, с биркой на ноге. Мёртвый.

Но сейчас он стоял.

Покачиваясь, как пьяный. Голова склонена набок. Руки безвольно висят. Кожа синюшная, губы посерели. Глаза мутные, остекленевшие.

Алексей сделал шаг назад.

— Эй, — позвал он хриплым голосом. — Ты... ты меня слышишь?

Мужчина не ответил. Просто стоял, слегка покачиваясь. Челюсть отвисла, изо рта тянулась тонкая нить слюны.

Алексей сглотнул. Сердце колотилось в груди. Это ошибка. Какая-то страшная, дикая ошибка. Врачи неправильно поставили диагноз. Человек был в коме, а его признали мёртвым. Такое бывает. Редко, но бывает.

Он был жив. Всё это время был жив.

— Слушай, — Алексей поднял руку примирительно, как будто перед ним был испуганное животное. — Спокойно, хорошо? Я сейчас позову врача. Всё будет нормально.

Мужчина вдруг дёрнулся. Резко, судорожно. Голова чуть приподнялась, и он посмотрел в сторону Алексея.

Нет. Не на Алексея.

Мимо него.

Алексей обернулся, следуя его взгляду.

В дальнем углу камеры, на последнем столе, лежало ещё одно тело. Женщина, молодая. Та самая, которую привезли сегодня утром. Марина говорила — двадцать шесть лет.

Мужчина сделал шаг вперёд.

Потом ещё один.

Медленно, неуклюже, волоча ноги. Как будто заново учился ходить.

— Эй! — крикнул Алексей громче. — Стой!

Мужчина не остановился. Он шёл к столу в углу, игнорируя Алексея полностью. Как будто его не существовало.

Алексей замер в дверях. Что-то в этом было неправильно. Что-то совсем неправильно. Живой человек, очнувшийся от комы, должен был быть в замешательстве, испуган, дезориентирован. Он должен был звать на помощь, хвататься за стены, падать.

Но этот просто шёл. Целеустремлённо. К мёртвому телу.

Алексей шагнул в камеру.

— Стой, я сказал!

Мужчина дошёл до стола. Остановился. Наклонился над телом женщины.

И вцепился в неё зубами.

Алексей остолбенел.

Мужчина рвал плоть с её плеча, издавая влажные хрипящие звуки. Кровь — тёмная, почти чёрная — потекла по белой простыне. Он жадно жевал, не поднимая головы, погрузив лицо в рану.

Тело женщины не шевелилось. Она была мертва. По-настоящему мертва.

Но это не останавливало его.

Алексей почувствовал, как желудок подкатывает к горлу.

Это не человек.

Это не может быть человеком.

Он сделал шаг назад, не сводя глаз с кошмарной сцены. Ноги подкашивались. В ушах звенело.

И тут что-то стукнуло за его спиной.

Алексей обернулся.

Ещё один стол. Посередине камеры. На нём лежал мужчина лет пятидесяти, с залысинами и серым лицом. Алексей помнил его — привезли позавчера вечером, во вторник.

Рука мертвеца дёрнулась. Соскользнула со стола и повисла в воздухе.

Потом дёрнулась вторая.

Голова медленно повернулась в сторону.

Алексей похолодел.

Ещё один. Ещё один встаёт.

Алексей развернулся и рванул к двери.

Его руки тряслись. Сердце бешено колотилось. Он схватился за ручку, выскочил в коридор и захлопнул за собой тяжёлую металлическую дверь.

Щёлкнул замок.

Алексей привалился к двери спиной, тяжело дыша. Холодный пот тёк по спине. В голове было пусто — только один бесконечный крик: *это невозможно, это невозможно, это невозможно*.

Из-за двери донёсся глухой удар.

Потом ещё один.

Алексей отпрыгнул от двери, как ошпаренный.

Что-то билось в неё изнутри. Снова и снова. Глухо. Монотонно.

Он отступил в центр коридора, не сводя глаз с двери третьей камеры. В тусклом свете ламп его тень металась по стенам.

Надо уходить.

Надо бежать.

Но куда?

Алексей огляделся. Коридор морга. Шесть камер. В первых двух — тоже тела. Много тел.

А если они тоже...

Он не дал себе додумать эту мысль. Развернулся и побежал к выходу, к двери в приёмную.

Ворвался внутрь, захлопнул дверь за собой. Его трясло. Он схватился за край стола, чтобы не упасть.

Дыши. Просто дыши.

Алексей закрыл глаза, глубоко вдохнул, выдохнул. Раз. Два. Три.

Потом открыл глаза и посмотрел на телефон на столе.

Надо звонить. Кому-то. Кому угодно.

Он схватил трубку стационарного телефона и набрал внутренний номер охраны.

Длинные гудки.

— Да, — раздался сонный голос.

Пётр Иванович Петров, шестьдесят три года, ночной охранник больницы. Работал здесь уже пятнадцать лет — с тех пор, как вышел на пенсию из милиции. Спокойный, неторопливый мужик с седыми усами и вечной газетой в руках. Сидел в своей будке у главного входа, пил чай из термоса и изредка обходил этажи. Алексей видел его почти каждую ночную смену — Петрович заходил в морг часа в три-четыре ночи, проверял, всё ли в порядке, перекидывался парой слов и шёл дальше.

— Пётр Иванович, — выдохнул Алексей. — Это Алексей. Из морга.

— А, Леша, — Петрович зевнул. — Чего звонишь? Что-то случилось?

— Там... — Алексей запнулся. Как это объяснить? Как сказать, что мёртвое тело встало и сожрало другое тело? — Тут внизу... у меня тут...

Он замолчал. В голове всё смешалось — страх, шок, невозможность происходящего.

— Леша, ты чего? — голос Петровича стал настороженным. — Тебе плохо?

— Нет. То есть да. Блин. — Алексей провёл рукой по лицу. — Петрович, спустись сюда. Пожалуйста. Срочно.

— Чего случилось-то?

— Я... я не знаю, как объяснить. Просто спустись, хорошо? Быстро.

Пауза.

— Ладно, — наконец сказал Петрович. — Иду.

Алексей положил трубку и снова привалился к столу. Руки всё ещё тряслись.

Он посмотрел на дверь в коридор морга. Тяжёлая. Металлическая. Закрытая.

Из-за неё доносились глухие удары.

Стук. Стук. Стук.

Как будто кто-то методично колотил в дверь. Снова. И снова. И снова.

Алексей сглотнул и отвёл взгляд.

Не смотри туда. Просто не смотри.

Он сел на стул, обхватив голову руками. Сердце постепенно успокаивалось, но страх никуда не ушёл. Он засел где-то глубоко, холодный и липкий, как пот на спине.

Минуты тянулись мучительно медленно.

Наконец за дверью послышались шаги. Тяжёлые, неспешные.

Дверь открылась, и в приёмную зашёл Петрович.

Высокий, грузный, в старой форменной куртке. Седые усы, под глазами мешки. Он посмотрел на Алексея и нахмурился.

— Ты чего такой бледный? — спросил он. — Что стряслось?

Алексей поднял голову. Открыл рот. Закрыл.

Как сказать?

Как объяснить то, что сам не понимал?

— Там... — начал он медленно, показывая на дверь в морг. — Там один из... один из трупов. Он встал.

Петрович моргнул.

— Чего?

— Он встал, — повторил Алексей. — Я видел. Он сидел на столе. Потом встал. И... и напал на другое тело.

Петрович смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Леша, — наконец сказал он медленно. — Ты пил сегодня?

— Нет! — Алексей вскочил со стула. — Я не пил! Клянусь! Я видел это! Он встал и... там сейчас двое. Может, больше. Они стучат в дверь.

Как по команде, из-за двери донёсся глухой удар.

Петрович обернулся. Посмотрел на дверь. Потом снова на Алексея.

— Стучат? — переспросил он.

— Да.

Ещё один удар. Громче.

Петрович медленно подошёл к двери и приложил ухо к металлу.

Стук. Стук. Стук.

Он отстранился и вытащил из кармана связку ключей.

— Петрович, не надо! — Алексей шагнул вперёд. — Не открывай!

— Тихо, — буркнул охранник. — Сейчас посмотрим, что там.

Он вставил ключ в замок и повернул.

Щёлкнуло.

Алексей отступил к столу, чувствуя, как сердце снова колотится в груди.

Петрович потянул дверь на себя.

И замер.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 4

Пётр Иванович Петров сидел в своей будке у главного входа больницы и разгадывал кроссворд.

Ночная смена. Тихая, спокойная. Такая, какую он любил.

За окном моросил дождь. Стрелки часов показывали без пятнадцати двенадцать. Впереди ещё семь часов до конца смены, но Петрович не спешил. Время в ночную смену тянулось по-особенному — медленно, вязко, но не мучительно. Он привык.

Он взял термос, налил себе чая в старую железную кружку. Кружка была потёртая, с облупившейся краской, но он не менял её. Подарок от Лиды. Жены.

Лидия Степановна умерла три года назад.

Петрович сделал глоток чая — горячий, крепкий, с сахаром — и снова уставился в кроссворд. "Река в Сибири, шесть букв." Лена? Нет, пять. Ангара? Тоже шесть, но не подходит по вертикали.

Он вздохнул и отложил газету.

Лида.

Три года прошло, а он до сих пор иногда ловил себя на том, что оборачивается, когда слышит её имя. Или ждёт, что она позвонит. Глупость, конечно. Мёртвые не звонят.

Она умерла ночью. Дома. Одна.

Инфаркт.

Петрович был здесь, на работе. Ночная смена, как всегда. Она звонила ему вечером, часов в восемь. Сказала, что плохо себя чувствует — сердце пошаливает, голова кружится. Он отмахнулся. Сказал, что до утра дотерпит, что он не может бросить смену.

А утром её нашла соседка.

Петрович провёл рукой по лицу. Старое, усталое лицо с седыми усами и глубокими морщинами. Шестьдесят три года. Из них пятнадцать — здесь, охранником в больнице. А до того — тридцать лет в милиции.

Дочери его не простили.

Настя и Оля. Тридцать три и двадцать восемь лет. Обе выросли, обе живут своей жизнью. И обе винят его. Молча, конечно. Они никогда

не говорили этого вслух. Но Петрович видел. В их взглядах, в коротких ответах по телефону, в том, как редко они заходили к нему в гости.

Раз в два месяца, может. Или реже.

Настя — старшая — иногда позволяла ему посидеть с внуком. Не потому что хотела, а потому что ей было не с кем оставить мальчика. Она работала бухгалтером в какой-то фирме, часто задерживалась допоздна или ездила в командировки. Отца у ребёнка не было — сбежал ещё до рождения.

Петрович звонил ей сам. Раз в неделю, а то и чаще.

— Настюш, можно я к Артёмке зайду? Он как, не болеет?

— Пап, я занята.

— Ну хоть на часок. Я ему книжку почитаю.

Пауза. Вздох.

— Ладно. В субботу приходи. Но ненадолго, хорошо?

Ненадолго. Час, два. Петрович соглашался. Потому что это было лучше, чем ничего.

Артёмка — единственное, что у него осталось. Семь лет. Светловолосый, шустрый, с вечно ободранными коленками. Любил машинки, роботов и игрушечное оружие. Петрович приходил к нему с конфетами в кармане, которые прятал от Насти — она говорила, что у мальчика и так зубы плохие.

Артёмка его любил. По крайней мере, Петрович так думал. Мальчик радовался, когда он приходил. Они вместе собирали конструктор, смотрели мультики, играли в солдатиков. Петрович рассказывал ему истории — про войну, про милицию, про то, каким храбрым надо быть.

Через три дня у Артёмки день рождения.

Восемь лет.

Петрович уже купил подарок. Игрушечный автомат Калашникова — не пластмассовую дешёвку, а настоящий турецкий, металлический, с деревянной имитацией приклада. С подсветкой и реалистичными звуками выстрелов. Артёмка мечтал о таком. Видел у своего друга Димки и две недели названивал дедушке: "Дед, а ты мне такой купишь? Ну пожалуйста!"

Петрович купил его сегодня. Перед сменой заскочил в детский магазин на проспекте — они работают до девяти вечера. Потратил почти половину пенсии — семь с половиной тысяч, — но не пожалел. Настоящая игрушка, качественная, не сломается через неделю. Автомат

лежал сейчас в его шкафчике, в раздевалке охраны, аккуратно завёрнутый в подарочную бумагу с машинками.

Он представлял, как Артёмка обрадуется. Как вскрикнет, как схватит автомат и помчится показывать маме. А Настя нахмурится и скажет: "Пап, зачем ты это купил? Он и так слишком шумный."

Но Артёмка будет счастлив. И это главное.

Петрович допил чай и снова взял газету.

Кроссворд. Шесть букв. Енисей.

Точно.

Он вписал буквы и откинулся на спинку стула.

В будке было тепло, тихо. За окном шумел дождь. Где-то наверху в больнице горел свет — дежурные медсёстры, реанимация. Остальное здание спало.

Петрович любил эту тишину. После тридцати лет в милиции, после всего, что он видел, ночные смены охранником казались ему почти отпуском.

Он вспомнил те годы. Молодость. Восьмидесятые. Когда он был оперуполномоченным уголовного розыска. Тогда он был быстрым, сильным, решительным. Раскрывал дела, ловил преступников, получал благодарности.

Самое громкое дело было в восемьдесят четвёртом.

Петрович до сих пор помнил каждую деталь.

Серия убийств. Дети и молодые женщины. Пропадали у вокзалов, в лесополосах на окраинах города. Находили через несколько дней — изуродованные, с множественными ножевыми ранениями. Некоторых вообще не находили.

Паника была страшная. Люди боялись выходить на улицу вечером. Родители провожали детей до самой школы и обратно. Милиция работала на износ.

Петрович был в оперативной группе. Молодой лейтенант, тридцать два года. Они ездили по вокзалам, опрашивали свидетелей, проверяли подозреваемых. Месяцами. Безрезультатно.

Пока не появилась зацепка.

Мужчина средних лет. Подходил к детям, предлагал проводить, заманивал обещаниями игрушек или сладостей. Одна девочка убежала от него и рассказала матери. Мать сообщила в милицию.

Облава. Петрович был там. Он помнил, как они ворвались в дом — старый деревянный дом на окраине. Как нашли в подвале вещи жертв.

Как задерживали маньяка — тихого, неприметного мужика в очках.

Петрович помнил его лицо. Спокойное. Почти равнодушное.

После этого дела Петровича повысили. Дали звание старшего лейтенанта, наградили. Он был героем. Его фотографию печатали в газетах.

Но по ночам ему снились те дети. Изуродованные тела в лесополосах. Пустые глаза.

Петрович тогда начал пить. Не сильно, но регулярно. Лида ругалась, но терпела. Она всегда терпела. Потому что любила.

Он проработал в милиции ещё двадцать лет. Видел многое. Трупы, кровь, насилие. Привык. Очерствел. Но те дети из восьмидесятых — они остались с ним навсегда.

Петрович покачал головой, прогоняя воспоминания.

Старое. Прошлое. Незачем ворошить.

Он посмотрел на часы. Двенадцать ночи ровно.

Ещё восемь часов до конца смены.

Телефон на столе зазвонил.

Петрович нахмурился и снял трубку.

— Да, — сказал он сонно.

— Пётр Иванович, — раздался взволнованный голос. — Это Алексей. Из морга.

Петрович узнал его. Леша, санитар из морга. Молодой, худой, угрюмый. Работал здесь несколько лет. Нормальный парень, хоть и странный — кто ещё по своей воле пойдёт работать с мертвецами?

— А, Леша, — Петрович зевнул. — Чего звонишь? Что-то случилось?

— Там... — голос Алексея дрожал. — Тут внизу... у меня тут...

Петрович выпрямился. Что-то в голосе парня было неправильное. Страх. Настоящий страх.

— Леша, ты чего? — спросил он настороженно. — Тебе плохо?

— Нет. То есть да. Блин. — Алексей запнулся, потом выпалил: — Петрович, спустись сюда. Пожалуйста. Срочно.

— Чего случилось-то?

— Я... я не знаю, как объяснить. Просто спустись, хорошо? Быстро.

Петрович нахмурился. За пятнадцать лет работы охранником он научился отличать шутку от настоящей проблемы. Это была не шутка.

— Ладно, — сказал он. — Иду.

Он положил трубку, встал и натянул форменную куртку. Взял фонарик и связку ключей. Вышел из будки.

Коридор главного входа был пуст. Тусклый свет ламп, тишина, запах больничной хлорки. Петрович прошёл к лестнице и начал спускаться в цокольный этаж.

Его шаги гулко отдавались в пустоте.

Петрович не спешил. Годы службы научили его не паниковать. Спокойствие, методичность, внимание к деталям. Всегда так.

Он дошёл до двери с табличкой "Патологоанатомическое отделение" и толкнул её.

Внутри пахло формалином и чем-то ещё — чем-то неприятным, тяжёлым.

Приёмная морга была освещена тусклой лампой. За столом сидел Алексей — бледный, с широко распахнутыми глазами. Он вскочил, когда увидел Петровича.

— Ты чего такой бледный? — спросил Петрович, закрывая дверь за собой. — Что стряслось?

Алексей открыл рот, закрыл, снова открыл. Руки у него тряслись.

— Там... — начал он, показывая на металлическую дверь в глубине приёмной. — Там один из... один из трупов. Он встал.

Петрович моргнул.

— Чего?

— Он встал, — повторил Алексей, и голос его сорвался. — Я видел. Он сидел на столе. Потом встал. И... и напал на другое тело. Сожрал его. А потом ещё один начал шевелиться. Я их запер там.

Петрович смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Леша, — наконец сказал он медленно. — Ты пил сегодня?

— Нет! — Алексей шагнул вперёд. — Я не пил! Клянусь! Я видел это! Они там сейчас. Стучат в дверь. Слышишь?

Петрович прислушался.

Тишина.

Потом — глухой удар. Откуда-то изнутри. Из-за металлической двери.

Он нахмурился.

— Стучат? — переспросил он.

— Да! — Алексей выглядел отчаянным. — Не открывай, Петрович. Там что-то не так. Они... они не люди.

Петрович медленно подошёл к двери и приложил ухо к холодному металлу.

Стук. Глухой, монотонный. Потом ещё один.

Он отстранился и вытащил из кармана связку ключей.

— Петрович, не надо! — крикнул Алексей. — Не открывай!

Петрович посмотрел на него.

Тридцать лет в милиции. Он видел всякое. Наркоманов в ломке, буйных психов, пьяных дебоширов. Он знал, что люди в состоянии аффекта могут творить странные вещи. Может, кто-то из пациентов забрёл сюда, а Лешка перепугался в темноте.

Надо проверить.

— Тихо, — буркнул он. — Сейчас посмотрим, что там.

Он вставил ключ в замок, повернул. Щёлкнуло.

Алексей отступил к столу.

Петрович потянул дверь на себя.

Холод ударил в лицо. Тусклый свет коридора морга.

И тишина.

Петрович шагнул внутрь, поднимая фонарик.

Длинный узкий коридор. Двери холодильных камер по обе стороны. Всё как обычно.

Он прошёл вперёд, светя фонариком. Тихо. Только гудение вентиляции.

Дошёл до третьей камеры. Дверь была закрыта.

Стук раздался прямо за ней. Громкий. Резкий.

Петрович замер.

Он медленно взялся за ручку и потянул.

Дверь открылась.

И он увидел.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 5

Дверь третьей камеры открылась.

Петрович светил фонариком внутрь.

Холодная камера. Шесть столов. Тусклый свет.

И тела.

Два тела стояли.

Просто стояли посреди камеры, покачиваясь. Мужчина и ещё один, постарше. Простыни валялись на полу. Кожа синюшная, глаза мутные, пустые. Челюсти отвисли.

Петрович замер в дверях.

Его мозг пытался осмыслить увиденное. Это невозможно. Мёртвые не встают. За тридцать лет в милиции он видел сотни трупов. Они не двигаются. Никогда.

— Эй, — позвал он, поднимая фонарик выше. — Вы меня слышите?

Тела дёрнулись.

Повернули головы в его сторону.

И пошли.

Медленно, неуклюже, волоча ноги. Прямо на него.

Петрович инстинктивно шагнул назад.

— Стойте! — крикнул он. — Стоять!

Командный голос. Тот самый, которым он останавливал дебоширов и преступников. Голос, которому подчинялись.

Но эти не остановились.

Они шли. Ускорялись. Руки тянулись вперёд.

Петрович увидел лицо ближайшего — пустые глаза, оскаленные зубы. Изо рта текла тёмная слюна.

Это не человек.

Первый бросился на него.

Петрович отшатнулся, но не успел. Холодные руки вцепились в его куртку, потянули вперёд. Он попытался оттолкнуть нападавшего, но тот был сильным — неестественно сильным.

— Алексей! — заорал Петрович. — Беги!

Второй мертвец был уже рядом. Метнулся к двери, к выходу, туда где стоял Алексей.

Петрович рванулся вбок, перехватывая его. Его плечо ударилось о дверной косяк. Боль прострелила руку, но он не отпустил. Схватил мертвеца за холодное тело, дёрнул на себя.

— Беги, я сказал! — рявкнул он.

Алексей стоял в коридоре, остолбеневший, бледный как смерть.

— Беги, блять!

Это сорвало Алексея с места. Он развернулся и рванул к выходу.

Петрович видел, как парень исчез за поворотом. Хорошо. Хоть один спасётся.

Зубы впились ему в шею.

Боль — резкая, обжигающая — взорвалась в голове. Петрович закричал и попытался оттолкнуть нападавшего, но тот вцепился намертво. Рвал плоть, как зверь.

Второй мертвец вцепился в его руку. Зубы прокусили рукав куртки, впились в предплечье.

Петрович упал на колени.

Кровь текла по шее, горячая и липкая. Он пытался дышать, но в горле клокотало. Перед глазами поплыло.

Нет. Не так. Не сейчас.

Он попытался встать, но ноги не держали. Руки тоже не слушались. Мертвецы навалились на него сверху, рвали одежду, плоть.

Боль была невыносимой.

Петрович закрыл глаза.

Артёмка.

Светловолосый мальчик с ободранными коленками. Смеётся, бежит к нему с раскрытыми руками. "Дед! Дед, смотри что я нашёл!"

Через три дня у него день рождения.

Восемь лет.

Автомат. Чёрный пластиковый автомат в подарочной бумаге. Лежит в шкафчике. Артёмка так мечтал о нём.

Он не увидит его. Никогда.

Настя. Оля. Дочери. Они так и не простили его. Он хотел попросить прощения. Хотел сказать, что любит их. Что жалеет.

Но не успел.

Лида.

Лида с её усталой улыбкой и тёплыми руками. Она звонила ему той ночью. Просила приехать. А он отмахнулся.

Прости, Лида. Я опять не пришёл вовремя.

Боль начала отступать.

Стало холодно. Очень холодно.

Петрович открыл глаза. Видел только размытые тени над собой. Слышал влажные хрипящие звуки.

Парень убежал. Леша. Хоть его спас.

Хоть что-то.

Темнота накрыла его.

Пётр Иванович Петров, шестьдесят три года, бывший оперуполномоченный уголовного розыска, охранник городской больницы №4, отец двух дочерей и дедушка семилетнего Артёма, умер в коридоре патологоанатомического отделения в 00:27 ночи в среду, 13 ноября.

Его тело продолжало дёргаться ещё несколько секунд.

Потом затихло.

Алексей бежал.

Не думал, не оглядывался — просто бежал по коридору морга, мимо холодильных камер, мимо секции для вскрытий. Его ноги стучали по бетонному полу. Дыхание рвалось из груди.

Крик Петровича эхом отдавался в ушах.

"Беги!"

Алексей ворвался в приёмную, пролетел мимо стола, распахнул дверь в коридор больницы.

Тишина.

Длинный пустой коридор цокольного этажа. Тусклые лампы. Запах хлорки.

Алексей остановился, хватая ртом воздух. Руки тряслись. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Что это было? Что, блять, это было?

Мёртвые тела. Они встали. Они двигались. Они напали на Петровича.

Алексей зажал рот ладонью, чтобы не закричать.

Петрович. Старик остался там. С ними.

Он мёртв. Наверняка мёртв.

Из-за него.

Алексей дёрнулся было обратно, к двери морга. Надо помочь. Надо...

Звук.

Глухой стук откуда-то сзади. Из морга.

Потом ещё один. Ближе.

Что-то шло к двери.

Алексей рванул прочь по коридору. Не в ту сторону, откуда пришёл — там лестница наверх, к главному входу. Он не думал об этом. Просто бежал.

Коридор тянулся бесконечно. Двери по обе стороны — кабинеты, подсобки, старые помещения. Он пробежал мимо первой, второй, третьей.

Остановился у четвёртой.

Табличка на двери: "Служебная комната персонала".

Алексей дёрнул ручку. Заперто.

— Чёрт!

Он огляделся. Коридор был пуст, но откуда-то сзади доносились звуки. Шаги. Или что-то ещё.

Следующая дверь. Без таблички.

Ручка поддалась.

Алексей ворвался внутрь и захлопнул дверь за собой. Повернул щеколду. Щёлк.

Заперто.

Он привалился спиной к двери, тяжело дыша.

Темнота. Почти полная.

Алексей нащупал выключатель. Щёлкнул. Загорелась тусклая лампа под потолком.

Служебная комната. Небольшая, метров десять. Вдоль стен — металлические шкафчики. В углу — скамейка. Раковина. Зеркало над ней. Крючки с халатами. Запах хлорки и чего-то затхлого.

Алексей отошёл от двери и опустился на скамейку.

Руки всё ещё тряслись.

Он уставился в пол.

Что произошло? Что, блять, произошло?

Мёртвые тела встали. Напали. Убили Петровича.

Старик спас его. Оттолкнул. Закричал, чтобы он бежал.

И умер.

Алексей зажмурился.

В голове крутилась одна мысль: это невозможно.

Но он видел. Своими глазами видел.

Снаружи что-то стукнуло.

Алексей вздрогнул, поднял голову.

Тишина.

Он прислушался.

Шаги. Медленные, волочащиеся. Где-то в коридоре.

Потом они стихли.

Алексей сидел неподвижно, не дыша.

Минута. Две.

Тишина.

Он выдохнул и снова опустил голову на руки.

Петрович мёртв.

Он один.

И что-то там, снаружи.

Что-то, что раньше было людьми.

Алексей закрыл глаза и попытался успокоиться.

Дыши. Просто дыши.

Но руки не переставали дрожать.

Время тянулось мучительно медленно. Алексей сидел на скамейке, уставившись в пол. Голова гудела. В ушах звенело. Каждый звук — скрип двери где-то наверху, гудение вентиляции, шум дождя за окном — заставлял его вздрагивать.

Сколько прошло времени? Пять минут? Десять? Час?

Он не знал.

И вдруг — голос.

— Пётр Иванович?

Женский голос. Молодой. Встревоженный.

Алексей замер.

— Пётр Иванович, вы здесь? Что случилось?

Голос доносился из коридора. Близко. Слишком близко к моргу.

Кто-то идёт туда.

К ним.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 6

Алексей вскочил со скамейки.

— Я услышала крик... Пётр Иванович?

Голос становился ближе. Шаги в коридоре.

Она идёт туда. Прямо к ним.

Алексей замер у двери, не решаясь открыть.

Не его проблема. Он её не знает. Какая-то медсестра. Если она достаточно глупа, чтобы идти на звуки из морга ночью — её дело.

Он сам еле выжил. Петрович погиб. Зачем ему рисковать снова?

— Пётр Иванович, вы здесь?

Голос совсем близко.

Алексей сжал кулаки. Её дело. Пусть сама разбирается.

Он сел обратно на скамейку. Закрыл глаза.

Тишина.

Потом — шаги. Удаляются. Она идёт к моргу.

Алексей открыл глаза. Уставился в пол.

Не его проблема.

Совсем не его проблема.

Петрович... Старик спас ему жизнь. Оттолкнул, дал время убежать. Хороший был мужик. Всегда здоровался, подкалывал иногда. Рассказывал истории из милиции.

И теперь мёртв.

Потому что полез туда. Потому что открыл ту чёртову дверь.

Алексей сжал кулаки. Он не хочет умирать так же. Не хочет, чтобы его разорвали эти твари.

Шаги стихли где-то в конце коридора.

Алексей сидел неподвижно.

Молодая девчонка. Лет двадцать. Может, меньше. Наверное, недавно закончила медучилище. Думает, что если услышала крик — надо бежать помогать.

Наивная.

Глупая.

Не его проблема.

Алексей сжал зубы.

Блять.

Он вскочил и рванул к двери. Повернул щеколду, распахнул её.

Коридор. Тусклый свет ламп, длинные тени.

В десяти метрах от него стояла девушка в белом халате. Молодая, совсем молодая. Светлые волосы собраны в хвост, на груди — бейдж медсестры. Она смотрела в сторону морга, нерешительно делая шаг вперёд.

— Не ходи туда! — крикнул Алексей.

Девушка вздрогнула и обернулась. Увидела его — бледного, в испачканном халате, с безумными глазами.

— Что? — она замялась. — Я услышала крик. Что случилось? Где Пётр Иванович?

— Не ходи туда, — повторил Алексей, быстро шагая к ней. — Там опасно.

— Опасно? — она нахмурилась. — Что вы имеете в виду? Кто вы вообще?

Алексей остановился в паре метров от неё. Он видел её раньше. Пару раз в коридорах больницы. Один раз в столовой — она сидела с другими медсёстрами, смеялась над чем-то. Молодая. Совсем зелёная. Симпатичная, если честно. Он тогда даже подумал об этом, но быстро отмахнулся — он не из тех, кто заводит знакомства.

— Я санитар морга, — выдохнул он. — И тебе нельзя туда идти.

— Санитар? — она посмотрела на его халат, на его лицо. — Послушайте, я услышала крик. Чей-то крик. Может, кому-то нужна помощь. Я медсестра, я должна...

Звук.

Глухой стук из морга. Потом ещё один.

Девушка повернулась на звук.

— Там кто-то есть, — сказала она. — Может, Петру Ивановичу плохо? Надо проверить.

Она сделала шаг к двери морга.

Алексей метнулся вперёд и схватил её за руку.

— Не смей!

Она попыталась вырваться.

— Отпустите меня! Что вы делаете?!

— Там не люди, — прошипел Алексей, не отпуская. — Там... там мертвецы. Они встали. Они убили Петровича.

Девушка замерла. Посмотрела на него широко распахнутыми глазами.

— Что?

— Иди со мной. Сейчас. — Алексей потянул её за руку обратно, к служебной комнате.

Она сопротивлялась, пыталась выдернуть руку.

— Пустите! Вы сумасшедший! Я позову...

— Некого звать! — рявкнул Алексей. — Петрович мёртв! Охрана мертва! И если ты сейчас туда пойдёшь, то умрёшь тоже!

Он тащил её силой. Она пыталась упираться, но он был сильнее. Затащил в служебную комнату и захлопнул дверь. Повернул щеколду.

Девушка отшатнулась от него, прижавшись спиной к стене. Дышала часто, испуганно. Руки дрожали.

— Вы... вы ненормальный, — прошептала она. — Я сейчас закричу. Я...

— Охрана мертва, — повторил Алексей тише. — Петрович мёртв. Они его убили.

— Кто?!

Алексей закрыл лицо руками. Как объяснить? Как сказать то, что звучит как бред?

— Трупы, — выдавил он. — Мёртвые тела из морга. Они встали. Они... ожили. И напали на Петровича.

Тишина.

Алексей опустил руки и посмотрел на неё.

Девушка смотрела на него долгим взглядом. Потом медленно покачала головой.

— Вы в шоке, — сказала она тише. — С вами что-то случилось. Что-то ужасное. Но это... это невозможно.

— Я видел.

— Вам показалось. Или... — она запнулась. — Может быть, кто-то из пациентов сбежал? Спутанное сознание, агрессия... Бывает при некоторых заболеваниях. Вы могли подумать, что это...

— Это были не пациенты, — перебил Алексей. — Это были трупы. Холодные. Мёртвые. Их укладывали в камеры вчера, позавчера. А сегодня они встали.

Девушка прижала руку ко рту.

— Боже мой, — прошептала она. — Вам нужен врач. Психиатр. Вы пережили травму, и ваш мозг...

— Я не сумасшедший!

Алексей шагнул к ней, и она инстинктивно сжалась.

Он остановился. Выдохнул.

— Извини, — сказал он тише. — Я не хотел тебя пугать. Просто... просто поверь мне. Не выходи отсюда. Там опасно.

Девушка смотрела на него настороженно. Потом медленно опустила руку.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Алексей.

— Алексей, — повторила она. — Меня зовут Лена. Елена Воронцова. Я медсестра терапевтического отделения. Я работаю здесь год.

Он кивнул.

— Алексей, — Лена говорила медленно, осторожно, как с ребёнком или с душевнобольным. — Я понимаю, что вы пережили что-то страшное. Может быть, вы действительно видели, как на Петровича кто-то напал. Но мёртвые не оживают. Это невозможно с медицинской точки зрения. Когда сердце останавливается, мозг умирает. Клетки разрушаются. Тело не может двигаться.

— Но я видел.

— Вы могли ошибиться. Стресс, страх, плохое освещение... Наш мозг часто искажает реальность в экстремальных ситуациях. Это защитная реакция.

Алексей покачал головой.

— Я не ошибся. Я видел, как один из них сидел на столе. Потом встал. Пошёл. Напал на другое тело. Начал его... есть.

Лена побледнела.

— Есть?

— Рвал зубами плоть. Как зверь.

Она молчала. Смотрела на него с ужасом и недоверием.

— Это бред, — наконец прошептала она. — Это полный бред.

— Тогда откуда крик? — спросил Алексей. — Ты же сама слышала. Петрович кричал. Он кричал мне, чтобы я бежал. А потом... — он замолчал. — Потом они убили его.

Лена прижалась спиной к стене, обхватив себя руками.

— Может быть, на него напал кто-то живой, — сказала она неуверенно. — Псих. Или наркоман. Они бывают очень агрессивными. Я видела таких в приёмном. Они кусаются, царапаются...

— Это были не наркоманы.

— Откуда вы знаете?

— Потому что у них не было пульса! — выкрикнул Алексей. — Потому что они были холодными как лёд! Потому что один из них был с биркой на ноге, блять!

Лена вздрогнула.

Алексей опустился на скамейку, уронив голову на руки.

— Извини, — пробормотал он. — Извини. Я просто... я не знаю, как тебе объяснить.

Тишина.

Потом Лена медленно сползла по стене и села на пол. Обняла колени.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Допустим, вы правы. Допустим, там действительно что-то... странное. Что нам делать?

Алексей поднял голову.

— Не знаю, — признался он. — Я не знаю. Я просто... я просто хотел выжить. Спрятаться. Переждать.

— Переждать? — Лена посмотрела на него. — Что переждать? Если там кто-то буйный, нужно вызвать полицию. Или психиатрическую бригаду.

— Телефон в приёмной, — сказал Алексей. — Но чтобы до него дойти, нужно пройти мимо морга.

— Тогда пойдём вместе, — Лена встала. — Быстро пробежим. Позвоним. И уйдём наверх, к людям.

— Нет.

— Почему?

— Потому что их может быть несколько, — Алексей тоже встал. — Я не знаю, сколько тел там лежало. Семнадцать, говорила Марина. Семнадцать за два дня. Если все встанут...

Он не договорил.

Лена побледнела ещё сильнее.

— Семнадцать? — прошептала она.

— Может, не все, — быстро сказал Алексей. — Может, только те, которых недавно привезли. Я не знаю, как это работает. Но рисковать я

не хочу.

Лена молчала. Потом медленно кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Хорошо. Мы останемся здесь. На время. Но если до утра ничего не изменится, я выйду. С вами или без вас.

— До утра, — согласился Алексей.

Он снова сел на скамейку. Лена осталась стоять, прижавшись к стене.

Они молчали.

Снаружи что-то тихо стукнуло. Потом затихло.

Лена вздрогнула.

— Что это было? — прошептала она.

— Не знаю, — ответил Алексей.

Он посмотрел на дверь. Крепкая. Металлическая. С замком изнутри.

Они в безопасности. Пока.

Лена медленно опустилась на скамейку рядом с ним. Обняла себя руками.

— Я не верю в это, — тихо сказала она. — Я не верю, что мёртвые могут оживать.

— Я тоже не верил, — ответил Алексей. — До сегодняшней ночи.

Они сидели в тишине.

За окном продолжал моросить дождь.

А в коридоре снаружи что-то медленно двигалось.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 7

Город N спал.

Ноябрьская ночь окутала его холодным дождём и тишиной. Панельные многоэтажки стояли тёмными коробками вдоль улиц, только редкие окна светились жёлтым светом. По проспекту Ленина ползла одинокая маршрутка — последний рейс. Пара пешеходов торопилась под зонтами к остановке. Круглосуточный магазин на углу светился неоновой вывеской, но внутри было пусто.

Патрульная машина — белая «Лада Гранта» с синими полосами — медленно катила по мокрому асфальту. Дворники монотонно скрипели по стеклу. Фары выхватывали из темноты лужи, бордюры, пустые тротуары.

Внутри пахло табаком, старой обивкой и кофе из термоса.

За рулём сидел рядовой полиции Антон Кравцов. Двадцать четыре года, второй год в органах. Худощавый, с короткой стрижкой и серьёзным лицом. Он вцепился в руль обеими руками и смотрел на дорогу с той старательной сосредоточенностью, которая выдавала молодого копа.

Рядом, развалившись на пассажирском сиденье, сидел лейтенант полиции Максим Игоревич Соловьёв. Тридцать два года, десять лет в органах. Обычно он командовал сменой и торчал в участке за бумагами. Но неделю назад явился на дежурство с похмелья — начальник отдела, майор Кузнецов, разозлился и отправил его «в поля».

— Хочешь бухать — вали на пенсию, — сказал майор. — А пока будешь патрулировать как рядовой. Может, мозги проветришь.

Максим не обиделся. Наоборот — обрадовался.

Заебали эти бумаги. Рапорты, протоколы, отчёты. Сидишь за столом, жопа затекает, глаза слипаются. А тут — хоть поездишь, подышишь свежим воздухом. Ностальгия, блин. Раньше каждую ночь так катался.

Максим приоткрыл окно, закурил. Холодный воздух ворвался в салон вместе с запахом дождя.

— Антон, не парься так, — сказал он, выпуская дым в щель. — Ты руль держишь, как будто экзамен сдаёшь.

Антон дёрнул плечом.

— Привык, Максим Игоревич.

— Макс, — поправил лейтенант. — Можешь звать просто Макс. Мы ж не на совещании.

— Хорошо... Макс.

Максим усмехнулся и откинулся на спинку сиденья. Достал термос из-под ног, открутил крышку, налил кофе в пластиковый стаканчик. Горький, остывший, но бодрит.

— Знаешь, Антон, — начал он, прихлёбывая кофе, — я помню, как сам первый раз в патруль вышел. Лет десять назад. Тогда ещё «шестёрки» были, старые, ржавые. Печка не работала, зимой замерзали к чёртовой матери.

Антон слушал, не отрывая глаз от дороги.

— Напарник у меня был — Серёга Воронов. Здоровый мужик, лет сорока. Ветеран чеченской. Я тогда совсем зелёный был, после училища. А он меня первую неделю гонял как последнего придурка. — Максим усмехнулся. — Говорит: «Лейтенантик, ты у меня звание в училище оставь. Здесь ты никто. Здесь работай и учись.»

— И как? Научили? — осторожно спросил Антон.

— Научили, — кивнул Максим. — Серёга был мужик правильный. Жёсткий, но справедливый. Он мне за первый месяц больше показал, чем в училище за три года. — Он затянулся сигаретой. — Потом его в Москву перевели. Говорят, сейчас в каком-то управлении сидит. Хороший коп был.

Антон кивнул. Ему нравилось, когда Максим рассказывал. Байки из патруля, истории про старых копов. Это было... успокаивающе. Показывало, что за этой работой стоят живые люди, а не просто должностные инструкции и уставы.

Они свернули с проспекта на улицу Гагарина. Спальный район. Девятиэтажки, дворы, детские площадки. Всё мокрое, тёмное, пустое.

По радио тихо играла музыка. Какая-то попса. Максим не переключал — ему было всё равно.

Потом музыка оборвалась. Заговорил диктор. Женский голос, бесцветный, усталый.

— ...в соседнем городе зафиксирована вспышка неизвестного заболевания. Власти региона сообщают о повышенном количестве пациентов с симптомами высокой температуры и агрессивного поведения. Медицинские учреждения переполнены. Жителям рекомендуется...

Максим потянулся к кнопке и переключил на другую волну. Заиграла старая песня Цоя.

Антон бросил на него быстрый взгляд.

— Вы слышали? — тихо спросил он.

— М?

— Про соседний город. Про заболевание.

Максим пожал плечами.

— Слышал. Ну и что?

Антон помолчал, потом всё-таки решился.

— Максим Игоревич... Макс. А правда, что там что-то серьёзное? Я в интернете читал. Люди пишут, что больницы не справляются. Что полиция...

— Антон, — перебил его Максим, затягиваясь. — Ты сколько в органах?

— Два года.

— Вот. А я десять. И за эти десять лет я видел столько «серьёзного», что уже не парюсь. — Он выпустил дым в окно. — Кто-нибудь сожрал какую-нибудь херню, вот и пошла зараза всякая. Помнишь, года три назад ботулизм был? Бабки на рынке грибочки продавали. Половина города травилась. Все тогда тоже панику раздували.

— Но там говорили про агрессию, — неуверенно сказал Антон.

— Агрессию? — Максим усмехнулся. — Антон, ты в приёмном-то больницы был когда-нибудь?

— Пару раз, — кивнул Антон. — Когда доставляли задержанных.

— Ну вот. Там каждый день агрессия. Бабки орут из-за места в очереди, дерутся тростями. Одна другой по голове как врежет — мало не покажется. — Он хмыкнул. — Обычное дело. Журналисты раздуют из мухи слона, через неделю все забудут.

Антон не ответил. Он хотел верить Максиму. Лейтенант был опытный, спокойный. Наверное, он прав. Просто очередная паника в СМИ.

Они ехали дальше. Дождь усилился. Дворники скрипели быстрее. За окном мелькали пустые дворы, тёмные подъезды, редкие фонари.

Максим допил кофе, закрутил термос, затушил сигарету в пепельнице. Посмотрел на часы. 23:06.

— Ещё пять часов до конца смены, — пробормотал он. — Может, хоть что-нибудь интересное случится.

Антон промолчал. Он не хотел, чтобы что-то случилось. Ему нравилась тишина. Спокойная ночная смена, без происшествий, без драк, без погонь. Просто катаешься по городу, смотришь, всё ли в порядке, потом в участок, отчёт, и домой спать.

Рация на панели тихо потрескивала. Иногда прорывались голоса — обрывки переговоров других экипажей.

— ...второй, проверьте адрес на Лермонтова...

— ...принято, выезжаем...

— ...пятый, у нас тут пьяный дебошир, нужна помощь...

Обычная ночь. Рутина.

Максим зевнул и потянулся. Хрустнули позвонки. Он устало потёр лицо ладонями.

— Жена звонила вчера, — вдруг сказал он. — Орала, что я редко домой захожу. Мол, детей совсем не вижу. Дочке десять лет, сыну восемь. Они меня уже папой не называют, говорит. Зовут «дядя Максим». — Он усмехнулся, но без радости. — Хорошо хоть не «товарищ лейтенант».

Антон не знал, что ответить. Он не был женат. Даже девушки толком не было. Работа съедала всё время.

— Наверное... тяжело, — осторожно сказал он.

— Тяжело, — согласился Максим. — Но что делать. Работа такая. Она меня кормит. — Он снова закурил. — Ты вот, Антох, женись пока молодой. Детей заведи. А то потом только работа, работа. Оглянуться не успеешь — дети выросли, а ты их толком и не видел.

— Я... подумаю, — пробормотал Антон.

Максим рассмеялся.

— Подумает он. Антох, жизнь не ждёт. Пока думаешь — пролетит. Оглянуться не успеешь, уже сорок, лысина, пузо. — Он похлопал себя по животу. — Вот как я.

Антон невольно улыбнулся. Максим был в неплохой форме для своего возраста. Никакого пуза.

Они проехали мимо школы. Пустая, тёмная. На крыльце валялись окурки, мокрые от дождя. Антон притормозил, посветил фарами. Никого.

Дальше — детская площадка. Качели тихо скрипели на ветру. Горка блестела от воды.

У мусорных баков копошилась бродячая собака. Худая, грязная. Она подняла голову, когда машина проезжала мимо, и уставилась на них пустыми глазами. Потом снова сунула морду в пакет с мусором.

— Бедолага, — пробормотал Максим. — Зиму не переживёт.

Антон кивнул.

Они свернули на проспект Победы и поехали дальше, к окраине города. Там был промзона — старые заводы, склады, гаражи. Ночью там особо никого не было, но иногда бомжи собирались или подростки шлялись. Патрулировать всё равно надо было.

Рация снова ожила. Голос диспетчера — мужской, усталый.

— Третий, третий, приём.

Это был другой экипаж. Не их.

— Третий на связи, — откликнулся чей-то голос.

— Поступил вызов, улица Некрасова, дом двенадцать. Соседи жалуются на шум, крики. Проверьте.

— Принято. Выезжаем.

Максим зевнул.

— Опять бухие орут, — сказал он. — Классика.

Антон промолчал. Он вёл машину дальше, к промзоне. Фары выхватывали из темноты ржавые ворота, облупленные стены, разбитые окна.

Ещё пять часов до конца смены.

Ещё пять часов тишины.

Рация затрещала снова. На этот раз — громче, резче.

— Первый, первый, срочно! Приём!

Антон вздрогнул. Максим выпрямился, взял рацию.

— Первый на связи, — сказал он спокойно.

Голос диспетчера был напряжённым.

— Поступил вызов. Окраина города, улица Заводская, дом семь. Сообщают, что местный житель открыл огонь из охотничьего ружья. Стреляет в кого-то на улице. Требуется немедленный выезд. Все свободные экипажи направляются туда же.

Максим нахмурился.

— Стреляет? Из ружья?

— Да. Соседи в панике. Говорят, стреляет уже минут десять.

— Принято, — Максим бросил рацию на панель и посмотрел на Антона. — Заводская, семь. Знаешь где?

— Знаю, — кивнул Антон. — Это на самой окраине. Старые бараки.

— Поехали.

Антон развернул машину и надавил на газ. Мотор взревел. Включились мигалки — синие вспышки заплясали по мокрым стенам домов. Сирена завыла.

Максим затушил сигарету и застегнул куртку. Лицо стало серьёзным.

— Стреляет из ружья, — пробормотал он. — Ну, посмотрим, что за дед там взбесился.

Антон молчал. Он вцепился в руль и гнал вперёд, сквозь дождь и темноту.

Город N больше не спал.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 8

Улица Заводская встретила их темнотой и дождём.

Окраина города. Старые бараки, покосившиеся заборы, разбитые дороги. Фонари здесь горели через один, а те, что горели, давали тусклый жёлтый свет. Лужи отражали мигалки патрульных машин — три «Лады Гранты» выстроились в ряд у дома номер семь.

Максим выскочил из машины первым. Антон следом, прихватив фонарик.

Дом был старый, деревянный, одноэтажный. Краска облупилась, крыша просела. Во дворе горел одинокий фонарь над крыльцом.

И под этим фонарём стоял старик.

Лет семидесяти, может больше. Худой, сгорбленный, в застиранной куртке и резиновых сапогах. В руках он держал двустволку — старую ИЖ-27, горизонталку двенадцатого калибра. Деревянная ложа потёртая, металл потускневший от времени. Надёжная штука, Максим таких видел сотни.

Старик тяжело дышал. Руки тряслись, едва удерживая ружьё. Лицо серое, глаза широко распахнуты.

А на земле, в трёх метрах от него, лежал труп.

Максим замер.

Человек. Мужчина, лет сорока. Лежал на спине, раскинув руки. Одежда изорвана, пропитана кровью. Грудь и живот — месиво из дыр. Голова... голова была почти полностью разворочена. Череп пробит, мозги растеклись по мокрой земле.

— Господи, — выдохнул Антон за спиной Максима.

Максим сглотнул и сделал шаг вперёд, доставая пистолет из кобуры. ПЯ — «Ярыгин». Один из первых в участке получил, когда пришёл приказ о замене оружия на более современное. Семнадцать патронов, девятый калибр. У Антона всё ещё старый ПМ — рядовым новые стволы выдавали в последнюю очередь.

— Оружие на землю! — крикнул он. — Немедленно!

Старик вздрогнул и посмотрел на него пустыми глазами.

— Я... я не хотел, — прохрипел он. — Он шёл на меня. Не останавливался.

— Оружие на землю! Сейчас же!

Старик медленно, словно через силу, опустил ружьё на землю. Оно с глухим стуком упало в грязь.

Максим кивнул Антону. Тот подбежал к старику, развернул его лицом к стене дома, быстро обыскал. Никакого другого оружия. Надел наручники.

Из соседних домов высунулись любопытные лица. Кто-то снимал на телефон.

— Расходимся! — рявкнул Максим. — Это место преступления! Всем по домам!

Лица исчезли. Окна захлопнулись.

Максим подвёл старика к крыльцу, усадил на ступеньки. Присел рядом на корточки.

— Как вас зовут?

— Пётр... Пётр Семёнович Громов, — прохрипел старик. Голос дрожал.

— Расскажите, что случилось. С самого начала.

Громов закрыл глаза. Губы тряслись.

— Я... я был на охоте. В лесу. Вернулся поздно. Часов в одиннадцать, наверное. — Он сглотнул. — Жена... Валя... она днём к подруге ушла. На соседнюю улицу, к Тамаре Ивановне. Я должен был её забрать. Обещал встретить.

— Дальше, — подбодрил Максим.

— Я приехал сюда. Разгрузил ружьё, патроны... хотел в дом зайти, переодеться. А потом за ней идти. — Старик открыл глаза. Они были красные, мокрые. — Но я услышал крик. Вали крик. Я его узнал. Она кричала... так страшно кричала...

Максим переглянулся с Антоном.

— Я схватил ружьё. Зарядил. Побежал на голос. Там... там на соседней улице... — голос Громова сорвался. — Она лежала. На земле. А он... он над ней... грыз её. Зубами. Рвал...

— Кто? — резко спросил Максим. — Этот мужик?

— Да! — Громов закивал. — Он стоял над ней на коленях и... и ел её. Я закричал. Выстрелил в воздух. Думал, испугается, убежит. Но он... он повернулся. Посмотрел на меня. И встал. И пошёл.

Максим почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Куда пошёл?

— На меня. Просто... пошёл. Медленно. Руки вперёд. Я кричал — стой! Стой, сволочь! Но он не останавливался. Глаза пустые. Рот... рот в крови. — Громов задрожал. — Я выстрелил. В грудь. Он даже не споткнулся. Ещё раз. Тоже ничего. Он просто шёл. Я... я испугался. Побежал сюда, к дому. А он за мной. Я обернулся у крыльца. Перезарядил. Он уже был близко. Метра три. Я выстрелил ему в голову. Пулей. И он... упал.

Тишина.

Максим смотрел на старика долгим взглядом.

— А ваша жена? Где она?

— Там... на соседней улице... — Громов всхлипнул. — Валечка моя...

Максим встал.

— Антон, сиди с ним. Я сейчас.

Он быстро прошёл через двор, вышел на соседнюю улицу. Посветил фонариком.

И замер.

На асфальте, метрах в пятидесяти от дома Громова, лежало тело. Женщина. Пожилая. В старом пальто и платке. Лежала на боку, раскинув руки.

Максим подошёл ближе. Присел.

Горло разорвано. Плечо изгрызено. Кровь — тёмная, почти чёрная — растеклась лужей. Лицо бледное, глаза открыты, смотрят в никуда.

Мёртвая.

Максим выпрямился и вернулся обратно.

Антон вопросительно посмотрел на него.

— Там женщина, — тихо сказал Максим. — Мёртвая. Горло разорвано.

— Господи, — выдохнул Антон.

Максим снова присел перед Громовым.

— Пётр Семёнович, — сказал он мягче. — Я вас понимаю. Вы защищались. Но мне нужно знать — вы этого мужика раньше видели? Знаете, кто он?

— Нет, — Громов покачал головой. — Никогда. Не наш. Не из нашей улицы.

— Хорошо. — Максим встал и кивнул Антону. — Веди его к машине.

Антон поднял старика и повёл к патрульной. Громов шёл, спотыкаясь, бормоча себе под нос:

— Валечка... Валечка моя... он её съел... он был мёртвый... мёртвый...

Из второй машины вышли двое полицейских — старший сержант Игорь Белов и рядовой Денис Краснов. Из третьей — ещё двое.

— Макс, что тут? — спросил Белов, подходя.

— Убийство, — коротко ответил Максим. — Дед застрелил мужика. Говорит, что тот на него напал.

Белов присвистнул и посмотрел на труп.

— Охренеть. Башку снёс.

— Ага. — Максим повернулся к нему. — Игорь, Денис, берите деда. Везите в участок. Оформляйте задержание. Убийство при превышении необходимой обороны. Пусть следователь разбирается.

— Принято, — кивнул Белов.

Они подхватили старика под руки и повели к машине. Громов шёл, бормоча что-то под нос:

— Он был мёртвый... мёртвый... глаза пустые...

Максим проводил их взглядом. Две машины завелись и уехали, увозя старика. Мигалки растаяли в темноте.

Остались только Максим, Антон и двое полицейских из третьего экипажа — Сергей Рыбаков и Олег Тимофеев.

— Рыбаков, Тимофеев, — сказал Максим. — Оцепляйте периметр. Чтобы никто не подходил. Антон, со мной.

Он достал телефон и набрал номер дежурной части.

— Соловьёв, первый экипаж. Нужен судмедэксперт на Заводскую, семь. Двойное убийство. Срочно.

— Понял, — ответил дежурный. — Сейчас вызову. Дежурный эксперт — Ковалёв. Будет через полчаса.

— Принято.

Максим убрал телефон и огляделся.

Двор был пуст. Дождь моросил. Труп лежал под фонарём, как декорация из дешёвого фильма ужасов.

Антон стоял рядом, не сводя глаз с тела.

— Макс, — тихо сказал он. — А правда, что старик говорил... что тот был мёртвый...

— Бред, — отрезал Максим. — Старик в шоке. Убил человека, теперь мозг пытается оправдать. Классика.

— Но он говорил, что стрелял три-четыре раза, а тот не падал...

— Антох, — Максим посмотрел на него. — Наркотики. Психи. Адреналин. Бывает, что люди идут на пулях. Ты же знаешь.

Антон кивнул, но выглядел неубеждённым.

Максим закурил и отошёл к машине. Сел на капот, прикрывшись от дождя курткой.

Тридцать минут ждать судмедэксперта. Потом оформление. Потом отчёты. Ещё часа три работы, минимум.

Хорошая ночка выдалась.

Он затянулся сигаретой и посмотрел на часы. 00:14.

Рация на панели затрещала.

— Первый, первый, приём.

Максим нехотя слез с капота и взял рацию.

— Первый на связи.

— Соловьёв, поступил ещё один вызов. Городская больница номер четыре. Охранник не выходит на связь. Пропустил контрольный обход. Начальник охраны просит проверить.

Максим нахмурился.

— Больница? Какая?

— Городская, номер четыре. Проспект Победы, двадцать три.

— Когда охранник последний раз выходил на связь?

— В полночь. Должен был связаться в час ночи, но не вышел. Телефон не берёт.

Максим посмотрел на труп, на двор, на Антона.

Судмедэксперт будет через двадцать минут. Рыбаков и Тимофеев могут подождать его здесь.

— Принято, — сказал он в рацию. — Выезжаем.

Он кинул сигарету в лужу и крикнул:

— Рыбаков! Тимофеев! Ждите эксперта! Мы на вызов!

— Куда? — удивился Рыбаков.

— Больница. Охранник пропал. — Максим сел за руль. — Антон, поехали!

Антон запрыгнул на пассажирское сиденье. Максим завёл мотор.

Машина развернулась и рванула с места, оставляя за собой мигающие огни третьего экипажа и одинокий труп под фонарём.

Антон вёл машину молча, сосредоточенно. Костяшки пальцев побелели на руле. Дворники скрипели по стеклу. Дождь усилился.

Максим сидел рядом, глядя в темноту за окном. В голове крутились слова Громова. *"Он был мёртвый... глаза пустые... он её съел..."*

Старик был в шоке. Это понятно. Убил человека, увидел мёртвую жену. Мозг пытается защититься, придумывает объяснения.

Но что-то в этом было неправильное. Что-то, что Максим не мог поймать.

Он покосился на Антона. Тот сидел напряжённый, вцепившись в руль.

— Антох, всё нормально?

— Да, — выдохнул Антон, не отрывая глаз от дороги. — Просто... странное дело.

— Странное, — согласился Максим.

Антон надавил на газ. Впереди, сквозь дождь и темноту, уже виднелись огни города.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 9

Городская больница №4 встретила их тишиной.

Максим и Антон подъехали к главному входу в 00:52. Дождь усилился — барабанил по крыше машины, заливал лобовое стекло. Фары выхватили из темноты пустую парковку, бетонные ступени крыльца, стеклянные двери.

И будку охраны.

Маленькую, стеклянную, с тусклой лампочкой внутри.

Пустую.

Максим выключил мотор. Тишина стала оглушающей. Только дождь шумел снаружи.

— Никого, — сказал Антон, глядя на будку.

Максим кивнул. Достал телефон, набрал номер начальника охраны. Два гудка.

— Да, — ответил мужской голос. Усталый, раздражённый.

— Лейтенант Соловьёв, первый экипаж. Мы на месте, больница номер четыре.

— А, спасибо что приехали. Ну что, нашли Петрова?

— Пост охраны пуст. Петрова нет.

Пауза.

— Как это нет?! — голос начальника стал резче. — Да у него жена помирала — он на посту был. А сейчас нет?!

— Нет, — повторил Максим. — Будка пуста. Свет горит, но его нет.

Ещё одна пауза. Потом начальник выдохнул.

— Тогда что-то случилось, — сказал он тише. — Серьёзно что-то. Петров пост не бросит. Никогда. Проверьте здание. Может, ему плохо стало, в туалет ушёл или ещё куда.

— Проверим, — сказал Максим и убрал телефон.

Антон посмотрел на него.

— Что делаем?

— Идём внутрь. Ищем охранника. — Максим открыл дверь машины. — Может, правда приспичило, а может хуже. В любом случае надо проверить.

Они вышли под дождь. Максим поднял воротник куртки, Антон включил фонарик.

Подошли к будке охраны. Заглянули внутрь.

Стол. Стул. Термос. Кружка с недопитым чаем. Газета, развёрнутая на кроссворде. Телефон. Связка ключей.

Всё на месте. Только самого охранника нет.

— Как будто только что встал и вышел, — пробормотал Антон.

Максим кивнул. Они поднялись по ступеням к главному входу. Стеклянные двери были приоткрыты. Внутри горел тусклый свет — ночное освещение.

Максим толкнул дверь. Она открылась с тихим скрипом.

Холл был пуст.

Большой, просторный, с рядами пластиковых стульев и стойкой регистратуры. Пол блестел от недавней уборки. Пахло хлоркой и чем-то больничным — лекарствами, антисептиком.

Тишина.

Максим прислушался. Только гудение ламп дневного света где-то наверху. И далёкий, едва слышный звук. Стук? Или стон?

— Слышишь? — тихо спросил Антон.

— Слышу.

Они прошли через холл к коридору. Слева — лестница наверх. Справа — коридор вглубь здания. Прямо — таблички: «Приёмное отделение», «Терапия», «Регистратура».

Максим огляделся. Где могла быть раздевалка охраны?

— Антох, у охранников должна быть своя раздевалка. Обычно где-то на первом этаже или в подвале.

Антон кивнул. Посветил фонариком вдоль коридора. Двери. Таблички. «Кабинет №1», «Процедурная», «Служебное помещение».

— Может там? — он указал на дверь в конце коридора. Без таблички.

Максим пошёл первым. Рука легла на кобуру — инстинктивно. Что-то в этой тишине было неправильное. Слишком тихо. Слишком пусто.

Где персонал? Где дежурный врач? Где хоть кто-то?

Они дошли до двери. Максим взялся за ручку, потянул.

Заперто.

— Чёрт, — выдохнул он.

Антон посветил дальше. Ещё одна дверь. Приоткрытая.

На белой краске — кровавый отпечаток ладони. Смазанный, как будто кто-то пытался удержаться, соскользнул.

Из-за неё доносился звук. Глухой. Монотонный.

Бум. Бум. Бум.

Максим и Антон переглянулись.

— Что это? — прошептал Антон.

Максим не ответил. Подошёл к двери, толкнул её.

Раздевалка.

Небольшая комната. Ряды металлических шкафчиков вдоль стен. Скамейки. Крючки с форменными куртками. Запах табака и пота.

И в дальнем углу — человек.

Он стоял спиной к ним, лицом к одному из шкафчиков. Бился об него. Головой. Руками. Снова и снова.

Бум. Бум. Бум.

Форма охранника. Седые волосы. Широкие плечи.

— Эй! — окликнул Максим. — Мужик, ты в порядке?

Человек замер.

Потом медленно повернулся.

Максим ахнул.

Лицо охранника было изорвано. Горло разорвано — видны мышцы, сухожилия. Щека вырвана, зубы оскалены. Глаза мутные, пустые. На форме — бейдж. «Петров П.И.»

И он шёл на них.

Медленно. Волоча ноги. Руки вперёд. Из горла вырывался хриплый, булькающий стон.

— Что за... — не договорил Антон.

Петрович ускорился. Бросился на них.

Антон инстинктивно оттолкнул его руками.

— Да что за?!

Петрович упал на пол, но тут же начал подниматься. Руки и ноги двигались неловко, механически. Он встал и снова пошёл на них.

— Пётр Иванович! — крикнул Максим. — Остановитесь!

Но тот не останавливался. Дошёл до Максима, протянул руки, схватил за куртку.

Максим инстинктивно схватил его за плечи, попытался оттолкнуть.

Петрович щёлкнул зубами прямо у его лица. Максим увернулся, с отвращением отшвырнул охранника.

— Какого хрена?!

Петрович снова упал. Снова встал.

Антон отступил к двери.

— Макс, он не останавливается!

— Вижу, блять!

Петрович пошёл на Максима снова. Медленно, упорно, не отводя мутных глаз.

Максим сделал шаг назад. Рука сама потянулась к кобуре. Он выхватил пистолет — ПЯ, тяжёлый, привычный.

— Всё, хватит! — крикнул он и выстрелил.

Выстрел оглушил в замкнутом пространстве. Петрович дёрнулся — пуля попала в грудь, прямо в сердце.

Но он не упал.

Даже не остановился.

Просто продолжал идти.

— Что?! — Максим выстрелил ещё раз. Снова в грудь.

Петрович шёл. Уже в метре от него. Руки тянутся. Зубы щёлкают.

— Макс! — закричал Антон. — В голову! Стреляй в голову!

Но Максим застыл. Смотрел на Петровича широко распахнутыми глазами. Два выстрела в грудь. Два. И ничего.

Петрович схватил его. Потянул к себе. Открыл окровавленный рот, зубы у самого горла Максима.

БАХ!

Голова Петровича дёрнулась. Череп с одной стороны разнесло. Мозги брызнули на стену. Тело обмякло и рухнуло на пол.

Тишина.

Максим стоял, тяжело дыша. Антон держал пистолет — старый ПМ — и смотрел на труп.

— Ты... — Максим сглотнул. — Ты откуда знал? Про голову?

Антон медленно опустил пистолет. Руки дрожали.

— Дед... Громов. Он говорил, что стрелял в грудь — ничего. Только когда в голову попал, тот упал.

Максим посмотрел на труп Петровича. Потом на Антона.

— Хорошая память, Антон.

Они стояли молча. В ушах звенело после выстрелов. Запах пороха смешался с запахом крови.

Максим сделал шаг к трупу. Присел на корточки. Посмотрел на бейдж.

«Петров П.И. Охрана.»

Тот самый охранник. Которого они искали.

Он посмотрел на шкафчик, об который бился Петрович. На дверце — табличка. «П.И. Петров».

— Что он там хотел? — прошептал Антон.

Максим не ответил. Встал. Отошёл от трупа.

— Не знаю. И знать не хочу. Идём.

— Куда?

— Отсюда. — Максим взял Антона за плечо. — Что-то здесь не так. Очень не так. Надо...

Звук.

Далёкий. Протяжный стон.

Откуда-то из глубины здания.

Потом ещё один. И ещё.

Максим и Антон замерли.

— Их там больше, — тихо сказал Антон.

Максим кивнул. Перезарядил пистолет. Семнадцать патронов. Минус два на Петровича. Пятнадцать осталось.

— Идём, — сказал он. — Осторожно.

Они вышли из раздевалки в коридор.

И услышали шаги. Много шагов. Шарканье. Стоны.

Откуда-то справа, из темноты коридора, появились силуэты.

Трое. Четверо. Пятеро.

Люди. Или то, что раньше было людьми.

Шли медленно, неуклюже. Руки вперёд. Глаза пустые.

Максим схватил Антона за плечо.

— Назад! К выходу! Быстро!

Они развернулись и побежали обратно, к главному входу. За спиной — протяжные стоны, шарканье ног.

Максим на бегу выхватил рацию.

— Дежурная часть, дежурная часть! Первый экипаж, срочно!

Впереди — стеклянные двери главного входа. Ещё немного.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 10

Максим схватил Антона за плечо и рванул назад.

— К выходу! Быстро!

Они развернулись и побежали по коридору к главному входу. За спиной — протяжные стоны, шарканье ног по полу. Их было много. Слишком много.

Максим на бегу выхватил рацию.

— Дежурная часть, дежурная часть! Первый экипаж, срочно!

Только помехи в ответ.

Коридор тянулся бесконечно. Тусклые лампы, длинные тени, запах хлорки и чего-то гнилого. Максим слышал собственное дыхание, стук ботинок по кафелю, сердце колотилось в груди.

Антон бежал рядом, держа пистолет обеими руками. Лицо белое, глаза широко распахнуты.

Позади — стоны громче. Они приближались.

— Быстрее! — рявкнул Максим.

Впереди показались стеклянные двери главного входа. Ещё двадцать метров. Пятнадцать.

Антон споткнулся.

Упал на колено, пистолет вылетел из рук, заскользил по полу.

— Чёрт!

Максим развернулся, схватил его под мышку, рывком поднял.

— Оружие!

Антон нырнул за пистолетом, подхватил его.

Максим обернулся.

Они были в десяти метрах.

Пятеро. Шестеро. Больше.

Силуэты в больничных халатах, в одежде пациентов. Кто-то голый. Двигались неуклюже, волоча ноги, руки вперёд. Лица мертвенно-бледные, глаза пустые. Рты открыты.

Ближайший — мужчина лет сорока, живот вываливается из расстёгнутого халата — ускорился. Протянул руки.

Максим выстрелил.

БАХ!

Попал в грудь. Мужчина дёрнулся, но не упал. Продолжал идти.

— Макс! — крикнул Антон.

— В голову! Только в голову!

Максим прицелился. Выдохнул. Выстрел.

Голова мужчины дёрнулась назад. Он упал.

Остальные шли.

— Беги! — Максим толкнул Антона к выходу.

Они рванули последние метры. Максим на бегу обернулся, выстрелил ещё раз — попал в женщину в больничной рубашке. Голова. Она рухнула.

Антон налетел на стеклянные двери, распахнул их.

Холодный ноябрьский воздух ударил в лицо.

Они выскочили наружу.

Парковка перед больницей.

Туман. Густой, серый, неподвижный. Видимость метров тридцать, не больше.

Их машина стояла там, где они оставили — белая «Лада Гранта» с синими полосами, мигалки выключены. Цела.

Максим остановился, тяжело дыша. Антон рядом, согнулся пополам, хватал ртом воздух.

— Блять, — выдохнул Антон. — Блять, блять, блять...

Максим огляделся.

Парковка почти пустая. Несколько машин — старая «Нива», «Приора», минивэн какой-то. Фонари горят тускло сквозь туман. Тишина.

Нет. Не тишина.

Вдалеке слышались крики. Сирены. Где-то за туманом, в городе.

И ещё — стон.

Протяжный, низкий.

Максим резко обернулся.

Слева, у мусорных баков, стояла фигура.

Мужчина. Пожилой. В куртке охранника больницы.

Нет. Не Петрович. Другой.

Он стоял, покачиваясь. Потом повернул голову. Увидел их.

И пошёл.

— Ещё один, — прошептал Антон.

Максим схватил его за плечо.

— В машину. Быстро.

Они рванули к «Гранте». Максим выхватил ключи, нажал кнопку разблокировки. Щёлкнуло.

Сели. Захлопнули двери.

Тишина.

Антон сидел, уронив голову на руль. Дышал часто, неглубоко.

Максим посмотрел в зеркало. Стеклянные двери больницы. Оттуда выходили фигуры. Одна. Вторая. Третья.

Медленно. Неуклюже. Прямо к машине.

— Макс, — Антон поднял голову. — Что это, блять, было?

Максим не ответил. Завёл двигатель. Мотор заработал ровно, успокаивающе.

Он посмотрел на рацию. Взял её.

— Дежурная часть, дежурная часть. Первый экипаж. Ответьте.

Помехи. Потом — голос. Задыхающийся, напряжённый.

— Первый... не могу сейчас... тут...

Дежурный Сергей Викторович. Пятьдесят лет, спокойный мужик. Максим знал его десять лет. Никогда не слышал, чтобы Серёга так говорил.

— Дежурная, что случилось? — Максим сжал рацию сильнее.

— Дед этот ваш! — выкрикнул голос. — Он напал! Бешеный совсем! Кусается, блять!

В фоне — крики. Грохот. Что-то упало.

— Держи его! — орал кто-то. — Не подпускай!

Выстрел. БАХ! Потом ещё один.

— Серёга! — крикнул Максим в рацию. — Серёга, что там?!

Звуки борьбы. Хрип. Стон.

Потом — тишина.

Максим сжал рацию так, что побелели костяшки пальцев.

— Дежурная часть! Ответьте! Серёга!

Тишина.

Потом из рации донёсся звук.

Протяжный. Низкий. Нечеловеческий.

Стон.

Антон побледнел.

— Это... это же...

— Заткнись, — оборвал Максим.

Он переключил частоту. Другие каналы. Может кто-то ответит.

— Любой экипаж, ответьте. Первый экипаж, нужна помощь.

Помехи. Обрывки голосов.

— ...множественные жертвы... укусы...

— ...на Ленина толпа... не реагируют...

— ...третий экипаж, требуется подкрепление...

— ...скорая не приезжает... никто не...

Хаос. Все кричали одновременно. Перебивали друг друга.

Максим выключил рацию.

Тишина в машине.

Антон сидел, уставившись в лобовое стекло. Сквозь туман видны силуэты. Они шли к машине. Медленно, но шли.

— Что происходит, Макс? — тихо спросил Антон. — Что, блять, происходит?

Максим не знал что ответить.

Дед. Старик Громов, которого они везли в участок. Его жену сожрал какой-то мужик прямо на улице. Дед застрелил нападавшего из двустволки. Потом его забрали в участок — свидетель убийства.

Старик был в шоке, трясся. Может, тот мужик успел его укусить в драке? Царапнуть? Максим не проверял. Не было причин.

А теперь дед превратился.

И напал на дежурную часть.

— Не знаю, — выдохнул Максим. — Я не знаю.

Он посмотрел на Антона. Молодой, перепуганный. Второй год в органах. Двадцать четыре года. Не женат, даже девушки толком нет.

— Слушай меня, Тоха, — сказал Максим. — Сейчас мы отсюда уезжаем. Едем...

Куда? В участок? Там дед-зомби и хрен знает сколько ещё. К семье? У Максима жена и двое детей в квартире на Гагарина. Дочка, сын. И мать в соседнем районе. У Антона родители в деревне, за сто километров.

— Едем к моей семье, — закончил Максим. — Заберу жену, детей, мать. Потом сваливаем из города.

Антон медленно покачал головой.

— Нет.

— Что — нет?

— Я не могу, — Антон посмотрел на больницу. — Там люди, Макс. Врачи. Медсёстры. Пациенты. Живые люди.

— Антон...

— Я не могу просто уехать, — Антон повернулся к нему. Лицо бледное, но решительное. — Мы копы. Мы должны помогать.

— Мы еле выжили! — рявкнул Максим. — Ты понимаешь? Мы еле, блять, выжили! И ты хочешь назад?!

— Я хочу попробовать найти кого-то. Вывести. Спасти.

— Как?! Как ты собрался их спасать?! Их там десятки! Сотни, может!

Антон молчал. Потом указал на больницу.

— Будка охраны. Петровича. Помнишь? Стеклянная. Крепкая. Я запрусь там. Попробую связаться с кем-то внутри по больничной рации. Если найду живых — выведу.

— Это самоубийство.

— Может быть, — Антон пожал плечами. — Но я не могу иначе. Я коп, Макс. Я давал присягу. Защищать людей. Я не могу просто уехать, зная что там кто-то живой. Что они зовут на помощь, а я сбежал.

Максим сжал руль. Посмотрел на Антона долгим взглядом.

Упрямый пацан. Идиот.

Правильный идиот.

— У тебя сколько патронов? — спросил Максим.

Антон достал магазин, проверил.

— Одиннадцать.

— Береги каждый. Только в голову, понял?

— Понял.

— И рацию бери, — Максим снял свою полицейскую рацию с пояса. — Если что — вызывай. Я буду на связи. Первый канал.

Антон взял рацию. Посмотрел на Максима.

— А ты?

— Я еду домой. К жене, детям. Заберу их. Потом... не знаю. Может вернусь за тобой.

— Спасибо, — Антон протянул руку.

Максим пожал её. Крепко.

— Не геройствуй, Антон. Если там всё плохо — уходи сразу. Понял?

— Понял.

Антон кивнул.

Максим посмотрел на больницу. Фигуры всё ближе. Метров пятнадцать до машины.

— Иди. Быстро.

Антон открыл дверь. Вышел. Обернулся.

— Макс. Увидимся?

Максим хотел сказать «да». Хотел соврать, что всё будет нормально.

Но не смог.

— Постараемся, — сказал он.

Антон кивнул. Захлопнул дверь.

Максим смотрел, как он бежит к главному входу больницы. Быстро, пригнувшись. Фигуры зомби повернулись на движение, но Антон был быстрее. Проскользнул мимо них, распахнул стеклянную дверь, скрылся внутри.

Максим выдохнул.

Включил первую передачу.

Машина тронулась.

Антон добежал до будки охраны.

Она стояла снаружи, справа от главного входа больницы. Под навесом. Маленькая стеклянная коробка. Внутри — стол, стул, телефоны, рации. На стене — графики обходов, объявления.

Дверь открыта.

Антон влетел внутрь, захлопнул дверь. Повернул замок изнутри. Щёлк.

Заперто.

Он привалился спиной к двери, тяжело дыша.

Стекло. Со всех сторон стекло. Он видел вход в больницу, парковку, туман.

Тишина. Пока.

Потом из стеклянных дверей больницы начали выходить фигуры.

Одна. Две. Три. Четыре.

Больничные халаты. Пациенты. Кто-то в форме санитара.

Они шли медленно, неуклюже. Головы склонены. Руки висят. Бродили по парковке.

Один из них — мужчина лет тридцати в белом медицинском халате — повернул голову.

Увидел Антона в будке.

Остановился.

Потом пошёл к будке.

Остальные последовали за ним.

Антон отступил от двери. Проверил пистолет. Одиннадцать патронов. Один магазин.

Только в голову.

Зомби в белом халате подошёл к стеклу. Остановился в сантиметре от него. Лицо мертвенно-бледное, глаза мутные. Челюсть отвисла. Изо рта тянулась слюна.

Он уставился на Антона пустым взглядом.

Потом поднял руку и ударил в стекло.

БАМ.

Стекло дрогнуло, но выдержало.

БАМ. БАМ. БАМ.

Остальные подошли. Начали бить. Методично. Монотонно.

Антон отступил к столу.

Стекло крепкое. Пуленепробиваемое. Должно выдержать.

Он сел на стул. Посмотрел на стол.

Термос. Кружка с остывшим чаем. Газета с кроссвордом. Карандаш.

Охранник. Тот, которого они убили в раздевалке. Зомби с бейджем "Петров П.И."

Он больше не вернётся за своим термосом.

БАМ. БАМ. БАМ.

Антон открыл глаза. Посмотрел на больничную рацию на стене. Снял её.

Включил.

— Это патрульная полиция, — сказал он в рацию. — Если кто-то слышит меня... если в здании есть живые люди... ответьте. Я в будке охраны у главного входа. Ответьте, пожалуйста.

Помехи.

Тишина.

Антон повторил.

— Это полиция. Если кто-то меня слышит...

Треск в рации. Потом — голос.

Женский. Молодой. Испуганный.

— ...слышу вас... мы заперты... нас двое...

Антон выпрямился.

— Где вы? Назовите местоположение.

— ...цокольный этаж... служебная комната... мы не знаем как выйти... там они... везде они...

— Спокойно, — Антон говорил медленно, чётко. — Как вас зовут?

— Лена. Елена Воронцова. Я медсестра. Со мной Алексей, санитар морга.

Морг. Цокольный этаж.

Антон посмотрел на зомби за стеклом. Они продолжали бить. Их было уже шестеро.

Он не может туда пойти. Не может дойти до цокольного этажа. Один. Через всю больницу.

Но он обещал.

— Лена, — сказал он в рацию. — Слушайте меня внимательно. Вы можете добраться до главного входа?

Пауза. Потом голос, уже мужской:

— Нет. Мы пробовали. Их слишком много в коридорах. Мы не пройдём.

— Есть другие выходы?

— Чёрный ход. С цокольного этажа. Выходит на заднюю парковку. Но...

— Но?

— Но чтобы туда дойти, нужно пройти мимо морга. А там... там их много.

Антон сжал рацию.

Он ничем не может помочь. Он один, с пистолетом и одиннадцатью патронами. А их десятки.

— Сидите где сидите, — сказал он. — Не выходите. Не открывайте дверь. Я... я что-нибудь придумаю.

— Спасибо, — прошептала Лена.

Антон положил рацию на стол.

Посмотрел на зомби за стеклом.

БАМ. БАМ. БАМ.

Их стало больше. Восемь. Десять.

Они окружили будку.

Антон достал телефон. Посмотрел на экран.

Родители. Деревня в ста километрах от города. Отец, мать. Они там в безопасности. Наверное.

Он хотел позвонить. Сказать что происходит. Предупредить, чтобы никуда не ездили, сидели дома.

Но что он скажет? Что мёртвые встают? Что город охвачен... чем? Эпидемией? Проклятием?

Отец подумает, что он пьян. Или сошёл с ума.

Антон убрал телефон.

Посмотрел на стекло.

Зомби били. Снова. И снова. И снова.

Антон взял пистолет.

Одиннадцать патронов. Десятки зомби вокруг.

Он сидел в стеклянной клетке, окружённый мертвецами.

И ждал.

Максим ехал по пустым улицам города.

Туман окутывал всё. Фонари горели тускло, создавая призрачные ореолы в мокром воздухе. Дождь моросил, капли стекали по лобовому стеклу.

Город просыпался.

Шесть утра. Обычно в это время на дорогах уже пробки — люди едут на работу. Автобусы, троллейбусы, машины.

Сейчас — пусто.

Нет. Не пусто.

Максим проехал мимо остановки. На скамейке сидела женщина. Неподвижно. Голова склонена набок.

Он притормозил. Посмотрел в зеркало.

Женщина медленно поднялась. Повернулась. Пошла за машиной.

Максим прибавил газ.

Дальше — перекрёсток. Светофор мигал жёлтым. Максим проехал.

Справа — продуктовый магазин. Дверь распахнута. Внутри темно.

На тротуаре лежало тело. Мужчина в рабочей куртке. Неподвижный.

Максим не остановился.

Сирены. Вдалеке слышались сирены. Полиция. Скорая. Пожарные.

Все кричали одновременно.

Максим включил радио.

Новости.

«...просим жителей города сохранять спокойствие. В связи с чрезвычайной ситуацией введён режим повышенной готовности. Гражданам рекомендуется оставаться дома, не выходить на улицу без крайней необходимости. Информация о характере угрозы будет предоставлена дополнительно. Повторяем: оставайтесь дома. Закройте двери и окна. Не...»

Помехи. Потом музыка.

Попса. Какая-то весёлая песня про любовь.

Максим выключил радио.

Гагарина, 34. Панельная девятиэтажка. Его дом. Квартира на третьем этаже.

Жена. Катя. Дочка Вика, десять лет. Сын Артём, восемь.

Максим припарковался у подъезда. Вышел из машины.

Туман. Тишина. Только его дыхание и далёкие сирены.

Подъезд. Домофон не работает. Дверь приоткрыта.

Максим толкнул её. Зашёл.

Лестница. Лифт не работает — табличка «Ремонт» висит уже месяц.

Максим начал подниматься.

Первый этаж. Второй.

На втором — дверь квартиры распахнута. Изнутри доносились звуки. Хрип. Влажное чавканье.

Максим остановился. Посмотрел внутрь.

Темно. Силуэты.

Он быстро прошёл мимо.

Третий этаж.

Его квартира. Дверь закрыта.

Максим достал ключи. Руки дрожали.

Открыл дверь.

— Катя! Это я!

Тишина.

Потом — звук шагов. Быстрых.

Дверь распахнулась.

Жена. Катерина. Тридцать лет. Тёмные волосы до плеч, карие глаза. В домашнем халате. Лицо бледное, испуганное.

— Макс? Что ты здесь делаешь? Ты же на работе... Я слышала сирены, по телевизору что-то говорят...

— Собирайтесь, — сказал Максим. — Быстро. Самое необходимое. Мы уезжаем.

— Что? Куда?

— Объясню в машине. Где дети?

— Спят. Макс, что случилось?

Он посмотрел ей в глаза.

— Катя. Доверься мне. Пожалуйста. Разбуди детей. Одевайте их. Берите документы, деньги, тёплые вещи. У вас пять минут.

Она посмотрела на его лицо. Увидела что-то в его глазах.

Кивнула.

— Хорошо.

Они спускались по лестнице.

Катя с сумкой. Вика, сонная, держала мать за руку. Артём на руках у Максима — мальчик заснул, обняв отца за шею.

Максим шёл впереди, пистолет во второй руке.

Второй этаж. Дверь той квартиры всё ещё открыта. Звуки стихли.

Максим прошёл мимо быстро, прикрывая детей.

Первый этаж — фигура.

Мужчина. Старый. В домашнем халате.

Стоял спиной к ним, покачиваясь.

Максим замер. Поднял руку — стой.

Катя остановилась, прижав Вику к себе.

Мужчина медленно повернулся.

Лицо серое. Глаза пустые. Челюсть отвисла.

Максим узнал его. Сосед из второго подъезда. Иван Петрович. Пенсионер. Всегда здоровался.

Теперь он смотрел на них мёртвым взглядом.

И пошёл.

— Назад, — прошептал Максим.

— Что?

— Назад! Наверх!

Он развернулся, схватил Катю за руку, потащил вверх по лестнице. Артём крепче обнял шею отца.

Позади — стон. Шарканье.

Второй этаж.

Максим остановился. Посмотрел вниз.

Мужчина шёл. Медленно, но шёл.

Максим переложил сына на левую руку. Поднял пистолет. Прицелился.

— Макс, что ты делаешь?! — Катя схватила его за плечо. — Это же Иван Петрович!

— Это не человек, Катя, — тихо сказал Максим.

Выстрел.

БАХ!

Вика закричала. Артём проснулся, заплакал.

Звук оглушил в тесном пространстве лестницы.

Мужчина упал.

Тишина. Только плач Артёма.

Катя стояла, прижав руку ко рту. Глаза широко распахнуты.

— Идём, — Максим потянул её вниз. — Быстро.

Они спустились. Перешагнули через тело. Вышли на улицу.

К машине.

Максим открыл задние двери. Катя быстро посадила Вику, села сама, взяла Артёма. Обняла обоих детей.

Максим сел за руль.

Завёл двигатель.

Посмотрел в зеркало на жену. Она сидела, прижав детей к себе. Лицо белое. Губы дрожат.

— Катя...

— Поехали, — прошептала она. — Просто поехали отсюда.

Максим включил передачу.

Машина тронулась.

За окном — туман. Пустые улицы. Далёкие крики.

Город умирал.

А они ехали прочь.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 11

Трещина появилась в два часа ночи.

Антон сидел на стуле, привалившись спиной к задней стенке будки, и считал удары. Сто двадцать три. Сто двадцать четыре. Сто двадцать пять. Монотонные, тяжёлые, как удары метронома. БАМ. БАМ. БАМ. Он уже привык. Почти привык.

Их было двенадцать. Он пересчитал. Двенадцать мертвецов стояли вокруг будки полукругом и методично били в стекло. Кулаками, ладонями, лбами. Один бился плечом — тупо, упорно, как баран в ворота. Женщина в больничной рубашке скребла ногтями по стеклу — звук был такой, что хотелось заткнуть уши и орать.

Антон не орал. Сидел тихо. Дышал. Смотрел.

Стекло было крепкое. Толстое, армированное — всё-таки охрана больницы, не ларёк с шаурмой. Но оно не было вечным. Ничто не вечно, как говорил батя, когда чинил забор на даче.

Трещина пошла от правого нижнего угла. Тонкая, как паутинка. Антон заметил её не сразу — только когда свет фонаря упал под нужным углом. Он привстал, присмотрелся. Точно. Трещина. Сантиметров пятнадцать, ветвится.

Антон сел обратно. Посмотрел на пистолет на столе. Потом на рацию. Потом снова на трещину.

Ладно. Значит, времени мало.

Он взял больничную рацию. Нажал кнопку.

— Лена. Алексей. Вы на связи?

Шипение. Потом голос — мужской, хриплый.

— Здесь. Что?

— Как обстановка?

Пауза. Потом Алексей ответил:

— Сидим. Тихо. Слышно, как они ходят в коридоре. Но дверь не трогают. Может, не знают, что мы тут.

— Хорошо, — сказал Антон. — Слушайте. У меня стекло трескается. Не знаю, сколько продержится. Час, может два. Может меньше. Мне нужно отсюда выбираться.

Тишина.

— И куда ты пойдёшь? — спросил Алексей.

Хороший вопрос. Антон посмотрел через стекло. Парковка. Туман. Фигуры. Вход в больницу — оттуда продолжали выходить. Медленно, по одному, как пассажиры из автобуса. Только эти пассажиры были мёртвые.

— К вам, — сказал Антон.

— Что?!

— К вам. Через больницу. Через боковой вход — есть же боковой, со стороны приёмного покоя?

— Есть, — ответила Лена. — Но там...

— Я знаю, что там. Я там был час назад. Слушайте, мне нужен маршрут. Лена, ты работаешь в этой больнице. Как пройти от бокового входа к вашей комнате?

Пауза. Он слышал, как они шепчутся. Потом Лена:

— Боковой вход. Там коридор приёмного покоя, метров тридцать. В конце — лестница вниз, на цокольный. Спускаешься, поворачиваешь налево. Мимо прачечной, мимо склада. Потом направо — и наша дверь. Она зелёная, с надписью «Служебная».

— Сколько всего метров?

— Метров семьдесят, может восемьдесят.

Семьдесят метров. Антон прикинул. Одиннадцать патронов. Если каждый — в голову, без промаха, это одиннадцать снятых. Но их там не одиннадцать. Их десятки. И в темноте, на бегу, попасть в голову — это не тир. Это лотерея.

— Лена, — сказал он. — Сколько их на цокольном?

— Не знаю. Когда мы бежали... может, пять. Может, больше. Они выходили из морга. Не все сразу. По одному, по два.

— А в приёмном покое?

— Не знаю.

Антон закрыл глаза. Подумал. Открыл.

— Ладно. Делаем так. Я выхожу отсюда, обхожу здание, захожу через боковой вход. Иду к вам. Если всё чисто — забираю вас, и мы уходим через чёрный ход. Если нет...

Он не закончил.

— Если нет — что? — спросил Алексей.

— Если нет — вы это услышите.

БАМ. Стекло треснуло дальше. Паутинка разрослась, дошла почти до середины панели. Зомби в белом халате — тот, первый — ударил снова. И снова. Он не уставал. Мёртвые не устают.

Антон встал. Засунул пистолет в кобуру. Застегнул. Проверил фонарик — работает. Посмотрел на стол. Термос Петровича. Кружка. Газета с кроссвордом. Карандаш.

Он взял карандаш. Посмотрел на кроссворд. «Река в Сибири, шесть букв.» Вписал: «Иртыш». Положил газету обратно.

Зачем он это сделал — сам не знал. Просто показалось правильным.

Рация. Полицейская, Максима. Антон взял её, переключил на первый канал.

— Макс. Ты на связи?

Помехи. Потом — голос. Далёкий, с шумом мотора на фоне.

— Здесь. Что у тебя?

— Ухожу из будки. Стекло не выдержит. Иду за теми двоими — медсестра и санитар, в цокольном.

Пауза.

— Антон...

— Я знаю, что ты скажешь.

— Ты не знаешь. Я хотел сказать — осторожнее. И... — Максим замолчал. Потом: — Если выберешься — двигай на юг, к Заводскому району. Мы попробуем выехать из города. Встретимся.

— Понял. Как семья?

— В машине. Живы. Еду за матерью.

— Удачи, Макс.

— И тебе. Не геройствуй.

Антон усмехнулся. Убрал рацию в карман. Подошёл к двери. Она открывалась наружу — это плохо. Прямо перед дверью стояли двое. Мужчина в спортивных штанах и больничной куртке, и женщина — та самая, которая скребла ногтями.

Антон посмотрел направо. С правой стороны будки — зазор. Между будкой и стеной больницы — метра полтора. Зомби туда не зашли. Тесно, неудобно. Они лезли к стеклу, к свету, к нему.

Значит, направо.

Антон подошёл к правой стенке. Здесь стекло было целое — сюда никто не бил. Он посмотрел на конструкцию. Будка собрана из

металлического каркаса и стеклянных панелей. Панели вставлены в пазы. Если выбить нижнюю панель с этой стороны — можно вылезти в зазор между будкой и стеной. А оттуда — вдоль стены, к боковому входу.

Он взял стул. Тяжёлый, металлический, привинченный к полу. Привинченный? Антон наклонился. Четыре болта. Ржавые, но крепкие. У него нет инструмента.

Он посмотрел вокруг. Стол. Ящик. Открыл — ручки, скрепки, степлер, пачка сигарет, зажигалка, связка ключей. Ключи. Большие, старые, от внутренних дверей больницы. Петрович носил их на поясе.

Антон взял связку. Тяжёлая. Нет. Не то. Он посмотрел снова. Под столом — сумка. Потёртая, кожаная. Открыл. Сменная одежда, полотенце, мыло, термос поменьше. И на дне — разводной ключ. Маленький, но крепкий.

Петрович, подумал Антон. Ты и после смерти помогаешь.

Он опустился на колени. Первый болт пошёл туго, со скрипом. Зомби за стеклом дёрнулись на звук. Усилили удары. БАМ-БАМ-БАМ. Быстрее. Злее. Если у мёртвых бывает злость.

Второй болт. Третий. Руки мокрые, ключ скользит. Антон вытер ладони о штаны. Четвёртый. Готово.

Стул свободен.

Он поднял его. Тяжёлый, килограммов семь. Хорошо. Примерился. Правая панель стекла — нижняя секция. Если ударить ножками стула в центр — должна выбить.

Антон глубоко вдохнул. Посмотрел на зомби с фронтальной стороны. Трещина на переднем стекле разрослась — теперь она была похожа на речную дельту, с десятком ответвлений. Минуты. Может, секунды.

Он замахнулся и ударил.

Грохот. Стекло не разбилось — армированное, сука, — но выгнулось, затрещало. Ещё раз. Панель вылетела наружу, целиком, одним куском, и с глухим стуком легла на асфальт.

Холодный ноябрьский воздух хлынул в будку. Мокрый, с запахом дождя и чего-то ещё — сладковатого, гнилостного. Запах, который Антон уже начинал узнавать.

Он полез в дыру. Ноги, потом тело, потом голова. Зомби среагировали — повернулись на звук, на движение. Пошли к правой

стороне будки. Но Антон уже был снаружи, в узком зазоре между будкой и кирпичной стеной больницы. Полтора метра шириной, метров пять длиной. Впереди — угол здания. За углом — боковой проход к приёмному покою.

Антон побежал.

Не оглядываясь. Кроссовки шлёпали по мокрому асфальту. Дождь бил в лицо. Он завернул за угол, прижался к стене, выдохнул.

Тихо.

Ну, относительно тихо. Где-то вдалеке — сирены. Одинокий гудок машины. И стоны. Протяжные, низкие, нечеловеческие. Они шли отовсюду, будто сам город стонал.

Антон посмотрел вперёд. Боковой вход в приёмное отделение. Двадцать метров. Стеклянная дверь, козырёк, пандус для инвалидных колясок. Дверь приоткрыта. Свет внутри не горит.

На пандусе сидела фигура. Женщина. Пожилая. В больничном халате и тапочках. Сидела, сгорбившись, опустив голову. Как будто устала и присела отдохнуть.

Антон замер. Смотрел на неё. Она не двигалась.

Мёртвая? Живая? Мёртвая-живая?

Он сделал шаг. Тихо. Ещё один. Женщина не шевелилась. Антон подошёл ближе. Пять метров. Три. Он видел её руки — худые, с синюшными пальцами. На запястье — больничный браслет. Голова опущена, лица не видно. Волосы — седые, редкие — свисали вниз.

Антон обошёл её по широкой дуге, прижимаясь к перилам пандуса. Шаг. Ещё шаг. Мимо. Дверь рядом. Протянул руку к ручке.

Женщина подняла голову.

Антон увидел лицо. Серое, одутловатое. Рот приоткрыт. Зубов нет — ни одного. Глаза мутные, подёрнутые белёсой плёнкой. Она смотрела на него. Или сквозь него. Или никуда.

Потом она застонала. Тихо, протяжно. И начала подниматься.

Антон рванул дверь на себя, проскочил внутрь, захлопнул. Дверь была без замка — только доводчик, который медленно тянул её обратно. Антон огляделся. Стул. Пластиковый, лёгкий — стоял у стены в коридоре приёмного покоя. Он схватил его, подпёр дверную ручку.

Не задержит надолго. Но хоть что-то.

Коридор приёмного покоя. Длинный, прямой, с дверями по обеим сторонам. Линолеум на полу, стены покрашены бледно-зелёной

краской — той самой, казённой, которой красят все больницы, все школы, все участки в стране. Потолочные лампы не горели. Свет шёл только от аварийного указателя «Выход» в дальнем конце — зелёный, тусклый, мертвенный.

Антон достал фонарик. Включил. Луч выхватил стены, двери, каталку у стены. Пол. На полу — тёмные пятна. Кровь. Много крови. След тянулся от одной из дверей к концу коридора. Кто-то полз. Или кого-то тащили.

Тридцать метров до лестницы, сказала Лена.

Антон пошёл.

Тихо. Медленно. Шаг за шагом. Фонарик в левой руке, пистолет в правой. Он держал оба на уровне груди — луч шёл параллельно стволу. Так учили на курсах. Давно, на первом году службы. Тогда это казалось игрой. Мишени из картона, инструктор с секундомером, перестрелка понарошку.

Сейчас не понарошку.

Первая дверь слева — кабинет. Открыта. Антон заглянул. Стол, компьютер, бумаги. Пусто. Дальше. Вторая дверь — процедурная. Закрыта. Он не стал открывать. Третья — туалет. Дверь приоткрыта, внутри темно. Из темноты — запах. Тот самый. Сладковатый, тяжёлый. Антон прошёл мимо.

Четвёртая дверь. Пятая. Половина коридора позади.

А потом он услышал.

Шаги. Впереди. В темноте, за пределами луча фонаря. Шарканье. Медленное, ритмичное. Шлёп-шлёп-шлёп. Как мокрые тапки по линолеуму.

Антон остановился. Направил фонарик вперёд. Луч выхватил из темноты фигуру. Мужчина. Здоровый, широкоплечий. В форме охранника — не в такой, как у Петровича, другая, частная. На плече — нашивка «Безопасность». Он шёл прямо на Антона. Медленно. Руки по бокам. Лицо... лица почти не было. Правая сторона — содрана. Мясо, кость, зубы. Кто-то его жрал, но не доел.

За ним — ещё один. Худой, в пижаме. И ещё один. В белом халате медбрата.

Трое.

Антон поднял пистолет. Прицелился в голову первого. Семь метров. С семи метров он не промахнётся. Не должен.

Но выстрел услышат все. Все, кто есть в этом здании. И они пойдут на звук.

Он опустил пистолет.

Посмотрел по сторонам. Справа — дверь. Табличка «Ординаторская». Антон попробовал ручку — открыта. Нырнул внутрь. Закрыл дверь. Тихо. Без щелчка.

Темнота. Антон выключил фонарик. Стоял, прижавшись к двери, и слушал.

Шаги. Шлёп-шлёп-шлёп. Ближе. Ещё ближе. Прямо за дверью. Антон не дышал. Буквально — задержал дыхание и стоял, как столб, сжимая пистолет.

Шаги прошли мимо.

Дальше по коридору. К выходу. К двери, которую он подпёр стулом.

Антон выдохнул. Подождал. Десять секунд. Двадцать. Тишина.

Он приоткрыл дверь. Выглянул. Коридор пуст. Фигуры ушли к боковому входу — он видел их спины в дальнем конце. Бабка с пандуса уже стояла у двери и тянула её на себя. Стул трещал.

Вперёд.

Антон вышел из ординаторской и пошёл дальше по коридору. Быстрее. Тише. Каждый шаг — как на минном поле. Фонарик выключен — глаза привыкли к темноте, хватало зелёного света аварийного указателя.

Лестница. Вот она. Дверь с надписью «Цокольный этаж». Антон потянул — тяжёлая, железная, со скрипом. Он скривился. Скрип разнёсся по пустому коридору.

Замер. Прислушался.

Тихо. Бабка всё ещё возилась с дверью. Остальные — где-то.

Антон скользнул на лестницу. Дверь за ним закрылась с глухим стуком.

Лестница вниз. Бетонные ступени, железные перила, стены покрашены в тот же больничный зелёный. Холодно. Сыро. Пахло подвалом, трубами и формалином. Формалин — это близко к моргу.

Антон включил фонарик. Спустился на один пролёт. Площадка. Дверь. «Цокольный этаж».

Открыл.

Коридор. Длинный, низкий, с трубами под потолком. Линолеум здесь был другой — серый, затёртый, с пузырями. Стены — кафельная плитка, белая, местами треснутая. Как в советском бассейне.

Налево, сказала Лена. Мимо прачечной, мимо склада. Потом направо.

Антон повернул налево.

Прачечная — дверь открыта, внутри стиральные машины, тазы, горы белья. Пусто. Склад — закрыт на навесной замок. Хорошо. Дальше — поворот.

Антон завернул.

И увидел дверь. Зелёную, с надписью «Служебная».

Он подошёл. Постучал. Тихо, костяшками пальцев. Три раза.

Тишина.

Потом — шёпот. И голос. Женский. Испуганный.

— Кто?

— Полиция, — сказал Антон. — Рядовой Кравцов. Мы по рации говорили.

Пауза. Потом щёлкнул замок. Дверь приоткрылась. В щели — лицо. Молодое, бледное, с тёмными кругами под глазами. Светлые волосы выбились из хвоста. Лена.

Она посмотрела на него. Потом открыла дверь шире.

За ней стоял Алексей. Выше, крупнее, чем Антон ожидал. Небритый, в мятом рабочем халате поверх свитера. Глаза красные, лицо серое. В руке — пожарный топорик. Маленький, с красной ручкой, из щита на стене.

Они смотрели друг на друга. Потом Алексей сказал:

— Ты один?

— Один.

— Через всю больницу?

— Через полбольницы. Половина была пустая.

Алексей хмыкнул. Посмотрел на пистолет в руке Антона.

— Сколько патронов?

— Одиннадцать.

— И ты с одиннадцатью патронами пришёл.

— А ты со мной по рации разговаривал, зная, что я приду.

Алексей замолчал. Потом убрал топорик за пояс и протянул руку.

— Алексей.

— Антон.

Они пожали руки. Ладонь Алексея была холодной и влажной. Антон заметил, что она дрожит. У него самого тоже дрожала. Они оба это заметили и оба сделали вид, что нет.

Лена закрыла дверь. Повернула замок.

Комната была маленькая — метров десять. Раковина, шкаф, стол, два стула. На полу — матрас, стянутый с каталки. На столе — бутылка воды, пачка печенья и рация. В углу — швабра и ведро.

— Уютно, — сказал Антон.

— Хоромы, — ответил Алексей. — Мини-бар, правда, не завезли.

Антон сел на стул. Ноги гудели. Адреналин отпускал, и вместо него наваливалась усталость. Тяжёлая, свинцовая.

— Значит так, — сказал он. — Чёрный ход. Куда выходит?

— На заднюю парковку, — ответила Лена. Она села на второй стул, обхватив себя руками. — Там обычно скорые стоят. Иногда катафалк.

— Далеко отсюда?

— Метров пятьдесят по коридору. Но... — она посмотрела на Алексея.

— Но мимо морга, — закончил тот. — Коридор один. И морг прямо по пути. Дверь открыта. Я сам оттуда бежал.

— Сколько их там?

Алексей пожал плечами.

— Когда я уходил — двое встали. Но с тех пор прошло... сколько? Часа три? Четыре? Если они встают по одному, а тел там было семнадцать...

Семнадцать, подумал Антон. Семнадцать тел. И они встают по одному.

— Они все встанут?

— Откуда я знаю, — Алексей потёр лицо руками. — Я санитар, а не вирусолог. Я вообще не понимаю, что происходит. Люди не встают после смерти. Это не бывает. Этого не может быть.

— Но бывает, — тихо сказала Лена. — Мы же видели.

Тишина. Где-то наверху — глухие удары. Далёкие стоны. Трубы гудели под потолком.

Антон достал телефон. Посмотрел на экран. Два часа сорок. Связи нет — ни одной палки. Он открыл карту — офлайн-версия

загрузилась. Нашёл больницу. Задняя парковка выходила на улицу Мичурина. Оттуда — дворами можно выбраться на Заводскую. Дальше — куда?

Максим сказал — юг. Заводской район.

— Ладно, — Антон убрал телефон. — У нас есть два варианта. Первый — сидеть здесь и ждать помощи.

— Помощь не придёт, — сказал Алексей.

— Я знаю. Поэтому второй вариант — идём через чёрный ход. Мимо морга. Тихо. Если повезёт — проскочим. Если нет...

Он положил пистолет на стол.

— Одиннадцать, — повторил Алексей, глядя на оружие.

— Одиннадцать, — подтвердил Антон. — Плюс твой топорик. Плюс швабра.

— Швабра?

— Швабра. Деревянная ручка, метр двадцать. Если отломать щётку — получится что-то вроде копья. Не убьёт, но оттолкнёт.

Алексей посмотрел на швабру в углу. Потом на Антона. Потом снова на швабру.

— Ты серьёзно.

— Абсолютно.

Лена встала. Подошла к швабре. Взялась за ручку. Посмотрела на мужчин.

— Я не буду сидеть здесь одна, — сказала она. — Если вы идёте — я иду.

— Лена... — начал Антон.

— Я медсестра. Если кого-то ранят — вам понадобится медсестра. И я знаю дорогу. Вы — нет.

Антон хотел возразить. Посмотрел на неё. Двадцать лет. Может, двадцать один. Худенькая, бледная, в мятом белом халате. Руки дрожат. Но глаза — спокойные. Или то, что бывает после того, как паника прошла. Не спокойствие, а что-то за ним. Пустота, в которой можно стоять ровно.

— Хорошо, — сказал он. — Втроём.

Алексей поднялся. Сунул топорик за пояс. Допил воду из бутылки. Посмотрел на дверь.

— Когда?

Антон посмотрел на часы.

— Сейчас. Чем дольше ждём — тем больше их встанет.

Он встал. Проверил пистолет. Затвор, магазин, патрон в патроннике. Всё на месте. Убрал в кобуру. Взял фонарик.

Лена обломила щётку у швабры — ручка хрустнула, оставив острый, неровный край. Не копьё, но сойдёт. Она держала её обеими руками, как посох.

Алексей достал топорик. Покрутил в руке. Лёгкий, неудобный. Но лучше, чем ничего.

— Готовы? — спросил Антон.

— Нет, — сказал Алексей.

— Я тоже. Идём.

Лена открыла дверь.

Коридор цокольного этажа. Тишина. Трубы гудят. Где-то капает вода — мерно, ритмично, как часы.

Они вышли. Антон впереди, фонарик и пистолет. Лена в середине — она показывала направление, касаясь его плеча. Алексей замыкал, шёл спиной вперёд, смотрел назад. Топорик в руке.

Пятьдесят метров. Мимо морга. Через чёрный ход. На улицу.

Они пошли.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 12

Коридор пах хлоркой и мокрым бетоном.

Антон шёл первым. Фонарик выключен — Лена сказала, что свет их привлекает. Не точно, но похоже. В темноте они медленнее реагируют. Или вообще не реагируют. Или ей так показалось. Никто из них не был экспертом по ожившим мертвецам.

Глаза привыкли. Аварийное освещение — красная лампочка над пожарным щитом — давала немного света. Достаточно, чтобы не врезаться в стену. Недостаточно, чтобы видеть дальше пяти метров.

Они шли гуськом. Антон, за ним Лена, замыкал Алексей. По правой стороне коридора. Спиной к стене. Медленно. Каждый шаг — осторожный, мягкий, на носок. Антон старался дышать через рот — тише, чем через нос. Ладонь на рукоятке пистолета мокрая. Он вытер её о штаны, не останавливаясь.

Лена коснулась его плеча. Два раза. Это значило — стой.

Антон остановился.

Впереди, метрах в десяти, коридор расширялся. Слева — двойные двери. Широкие, больничные, с круглыми окошками из мутного стекла. Над дверями — табличка. В полумраке не разобрать, но Антон знал. Морг. Патологоанатомическое отделение.

Двери были открыты. Обе створки распахнуты настежь, как будто кто-то вышел и не закрыл. Из проёма тянуло холодом и сладковатой гнилью. Тем самым запахом, от которого Антон уже не мог отделаться — он въедался в одежду, в волосы, в кожу.

Лена подвинулась ближе. Губы у его уха. Шёпот — еле слышный, одно дыхание:

— Мимо. Не останавливаться. Дальше по коридору — метров двадцать — дверь на улицу.

Антон кивнул.

Они стояли втроём у стены и смотрели на открытые двери морга. За ними — темнота. Ни звука. Ни движения.

Может, пусто. Может, все вышли наверх. Может, повезёт.

Антон сделал шаг.

Ещё один.

Он поравнялся с первой створкой двери. Повернул голову. Заглянул.

Приёмная морга. Стол, на нём — журнал, ручка, телефон. Стул опрокинут. На полу — тёмное пятно. Большое, расплывшееся. Кровь. Марина сидела здесь. Или стояла. Когда всё началось.

Дальше — коридор морга, узкий, с дверями камер по обеим сторонам. Двери первой камеры — закрыты. Второй — тоже. Третья...

Третья открыта.

И оттуда — звук. Тихий. Влажный. Чавканье.

Антон отвернулся. Не смотреть. Идти. Мимо.

Он прошёл проём двери. Два шага. Три. Четыре. Лена — за ним, он чувствовал её дыхание на шее. Быстрое, частое, горячее.

Алексей шёл последним. Антон не оборачивался, но слышал его шаги. Осторожные. Тихие.

А потом Алексей остановился.

Антон почувствовал это — как будто воздух изменился. Он обернулся.

Алексей стоял напротив открытых дверей морга. Не двигался. Смотрел внутрь. Лицо — белое, неподвижное. Глаза широко открыты. Рот сжат в тонкую линию. Он смотрел туда, где был коридор с камерами. Туда, где погиб Петрович.

Лена тоже остановилась. Смотрела на Алексея. Потом на Антона. Глаза — испуганные, умоляющие.

Антон шагнул назад. Тронул Алексея за плечо. Тот не шевельнулся.

— Лёха, — одними губами, без звука.

Алексей не реагировал. Стоял и смотрел. Антон проследил его взгляд.

В глубине коридора морга, у стены, на полу — пятно. Тёмное. В полумраке не разобрать, но Антон понял. Это то место. Там, где лежал Петрович. Где его рвали. Пятно крови расплылось по бетону, почти чёрное. А тела не было. Пустой пол. Мокрый, тёмный, пустой.

Алексей смотрел на это пятно так, будто видел там что-то. Кого-то.

Антон сжал его плечо. Сильнее. Ногти в ткань.

Алексей моргнул. Повернул голову. Посмотрел на Антона. Глаза — мутные, мокрые. Потом кивнул. Один раз. Коротко.

Они двинулись дальше.

Двадцать метров. Лена сказала — двадцать. Антон считал шаги. Каждый шаг — примерно семьдесят сантиметров. Двадцать восемь шагов. Двадцать девять.

За спиной — чавканье прекратилось.

Антон замер.

Тишина. Полная, звенящая тишина. Даже трубы перестали гудеть, будто здание задержало дыхание.

Потом — шорох. Из морга. Шарканье по бетону.

Кто-то вышел.

Антон не оборачивался. Лена схватила его за рукав. Он чувствовал, как дрожит её рука. Мелкая, частая дрожь.

Шарканье. Ближе. Медленно. Шлёп. Шлёп. Шлёп.

Антон шёл. Не быстрее, не медленнее. Тем же шагом. Двадцать метров. Пятнадцать. Десять.

Шарканье за спиной. Оно не приближалось. Не удалялось. Просто было — где-то там, в коридоре, за ними. Тварь вышла из морга. Куда идёт — непонятно. Может, за ними. Может, в другую сторону. Может, просто стоит и раскачивается, как маятник.

Не оборачиваться. Не оборачиваться.

Лена сдавленно всхлипнула. Один раз. Коротко. Зажала рот рукой.

Антон нащупал впереди стену. Коридор поворачивал. За поворотом — тупик? Нет. Лена говорила — дверь. Чёрный ход.

Он завернул. И увидел дверь. Тяжёлую, железную, выкрашенную серой краской. С засовом и навесным замком. Над дверью — табличка «Выход» и красная стрелка.

Замок.

Антон подошёл. Замок висел на петлях, но был открыт — дужка не защёлкнута. Кто-то выходил этой дверью раньше. Или заходил. Он снял замок, отодвинул засов. Потянул дверь на себя.

Заело. Ржавые петли. Антон потянул сильнее. Дверь дёрнулась с визгом — металл по металлу, громко, резко.

Звук разнёсся по коридору, как выстрел.

За спиной — стон. Протяжный. Потом — шарканье. Быстрее.

— Тяни! — прошипел Алексей.

Антон рванул дверь обеими руками. Она открылась — с хрустом, с визгом, с грохотом. Холодный воздух ударил в лицо. Дождь. Ночь.

Задняя парковка. Свобода.

Лена выскочила первой. За ней — Алексей. Антон последним. Он развернулся, схватил дверь и захлопнул. Засов. С этой стороны засова не было. Но дверь открывалась на себя — изнутри. Снаружи — просто глухой металлический лист. Без ручки. Они не откроют.

Если у них нет рук. Которые могут толкать.

Антон отступил от двери.

Задняя парковка. Небольшая, огороженная бетонным забором с колючей проволокой по верху. Асфальт разбитый, в лужах. Фонарь — один, на столбе в углу — горел тускло, покачивался на ветру. Свет выхватывал из темноты: три машины, мусорные баки, рампу для погрузки.

Машины. Антон пригляделся. Первая — белый микроавтобус с надписью «Скорая помощь». Стёкла целые, но передняя дверь открыта. Внутри — пусто. Ключей нет.

Вторая — чёрная «Газель». Катафалк. Антон видел такие — в морге стояли постоянно. Невзрачная, без опознавательных знаков, с тонированными задними стёклами. Подошёл. Дверь водителя — закрыта. Заглянул в окно. На приборной панели — пачка сигарет, зажигалка, бумажный стаканчик из-под кофе. И ключи. В замке зажигания.

Водитель, видимо, заехал сдать тело. Заглушил мотор, оставил ключи. Пошёл внутрь. Не вернулся.

Антон дёрнул ручку. Заперто. Он обошёл машину. Пассажирская дверь — тоже заперто. Задние — тоже.

— Стекло, — сказал Алексей.

Антон посмотрел на него. Алексей уже стоял рядом, достал топорик.

— Подожди. Сигнализация.

— У катафалка? — Алексей усмехнулся. Первый раз за ночь. Кривая, нервная усмешка, но всё-таки. — У «Газели»-катафалка? Да там от рождения никакой сигнализации.

Он ударил обухом топорика в боковое стекло водительской двери. Стекло рассыпалось, осколки посыпались на сиденье. Алексей сунул руку внутрь, нащупал замок, открыл.

Антон сел за руль. Смахнул стекло с сиденья. Повернул ключ. Стартер захрипел. Раз. Два. На третий — мотор схватился. Зарычал,

закашлялся, выплюнул облако сизого дыма из выхлопной. И заработал.

Дизель. Старый, раздолбанный, но живой.

Лена забралась на пассажирское сиденье. Алексей — назад, в грузовой отсек. Там было пусто — только носилки, привинченные к полу, и ремни для фиксации. Он сел на пол, привалился к стенке.

Антон включил фары. Свет выхватил забор, ворота. Ворота — двустворчатые, металлические, с цепью и замком.

— Замок, — сказал Антон.

— Я, — Алексей уже вылезал обратно.

Он подбежал к воротам. Цепь толстая, замок амбарный. Алексей ударил топориком — раз, два. Без толку. Замок держал.

— Ключи! — крикнул он. — У Петровича были ключи от всего. Связка.

Антон вспомнил. Связка ключей в сумке Петровича. В будке. Он взял её, когда откручивал стул. Сунул в карман. Или не сунул?

Он залез в карман куртки. Пусто. Второй карман. Тоже пусто. Карман брюк. Есть. Тяжёлая связка, десяток ключей на кольце.

Антон выскочил из машины, подбежал к воротам. Начал перебирать ключи. Первый — не подходит. Второй — не тот замок. Третий...

За спиной — удар. Глухой, металлический. Антон обернулся. Дверь чёрного хода. Что-то билось в неё изнутри. Пока — глухо. Пока — держала.

Четвёртый ключ. Не тот. Пятый. Антон чувствовал, как пальцы не слушаются. Холодные, мокрые, скользкие. Дождь лил в лицо. Ключи звенели.

Шестой.

Замок щёлкнул. Цепь упала. Алексей рванул створку, потом вторую. Ворота раскрылись с протяжным скрипом.

Антон бросился обратно к машине. Сел. Передача. Газ.

«Газель» рванула вперёд, через ворота, на улицу. Задние колёса проехались по луже, обдав забор грязной водой.

Улица. Мичурина. Антон помнил — патрулировал этот район сотню раз. Мичурина выходила на Заводскую, оттуда — на проспект. Но сейчас улица выглядела иначе. Фонари не горели — ни один. Дома по обеим сторонам стояли тёмные, мёртвые. Ни одного светящегося окна. Ни одного.

Нет, вот — одно. На пятом этаже панельной девятиэтажки. Тусклое, жёлтое. Кто-то сидел дома, в темноте, и не спал.

Антон ехал медленно. Фары выхватывали из тумана мокрый асфальт, бордюры, припаркованные машины. Всё как обычно. Обычная ноябрьская ночь в обычном городе.

Только людей не было. Ни одного. Ни пешеходов, ни машин. Даже собаки не лаяли.

— Куда едем? — спросила Лена. Голос тихий, севший.

Антон не ответил сразу. Куда? Максим сказал — юг. Заводской район. Но зачем? Что там?

— Подальше от больницы, — сказал он. — Для начала.

Алексей сидел в грузовом отсеке, прислонившись спиной к стенке. Носилки рядом покачивались на креплениях. Он смотрел в тонированное стекло задней двери. Больница уменьшалась. Здание, в котором он проработал шесть лет. Морг, который знал наизусть. Каждый стол, каждая камера, каждая трещина в стене.

Петрович. Пятно на полу.

Алексей закрыл глаза. Увидел — ясно, как фотографию — старика в куртке охранника. Седые усы. Термос. Кроссворд. «Река в Сибири, шесть букв.» Петрович так и не вписал ответ. Не успел.

Он открыл глаза. Посмотрел на свои руки. Дрожат. Ладно. Пусть дрожат. Он живой. Он дрожит, значит — живой.

«Газель» ехала по пустой улице. Дворники скрипели по лобовому стеклу. Дождь не прекращался.

Лена смотрела в окно. Проплывали дома, дворы, детские площадки. Качели покачивались на ветру — пустые, мокрые. Песочница с забытым ведёрком. Фонарь мигнул и погас.

— Что это за машина? — спросила она вдруг.

— Катафалк, — ответил Антон. Не стал врать. Смысл?

Лена помолчала.

— Из морга — на катафалке, — сказала она.

— Я хотел это сказать, — донёсся голос Алексея сзади.

Антон свернул на Заводскую. Широкая улица, четыре полосы. Пустая. Светофор на перекрёстке мигал жёлтым — монотонно, тупо, как будто ничего не случилось. Как будто утром люди поедут на работу, дети в школу, автобусы по маршрутам. Жёлтый. Жёлтый. Жёлтый.

Антон проехал перекрёсток.

Впереди — фигура. На обочине. Мужчина. Стоял, покачиваясь, лицом к дороге. Фары осветили его — куртка-аляска, джинсы, кроссовки. Обычный мужик. Лет сорок. Мог бы быть кем угодно: сосед, коллега, случайный прохожий. Только лицо серое, и голова склонена набок, и руки висят, как плети.

Он повернулся на свет фар. Пошёл к машине.

Антон прибавил газ. «Газель» проехала мимо. В зеркале — фигура осталась стоять на дороге, глядя вслед красным огням.

— Их будет больше, — сказал Алексей из-за спины. — Чем дальше от больницы — тем больше. Больница — это начало. Но те, кого кусали и кто умер дома, в машинах, на улицах... они тоже встанут. Если не встали уже.

Антон кивнул. Он и сам это понимал. Больница была очагом, но инфекция — если это инфекция — расползлась. Дед Громов. Его жена. Мужик, который её сожрал. Медсестра, которую укусил пациент в приёмном — Марина рассказывала Алексею. Все они умерли. И встали.

Триста тысяч человек в городе. Сколько из них уже мертвы? Сколько встали?

Он не хотел считать.

— Нам нужно найти место, — сказала Лена. — Переждать до утра. Днём будет легче.

— С чего ты взяла? — спросил Алексей.

— Днём видно. Можно обходить. Ночью мы слепые.

Это было разумно. Антон посмотрел по сторонам. Заводская улица — промзона: гаражи, склады, мелкие предприятия. Забор с колючкой. За забором — какой-то цех, тёмный, заброшенный. Дальше — автосервис с вывеской «Шиномонтаж 24 часа». Рольставни опущены. Свет не горит. Двадцать четыре часа кончились.

Ещё дальше — пятиэтажка. Хрущёвка, кирпичная, с палисадником и детской площадкой. Тёмная. Но на первом этаже, в угловой квартире — свет. Тусклый, мерцающий. Свеча?

Антон остановил машину. Заглушил мотор.

Тишина.

Дождь стучал по крыше кабины. Дворники замерли на середине стекла. Туман стоял стеной.

— Почему встали? — спросила Лена.

— Вон, — Антон показал на окно с огоньком. — Там кто-то живой.

— Или нет.

— Или нет, — согласился он. — Но нам нужна крыша, вода и запертая дверь. А в машине мы как в консервной банке.

Алексей перебрался из грузового отсека вперёд, протиснувшись между сиденьями. Посмотрел на хрущёвку.

— Первый этаж — плохо, — сказал он. — Окна низко. Если они полезут...

— Тогда выше.

— Тогда выше, — кивнул Алексей.

Они вышли из машины. Антон забрал ключи — привычка. Бесполезная, наверное, но привычка. Заглушил фары.

Темнота. Дождь. Холод.

Троица стояла на обочине Заводской улицы, рядом с чёрным катафалком, и смотрела на тёмную пятиэтажку. Где-то далеко — стон. Один, протяжный, и тут же — второй, в ответ. Перекличка. Они переговаривались? Или просто стонали, каждый сам по себе, а ему казалось, что есть смысл?

Антон достал пистолет. Проверил. Одиннадцать.

— Пошли, — сказал он.

Они пошли к подъезду.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 13

Артём перестал плакать на Советской.

Максим заметил это в зеркале — мальчик замолчал, уткнулся лицом в мамину куртку и затих. Не уснул. Просто перестал. Вика сидела у окна, прижав лоб к холодному стеклу, и смотрела наружу. Не мигая. Десять лет. Она видела, как отец застрелил человека. Бывшего соседа. Ивана Петровича, который дарил ей шоколадки на Новый год.

Максим отвернулся от зеркала.

Советская — центральная улица, обычно забитая машинами даже ночью: таксисты, пьяные, гуляющие. Сейчас — пусто. Фонари горели через один. Светофоры мигали жёлтым — все, на каждом перекрёстке, будто город перешёл в спящий режим.

Нет. Не спящий. Умирающий.

Максим вёл машину медленно — сорок километров в час. Не потому что боялся. Потому что на дороге были вещи. Сумка. Женская, бежевая, содержимое рассыпано по асфальту — кошелёк, помада, телефон с разбитым экраном. Дальше — детская коляска. Перевёрнутая, на боку, одно колесо крутится. Пустая.

Катя тоже увидела. Максим услышал, как она резко втянула воздух.

— Не смотри, — сказал он.

— Я не могу не смотреть, — ответила она.

Её голос. Другой. Не тот, к которому он привык — мягкий, тёплый, с ворчливыми нотками, когда он забывал купить хлеб или приходил пьяный после дежурства. Сейчас голос был плоский. Как доска. Без интонации.

Максим свернул на Ворошилова. Здесь — пятиэтажки, дворы, гаражи. Район матери. Десять минут от центра, если без пробок. Сейчас пробок не было. Были другие вещи.

У продуктового магазина «Пятёрочка» горел свет. Дверь распахнута. Внутри — перевёрнутые стеллажи, разбитые бутылки на полу, кассовый аппарат лежит в проходе. Мародёры? Или паника — люди хватали что могли и бежали. На крыльце магазина сидел мужик в спецовке. Просто сидел, опустив голову, руки на коленях. Максим

притормозил. Посмотрел. Мужик не двигался. Живой? Мёртвый? Уснул?

Фары осветили его лицо. Серое. Рот приоткрыт.

Максим прибавил газ.

— Макс, — голос Кати сзади. — Макс, объясни мне.

— Потом.

— Нет. Сейчас. Ты застрелил Ивана Петровича. Ты застрелил старика, нашего соседа. Мне нужно понять — зачем.

Максим сжал руль. Костяшки побелели.

— Он был мёртвый, Катя.

— Он стоял. Он шёл. Мёртвые не ходят.

— Эти ходят.

Тишина. Артём шевельнулся, теснее прижался к матери.

— Что ты несёшь? — прошептала Катя. — Максим. Послушай себя. Мёртвые не ходят. Ты устал, ты на нервах, ты...

— Я видел, как они рвут людей зубами, Катя. В больнице. Десятки. Они встают после смерти и нападают. Я не знаю почему, не знаю как. Но это происходит. По всему городу. Дежурная часть уничтожена. Полиция уничтожена. Скорая не работает. Никто не работает.

Он говорил ровно, глядя на дорогу. Без эмоций. Как рапорт. Десять лет в органах — научился докладывать так, чтобы голос не дрожал.

Катя молчала.

Потом Вика сказала:

— Пап. У Ивана Петровича глаза были белые.

Максим посмотрел в зеркало. Дочь смотрела на него. Серьёзно, по-взрослому. Десять лет — а взгляд, как у сорокалетней.

— Я видела, — продолжила Вика. — Когда он повернулся. У него были белые глаза. Как у мёртвой рыбы. И он не дышал. Я смотрела. Пар изо рта не шёл. На улице холодно, а пара не было.

Максим сглотнул.

— Умница, — сказал он. — Ты очень умная девочка, Вик.

— Я не умная. Я испугалась.

— Это одно и то же. Умные люди боятся. Дураки — нет.

Катя обняла дочь, притянула к себе. Артёма — в одну руку, Вику — в другую. Молчала. Переваривала.

Ворошилова, 18. Пятиэтажка. Кирпичная, хрущёвка, с балконами, увитыми засохшим виноградом. Третий подъезд, второй этаж. Мать.

Галина Петровна Соловьёва. Шестьдесят один год. Бывший бухгалтер швейной фабрики, которая закрылась в девяносто четвёртом. После этого — рынок, потом магазин, потом пенсия. Муж — отец Максима — умер в двухтысячном. Инсульт. Максиму тогда было шесть. Мать тянула его одна. Без жалоб, без слёз, без мужиков. Работала, кормила, одевала. Когда Максим поступил в школу милиции, она сказала: «Дурак. Но хоть при деле будешь.»

Она его любила. По-своему — сухо, строго, без обнимашек. Звонила раз в неделю, спрашивала одно и то же: ел ли, не пьёт ли, как дети. Если Максим не брал трубку — перезванивала через час. И через два. И через три. Пока не возьмёт.

Максим остановил машину у подъезда. Заглушил мотор. Посмотрел на окна. Второй этаж, три окна. Свет горит. В кухне — точно. Мать не спала.

— Жди здесь, — сказал он Кате. — Заблокируй двери. Никому не открывай.

— Макс...

— Никому. Даже если человек выглядит нормально. Спросят — скажи, чтобы шли мимо. Увидишь, что идёт странно — сигналь. Я услышу.

Он достал пистолет. Проверил. Четырнадцать патронов. Нет — тринадцать. Один потратил на Ивана Петровича.

Вышел из машины.

Подъезд. Дверь — железная, с кодовым замком. Максим набрал код. Четыре-семь-два-один. С детства помнил. Замок пискнул, дверь открылась.

Лестница. Тихо. Пахло кошками, варёной капустой и сыростью. Обычный запах подъезда, от которого он сбежал в восемнадцать лет. Сейчас этот запах казался невыносимо родным.

Первый этаж. Двери закрыты. Тихо. Второй этаж. Дверь матери — железная, обитая дерматином. Звонок. Максим нажал.

Тишина.

Нажал ещё раз. Длинный звонок.

Шаги. Тяжёлые, шаркающие.

Максим напрягся. Поднял пистолет. Шаркающие шаги. Как у тех. Как у...

— Кто там? — голос за дверью. Хриплый, сонный, раздражённый.

Мать.

Максим выдохнул. Опустил пистолет.

— Мам, это я.

— Максим? Три часа ночи. Ты пьяный?

— Мам, открой.

Щёлканье замков. Один, два, три. Мать открывала дверь, как крепость — три замка, цепочка, засов. «Район неспокойный,» — говорила она всегда. Максим ставил ей эти замки сам, два года назад.

Дверь открылась. В проёме — мать. Невысокая, полная, в байковом халате и тапочках. Волосы седые, собраны в пучок. Лицо сонное, недовольное. В руке — кружка с чаем. За ней, в коридоре, на тумбочке работал маленький телевизор — бубнил что-то приглушённое.

— Максим Игоревич, — сказала она, оглядев его с ног до головы. — Форма грязная. Лицо серое. Пистолет в руке. Ты на работе или с работы?

— Мам. Собирайся. Мы уезжаем.

Она посмотрела на него. Потом на пистолет. Потом снова на него.

— Куда?

— Из города.

— Из города, — повторила она. — В три часа ночи. С пистолетом. Максим, ты выпил?

— Я трезвый. Мам, пожалуйста. Времени нет. Собери документы, тёплые вещи, лекарства. У тебя пять минут.

— Я никуда не поеду.

Максим закрыл глаза. Открыл.

— Мам...

— Я здесь пятьдесят лет живу. В этой квартире — тридцать. Отсюда твоего отца хоронили. Я никуда не поеду посреди ночи, потому что ты приехал с пистолетом и приказываешь мне собираться, как будто я солдат.

Она отпила чай. Спокойно. Невозмутимо. Галина Петровна Соловьёва, которая пережила развал Союза, два дефолта, смерть мужа

и закрытие фабрики, — не собиралась паниковать из-за того, что сын приехал среди ночи.

Максим вошёл в квартиру. Закрыл дверь. Повернулся к матери.

— В городе эпидемия, — сказал он. — Люди умирают. А после смерти встают и нападают на живых.

Мать смотрела на него.

— Кусают, — продолжил Максим. — Рвут зубами. Не чувствуют боли. Не останавливаются. Убить можно только выстрелом в голову. Полиция уничтожена. Больницы уничтожены. Я час назад был в четвёртой больнице — там десятки трупов, которые ходят. Я застрелил нашего соседа, Ивана Петровича. На глазах у детей. Потому что он тоже встал.

Тишина.

По телевизору — бегущая строка. Максим скосил глаза. «...просим жителей сохранять спокойствие... режим повышенной готовности... рекомендуется оставаться дома...»

— По телевизору ничего не говорят, — сказала мать.

— По телевизору врут. Как всегда.

Она молчала. Долго. Смотрела на него тем взглядом, которым смотрела, когда он в шестом классе разбил окно в школе и клялся, что не он. Взгляд, который видит насквозь. Не верит словам — верит глазам.

— Ты не врёшь, — сказала она наконец. Не вопрос — утверждение.

— Нет.

— И дети в машине?

— Да. С Катей.

Мать поставила кружку на тумбочку. Выключила телевизор.

— Барсик, — сказала она.

— Что?

— Кот. Я его не брошу.

Максим хотел сказать, что сейчас не время думать о коте. Что каждая секунда на счету. Что город разваливается, а она думает о рыжем жирном коте, который гадит мимо лотка и дерёт обои.

— Бери кота, — сказал он.

Мать кивнула и ушла в комнату. Максим слышал, как она открывает шкаф, как шуршит пакет, как звякают ключи. Быстро.

Собранно. Никакой паники. Галина Петровна Соловьёва паниковать не умела. Не тому поколению принадлежала.

Он стоял в коридоре и смотрел на квартиру. Обои в цветочек — те самые, которые они с отцом клеили, когда ему было пять. Он помнил — отец на стремянке, мать держит рулон, маленький Максим мажет клей кисточкой и попадает себе на штаны. Отец смеялся. Мать ругалась. Обычный день. Двадцать шесть лет назад.

Сервант с хрустальными рюмками, которые никто никогда не доставал. Ковёр на стене — олени, лес, закат. Тот самый, который висел тут всегда, сколько Максим себя помнил. Тикали часы с кукушкой — отец привёз из командировки в Читу. Кукушка давно сломалась, но часы шли.

Мать вышла через три минуты. Пальто, шапка, сапоги. В одной руке — сумка. В другой — кот. Рыжий, толстый, недовольный. Обмотан шарфом, чтобы не вырвался. Смотрел на Максима жёлтыми глазами с таким выражением, будто это он во всём виноват.

— Документы? — спросил Максим.

— В сумке. Паспорт, пенсионное, полис. Деньги — двенадцать тысяч. Лекарства от давления. Хлеб и колбаса — на дорогу.

Максим невольно усмехнулся. Конец света, мертвецы встают, город рушится — а мать взяла хлеб и колбасу. На дорогу.

— Идём, — сказал он.

Он открыл дверь квартиры. Выглянул на лестницу. Тихо. Пусто. Спустились. Максим впереди, мать за ним. Она шла ровно, не торопясь. Не потому что не боялась — потому что не привыкла бегать. Шестьдесят один год, больные колени, лишний вес. Она физически не могла быстрее.

На первом этаже Максим остановился. Прислушался. За дверью подъезда — тишина. Открыл. Двор. Машина. Катя в окне — бледная, напряжённая.

Максим открыл переднюю пассажирскую дверь.

— Садись, мам.

Галина Петровна посмотрела на машину. Патрульная «Лада Гранта». Грязная, с царапиной на бампере.

— На служебной? — спросила она.

— Других нет.

Она села. Пристегнулась. Кота положила на колени. Барсик мяукнул — протяжно, жалобно.

— Тихо, — сказала мать коту.

Кот замолчал. Даже животные слушались Галину Петровну.

— Здравствуйте, Галина Петровна, — сказала Катя с заднего сиденья. Голос — ровный, вежливый, автоматический. Как будто они встретились в магазине.

— Здравствуй, Катюша. Дети как?

— Спят.

Артём действительно уснул — по-настоящему, свернувшись на коленях у матери. Вика не спала. Смотрела в окно.

Максим сел за руль. Завёл мотор. Подумал. Куда теперь?

Из города. На трассу. На юг, к Воронежу. Или на восток, к Рязани. Неважно — главное выехать. Федеральная трасса — двадцать минут по Заводскому шоссе. Там — свобода. Другие города. Нормальная жизнь. Военные, полиция, помощь.

Он включил передачу. Машина тронулась.

Ворошилова. Советская. Заводское шоссе. Маршрут, который Максим проезжал тысячу раз — на работу и обратно. Двадцать минут. Мог проехать с закрытыми глазами.

Сейчас ехал с открытыми. И видел.

Перекрёсток Советской и Мира. Автобус. «ЛиАЗ», городской, маршрут номер семь. Стоял посреди перекрёстка, двери открыты. Фары горят. Внутри — пусто. На ступеньках — кровь.

Дальше — автомобильная пробка. Нет, не пробка — затор. Десяток машин, застрявших, брошенных. Двери открыты, вещи на асфальте. Чемодан. Пакеты. Детское автокресло.

Люди пытались уехать. Бросили машины. Побежали пешком?

Максим объехал затор по тротуару. Колёса хрустели по битому стеклу — витрина аптеки разбита, лекарства рассыпаны по земле. Кто-то хватал что мог. Бинты, таблетки, антисептик. Или всё подряд.

Мать молчала. Смотрела перед собой. Гладила кота.

Катя тоже молчала. Максим видел в зеркале её глаза. Она смотрела на него. Не на дорогу — на него. На его руки на руле. На кобуру с пистолетом. На его лицо.

Она видела что-то, чего раньше не видела. Или не хотела видеть. Мужа, который умеет стрелять в людей. Который делает это спокойно.

Который даже не вздрогнул, когда нажал на курок.

«Это не человек, Катя.»

Максим отвёл взгляд от зеркала.

Заводское шоссе. Четыре полосы, разделительная, отбойники. Обычно — поток машин в обе стороны. Фуры, легковушки, автобусы. Сейчас — россыпь брошенных автомобилей. Не сплошняком, но много. Максим лавировал между ними, как на полосе препятствий.

— Пап, — Вика тронула его за плечо. — Там.

Максим посмотрел туда, куда показывала дочь. Справа, на обочине. Три фигуры. Стояли. Покачивались. Лица серые, руки висят. Один — в форме водителя автобуса.

— Не смотри, — сказал Максим.

— Я уже видела, — ответила Вика.

Заводское шоссе тянулось прямо, как линейка. Впереди — мост через железную дорогу. За мостом — развязка, и там — выезд на федеральную трассу. Десять километров до границы города.

Максим прибавил газ.

Мост. Проехали. Развязка. Направо — на трассу. Максим свернул.

И увидел.

Впереди, метрах в трёхстах, дорога была перекрыта. Бетонные блоки, поставленные поперёк. За ними — военная техника. Два «КамАЗа», БТР, «Тигр». Прожектора — яркие, белые, направлены на дорогу. Колючая проволока — спираль Бруно, уложенная между блоками. Солдаты. Десятки. В касках, в бронежилетах, с автоматами.

Максим остановил машину. Метров двести до блокпоста.

— Что это? — спросила Катя.

— Армия, — сказал Максим.

— Значит, нас спасут?

Он не ответил. Смотрел. Что-то было не так. Прожектора направлены в сторону города. Не наружу — внутрь. Колючка — с городской стороны. Автоматы — в сторону города.

Они не спасают. Они закрывают.

Перед блокпостом стояли машины. Штук двадцать. Легковушки, микроавтобус, «Газель» с вещами на крыше. Люди — мужчины, женщины, дети — стояли перед бетонными блоками и кричали. Максим не слышал слов — далеко. Но видел жесты. Руки вверх. Показывают на детей. Умоляют.

Солдат с мегафоном. Голос — металлический, искажённый:

— Граждане, вернитесь в город. Выезд закрыт. Повторяю — выезд закрыт. Карантинная зона. Вернитесь в город.

Мужчина — крупный, в кожаной куртке — полез через бетонный блок. Быстро, ловко. Перемахнул. Побежал к «КамАЗу».

Очередь. Короткая, сухая. Три выстрела.

Мужчина упал. Лицом в асфальт. Не встал.

Крик. Женский, истерический. Толпа отшатнулась. Кто-то побежал назад, к машинам. Кто-то упал на колени. Ребёнок плакал — Максим слышал даже отсюда, через закрытые окна.

Солдат с мегафоном — спокойно, ровно, будто не произошло ничего:

— Граждане, вернитесь в город. Выезд закрыт.

Максим сидел, вцепившись в руль. Не дышал.

— Максим? — голос матери. Тихий, ровный. — Что это было?

— Они его застрелили, — прошептала Катя. — Они застрелили человека. Живого человека.

— Мам, — Максим говорил, не узнавая собственного голоса. — Мам, пригнись.

— Зачем?

— Прожектора. Если увидят патрульную машину — подумают, что мы прорываемся.

Он выключил фары. Включил заднюю передачу. Медленно, тихо откатился назад. За развязку. В тень. Остановился.

Тишина.

Артём спал. Вика смотрела перед собой, не мигая. Катя прижимала обоих детей и дышала часто, мелко, как будто задыхалась.

— Они нас не выпустят, — сказал Максим.

— Но мы полиция, — сказала Катя. — Ты полицейский. Покажи удостоверение. Объясни...

— Они застрелили человека, Катя. Без предупреждения. Одной очередью. Им плевать на удостоверения. Им плевать на всех. Они не спасают. Они закрывают. Нас заперли здесь. Со всем этим.

Мать молчала. Гладила кота. Потом сказала:

— Максим, у меня колбаса в сумке. Дети голодные?

Максим уронил голову на руль. Закрыл глаза.

Конец света. Мертвецы встают. Город оцеплен. Военные стреляют на поражение. А мать предлагает колбасу.

— Да, мам, — сказал он глухо. — Дай детям поесть.

Галина Петровна полезла в сумку. Достала хлеб — нарезной батон, в пакете. Колбасу — «Докторскую», полпалки. Нож — маленький, кухонный, с зелёной ручкой. Начала нарезать. Размеренно, аккуратно. Ровные кусочки. Как дома. Как будто за столом.

Артём проснулся от запаха. Сонный, зарёванный. Увидел бутерброд. Взял. Откусил. Жевал, глядя в темноту за окном.

Вика тоже взяла. Молча.

Катя покачала головой — не хочу.

— Ешь, — сказала Галина Петровна. Не попросила — приказала. Тем голосом, которым она командовала швейным цехом, мужем, сыном и всем вокруг.

Катя взяла бутерброд. Откусила. Жевала медленно, механически.

Максим повернулся к матери.

— Мам.

— Что?

— Спасибо.

Она посмотрела на него. Потом на бутерброд в своей руке. Потом снова на него.

— Ешь, — повторила она.

Максим взял бутерброд. Чёрствый хлеб. Холодная колбаса. Самая вкусная еда в его жизни.

Они сидели в тёмной машине на обочине Заводского шоссе и ели хлеб с колбасой. За окном — туман. Где-то впереди — блокпост с солдатами, которые стреляют в живых. Где-то сзади — город, полный мёртвых.

Артём доел бутерброд. Прижался к матери. Закрыл глаза.

Максим посмотрел на него. Потом на Вику. Потом на Катю. Потом на мать.

Пять человек и один кот. В «Ладе Гранте» на обочине.

Надо думать. Надо решать. Куда? Как? Трасса закрыта. Другие выезды — наверняка тоже. Если оцепили, то оцепили весь город. Не дураки. Со всех сторон.

Они в ловушке.

Максим включил двигатель. Развернул машину.

— Куда мы? — спросила Катя.

— Обратно, — ответил Максим.

— Обратно — куда?

— В город. Найдём место. Укрепимся. Подождём. Я не знаю, что будет дальше. Но здесь, на дороге — нельзя.

Машина поехала обратно. К городу, который они пытались покинуть. Фары выхватывали из тумана мокрый асфальт, брошенные машины, пустые обочины.

Мать гладила кота и смотрела вперёд.

— Ничего, — сказала она тихо. — Не такое переживали.

Максим не ответил. Он не был уверен, что она права. Но промолчал.

Город принимал их обратно.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 14

Подъезд воняло кошками.

Антон стоял в дверях и светил фонариком внутрь. Лестница — бетонная, узкая, с перилами, покрашенными в коричневый цвет. Стены — панели снизу, побелка сверху. На стене — объявление, пришпиленное кнопкой: «Собрание жильцов 15 ноября, 18:00. Вопросы: домофон, отопление, мусор.» Пятнадцатое ноября. Послезавтра. Собрания не будет.

Почтовые ящики — ряд металлических коробок, половина без дверец. В одном торчала газета. В другом — квитанция за свет.

Тихо. Пусто. Никого.

— Наверх, — сказал Антон.

Они поднимались друг за другом. Антон первый, фонарик и пистолет. Лена за ним, швабра-копьё наперевес. Алексей замыкающий, топорик в руке. Уже привычная тройка. Уже привычный порядок. Как будто всю жизнь так ходили.

Первый этаж. Две двери. Из-под левой — полоска света. Свеча, которую они видели с улицы. Кто-то живой. Антон остановился. Прислушался. Тихо. Ни голосов, ни шагов.

Постучать? Попросить о помощи?

Он посмотрел на Лену. Она покачала головой. Еле заметно. Нет. Не сейчас. Они не знают, кто за дверью. И человек за дверью не знает, кто они. Посреди ночи, когда мертвецы ходят по улицам, — никто не откроет.

Выше.

Второй этаж. Двери закрыты. Антон прислушался у каждой. Тишина. Третий этаж. Левая дверь — железная, закрыта, три замка. Правая — деревянная, обитая коричневым дерматином. Дерматин местами порван, из дыр торчит поролон.

Антон надавил на ручку. Щёлкнуло. Дверь открылась.

Он замер. Фонарик — внутрь. Прихожая. Маленькая, тесная. Вешалка, зеркало, обувная полка. На полке — женские сапоги, мужские ботинки, детские кроссовки. Размер — маленький. Лет пять-шесть.

Куртки на вешалке. Две взрослых, одна детская — синяя, с динозавром на спине.

Антон вошёл. Прислушался. Тишина. Полная, абсолютная. Даже часы не тикают.

— Есть кто? — позвал он негромко.

Ничего.

Прошёл дальше. Комната — одна, проходная, метров пятнадцать. Диван, стенка, телевизор на тумбочке. Ковёр на полу — советский, с геометрическим рисунком. Шкаф-купе, дверца открыта. Внутри — пусто наполовину. Вещи сняты с вешалок, несколько рубашек валяются на полу. Собирались быстро.

Кухня. Маленькая, метров пять. Газовая плита, холодильник «Индезит», стол с клеёнкой в подсолнухах. На столе — кружка с недопитым чаем. Тарелка с остатками каши. Детская ложка — пластиковая, с Микки-Маусом.

Они уехали. Семья. Муж, жена, ребёнок. Побросали вещи, схватили самое важное — и уехали. Когда? Час назад? Два? Может, успели выбраться до того, как трасса закрылась. А может — нет.

Антон проверил ванную. Туалет. Балкон. Пусто. Квартира пуста.

— Чисто, — сказал он, вернувшись в прихожую.

Лена и Алексей вошли. Лена сразу закрыла дверь. Повернула замок. Потом посмотрела — замок один, хлипкий. Задвижки нет. Цепочки нет.

— Этого мало, — сказала она.

Алексей молча прошёл в комнату. Взялся за шкаф-купе. Тяжёлый, но на колёсиках. Потянул. Шкаф со скрежетом поехал по паркету, оставляя царапины. Алексей подкатил его к входной двери. Развернул. Прижал.

Антон помог — навалились вдвоём. Шкаф встал плотно, перекрыв дверь. Сверху Алексей положил гладильную доску — наискось, как распорку, одним концом в стену.

Не баррикада. Но задержит.

— Окна, — сказал Антон.

Третий этаж. Метров семь от земли. Они не залезут. Наверное. Но шторы задёрнуть — чтобы свет не привлекал. Антон прошёл по квартире, задёрнул шторы на всех окнах. Плотные, синие, с вышитыми цветочками. Нормально.

Лена стояла на кухне и смотрела на холодильник. Потом открыла. Свет внутри не загорелся — электричество вырубилось. Но холод ещё держался. На полках: пакет молока, полпалки колбасы, три яйца, масло, банка солёных огурцов, кусок сыра в плёнке. На дверце — кетчуп, горчица, початая бутылка «Балтики».

— Есть хотите? — спросила она.

Антон понял, что голоден. Дико, невозможно голоден. Когда он ел последний раз? В обед, в участке. Бутерброд с сыром и кофе из автомата. Двенадцать часов назад. Целая жизнь назад.

— Да, — сказал он.

Алексей не ответил. Он стоял на балконе — дверь приоткрыта, в щель тянуло холодом. Антон подошёл. Алексей курил. Сигарету нашёл тут же, на балконе — початая пачка «Винстона» лежала на перилах рядом с жестяной пепельницей. Чужие сигареты, чужая квартира, чужая жизнь.

— Закрой дверь, — сказал Антон. — Свет увидят.

— Я не включал свет.

— Огонёк сигареты. Видно далеко.

Алексей посмотрел на сигарету. Потом на двор внизу. Антон тоже посмотрел.

Двор хрущёвки. Детская площадка — горка, песочница, лавочки. Два дерева — берёзы, голые, ноябрьские. Между ними, на дорожке — фигура. Стояла, покачиваясь. Женщина. В ночной рубашке и тапках. Босые ноги в тапках, ноябрь, около нуля. Она стояла и смотрела вверх. Не на них — просто вверх. В небо. Как будто ждала чего-то.

Дальше, у мусорных баков — ещё одна. И ещё. Три фигуры во дворе. Тихие, медленные. Бродили, как потерянные.

Алексей затушил сигарету. Зашёл внутрь. Закрыл балконную дверь.

Лена нарезала колбасу. Хлеба не было — нашла пачку крекеров в шкафчике. Разложила на тарелке. Колбаса, сыр, крекеры, огурцы. Поставила на стол. Три кружки. Чайник на плите — газ ещё работал. Синее пламя, тихое шипение. Привычные звуки. Нормальные.

Они сели за стол. Втроём, на маленькой кухне чужой квартиры, с клеёнкой в подсолнухах и детской ложкой с Микки-Маусом.

Ели молча. Жадно. Антон — три бутерброда, один за другим, почти не жуя. Алексей — медленнее, но тоже не останавливался. Лена

— один крекер с сыром, потом чай. Маленькими глотками. Руки обхватили кружку, грела пальцы.

Чайник. Газовая плита. Чай в чужих кружках. Антон пил и думал о том, как странно: час назад он полз по тёмному коридору, набитому мертвецами, а сейчас сидит на кухне и пьёт чай. И то, и другое — реальность. Одна и та же ночь.

— Спасибо, — сказал Алексей. Не Антону. Лене. За еду. Первое слово не по делу за всю ночь.

Лена кивнула.

Тишина. Чайник остывал на плите. За окном — ни звука. Ни сирен, ни криков. Город затих, как больной, который перестал бороться.

— Ты давно в полиции? — спросил Алексей, глядя на Антона.

— Второй год.

— Второй год, — повторил Алексей. — И до этого что?

— Армия. Потом школа полиции. Потом сюда.

— Местный?

— Нет. Из деревни. Сто километров отсюда. Родители там.

Алексей кивнул. Крутил кружку в руках.

— А у тебя? — спросил Антон. — Семья?

— Нет. Один. Всегда один.

Он сказал это без жалости к себе. Как факт. Как «я ношу сорок второй размер». Просто один. Всегда.

— Родители?

— Мать в Саратове. Не общаемся. Отца не знаю. — Алексей допил чай. — Я в этом городе шесть лет. Снимаю комнату. Работаю в морге. Хожу на работу, прихожу домой. Иногда пью. Часто пью. Всё.

Он замолчал. Посмотрел на стол. Детская ложка с Микки-Маусом лежала рядом с его кружкой.

— Петрович был единственный, кто со мной разговаривал, — сказал Алексей тихо. — Не по работе. Просто так. Приходил, наливал чай, рассказывал какую-нибудь историю из милиции. Или про внука. Артёмка, семь лет. Через три дня восемь.

Он замолчал. Потёр лицо ладонями.

— Я мог его вытащить. Мог помочь. Но я стоял и смотрел, как они его... А потом побежал.

Тишина.

— Ты бы тоже погиб, — сказала Лена. Тихо, ровно.

— Может быть.

— Не может быть. Точно. Они сильные. Ты бы не справился.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он не справился. А он был крепче тебя.

Алексей посмотрел на неё. Долго. Потом отвернулся.

— Ладно, — сказал он.

Это не было «ладно, я тебе поверил». Это было «ладно, хватит об этом». Антон понял. Лена тоже.

— У меня мама в Костроме, — сказала Лена. Не потому что спрашивали — потому что молчать было хуже. — Я ей не позвонила. Когда всё началось — не позвонила. Сначала побежала на крик. Потом пряталась. Потом... — она посмотрела на свой телефон, лежащий на столе. Чёрный экран. Мёртвый. — Связи нет. С часу ночи. Ни сотовая, ни интернет.

— У меня тоже, — сказал Антон. Достал свой. Ноль палок. Он пробовал набирать — «Нет сети».

— Глушат, — сказал Алексей.

— Кто?

— Военные. Кто ещё. Если город оцеплён — а он оцеплён, — то связь глушат в первую очередь. Чтобы не было паники. Чтобы видео не утекли. Чтобы никто не знал, что здесь происходит.

Антон хотел возразить. Не смог. Это было логично. Страшно логично.

— Значит, никто не знает, — сказала Лена.

— Никто.

— Моя мама не знает, что я жива.

— Да.

Лена поставила кружку. Аккуратно, тихо. Встала. Ушла в комнату. Антон слышал, как она легла на диван. Не плакала. Просто легла.

Они с Алексеем сидели на кухне.

— Напарник твой, — сказал Алексей. — Максим. Он вернётся?

— Не знаю. У него семья. Жена, двое детей. Он поехал за ними.

— Значит, не вернётся.

— Я бы не вернулся, — сказал Антон. — На его месте.

— А на своём?

Антон не ответил. Встал, подошёл к окну. Отодвинул штору на сантиметр. Посмотрел вниз. Двор. Женщина в ночной рубашке всё ещё стояла на дорожке. Не шевелилась. Дождь лил ей на голову, на плечи. Волосы прилипли к лицу. Она стояла, как фонарный столб.

— Дежурить будем по очереди, — сказал Антон. — Я первый. Два часа. Потом ты. Потом Лена.

— Лену не буди, — сказал Алексей. — Я отдежурю за неё.

Антон посмотрел на него. Алексей не смотрел в ответ — ковырял ногтем клеёнку.

— Хорошо, — сказал Антон.

Алексей ушёл в комнату. Антон слышал, как он лёг на пол — дивана не занял, оставил Лене. Потом — тишина. Потом — ровное дыхание. Уснул. Мгновенно, как выключили.

Антон остался на кухне. Сел на стул у окна. Пистолет на столе, рядом с детской ложкой. Фонарик выключен. Темнота.

Он сидел и слушал.

Город за окном — тихий. Ни машин, ни голосов. Только дождь. Мерный, ровный, бесконечный. И иногда — стон. Далёкий, протяжный. Один. Потом — другой, в ответ. Как волки. Только волки — живые.

Антон достал телефон. Экран засветился — три процента батареи. Он открыл галерею. Фотография — единственная, которую хранил на рабочем телефоне. Родители. Батя и мать. Стоят у забора, на фоне дома. Батя в кепке, мать в фартуке. Улыбаются. Лето, солнце, подсолнухи за забором.

Сто километров. Далеко. Или близко — смотря как считать.

Они не знают. Сидят дома, смотрят телевизор. Может, уже легли. Батя встаёт в пять — корова, куры, огород. Мать — в шесть. Чай, каша, новости по радио. Обычный день. Обычная жизнь. Они не знают, что в ста километрах город стал кладбищем.

Антон выключил телефон. Три процента. Надо беречь.

Он сидел в темноте и смотрел в щель между шторами. Двор. Фигуры. Дождь. Тишина.

Время тянулось. Медленно, вязко, как смола. Антон считал минуты. Потом перестал. Смотрел на светящиеся цифры настенных часов — электронные, на батарейке, висели над холодильником. 3:47. 3:52. 4:01. 4:15.

В 4:20 что-то стукнуло в подъезде. Глухо, далеко — этажом ниже? Двумя? Антон замер. Рука на пистолете. Слушал.

Стук. Ещё один. Потом — тишина.

Потом — крик. Мужской, хриплый, короткий. Оборвался.

Антон сжал пистолет. Встал. Подошёл к двери. За шкафом — тихо. Он приложил ухо к стене.

Шаги. В подъезде. Тяжёлые, медленные. Шарканье. Вверх по лестнице. Или вниз? Не разобрать.

Потом — стон. Тот самый, который он уже знал наизусть. Протяжный, низкий, нечеловеческий.

Шаги прошли мимо. Выше. На четвёртый этаж. Дальше. Потом стихли.

Антон стоял у стены и не дышал. Минуту. Две. Пять.

Тихо.

Он вернулся на кухню. Сел. Руки мокрые. Вытер о штаны.

На первом этаже горела свеча. Там был живой человек. Был.

Антон смотрел в потолок. Трещина — длинная, извилистая, от окна к двери. Штукатурка пожелтела. Люстра — дешёвая, пластиковая, с тремя рожками. Обычная хрущёвка. Обычная квартира. Кто-то здесь жил, растил ребёнка, клеил обои, ругался с женой, смотрел футбол. Обычная жизнь, которая кончилась за одну ночь.

В 5:40 Антон растолкал Алексея. Тот проснулся мгновенно — глаза открылись, рука метнулась к топорику под боком. Рефлекс. Уже рефлекс, после одной ночи.

— Моя смена, — сказал Антон.

— Что-нибудь было?

— Крик. Внизу. Потом — тихо.

Алексей кивнул. Не стал спрашивать. Встал, прошёл на кухню. Антон лёг на пол, туда, где лежал Алексей. Тепло от его тела ещё держалось в ковре. Он повернул голову — диван рядом, на нём Лена. Свернулась калачиком, руки под головой. Дышала ровно. Во сне лицо было спокойное — без страха, без напряжения. Просто девочка. Молодая, уставшая девочка.

Антон закрыл глаза.

Уснул за тридцать секунд.

Проснулся от света. Серого, тусклого, ноябрьского. Окно. Шторы — Алексей раздвинул, одну створку. Свет заливал комнату,

безжизненный и плоский, как из люминесцентной лампы. Утро.

Антон сел. Голова гудела. Тело ныло — пол жёсткий, шея затекла. Он посмотрел на часы. 8:12.

Лена сидела на кухне, пила чай. Алексей стоял у окна и смотрел во двор.

— Доброе утро, — сказала Лена.

Антон посмотрел на неё. Она была бледная, с тёмными кругами, волосы растрёпаны. Но голос — ровный. Спокойный. Или то, что бывает после того, как человек принял новую реальность и перестал бороться с ней.

— Доброе, — ответил Антон. Слово прозвучало странно. Какое оно доброе.

— Иди сюда, — позвал Алексей от окна.

Антон подошёл. Посмотрел.

Двор. Утро. Серое небо, мелкий дождь. Детская площадка, лавочки, берёзы. Всё то же, что ночью, — только теперь видно.

Фигуры. Не три — больше. Восемь. Десять. Двенадцать. Они стояли во дворе, бродили между домами. Медленно, бесцельно. Кто в домашней одежде, кто в куртке, кто босиком. Одна женщина толкала пустую коляску — вперёд, назад, вперёд, назад. Механически. Без ребёнка. Без смысла.

Мужик в трениках сидел на лавочке. Не двигался. Просто сидел. Лицо серое, руки на коленях. Рядом — другой, стоял у подъезда напротив. И ещё один — дальше, у гаражей.

— Их больше, — сказал Алексей. — Ночью было трое. Сейчас — дюжина. За ночь они выходили из квартир. Из домов. Один за другим.

Антон смотрел.

— Они не заходят обратно, — продолжил Алексей. — Я наблюдаю с шести. Они выходят — но не заходят. Бродят. Кругами. Или просто стоят.

— Как будто ждут, — сказала Лена. Она стояла за ними, смотрела через плечо.

— Чего ждут?

— Не знаю. Нас.

Антон отошёл от окна. Сел за стол. Посмотрел на кружку. Чай. Лена уже налила ему — тёплый, сладкий. Он не просил. Она просто сделала.

— Нам нужен план, — сказал он.

— У нас есть план? — спросил Алексей.

— Теперь будет. Садись.

Алексей сел. Лена тоже. Трое за столом с подсолнухами.

— Еды хватит на день, — начал Антон. — Воды — пока есть напор. Газ пока работает. Но это всё кончится. Электричество уже нет. Связи нет. Помощи — не будет.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лена.

— Потому что за три часа до того, как я оказался в вашей будке, мой напарник поехал к выезду из города. Если бы трасса была открыта — он бы уже вернулся с подкреплением. Но его нет. Значит, трасса закрыта. Город оцеплён.

Тишина.

— Значит, мы в ловушке, — сказал Алексей.

— Пока — да. Но ловушки имеют стены. А стены имеют дыры. Нужно найти дыру.

— И как?

— Для начала — информация. Где оцепление, с каких сторон, какие дороги свободны. Нужна рация — полицейская или военная. Нужны люди — не бывает так, чтобы в городе на триста тысяч выжили только мы трое. Нужен транспорт — катафалк хорошо, но бензина в нём на полбака.

— Ты как будто на планёрке в участке, — сказал Алексей.

— А ты как будто в морге. Каждый делает то, что умеет.

Алексей хмыкнул. Посмотрел на Лену. Она сидела, обхватив кружку руками. Смотрела на Антона.

— Что от нас нужно? — спросила она.

— Ты знаешь больницу. Знаешь район. Знаешь, где аптеки, где магазины, где что. Ты — навигация. Алексей — ты крепкий и умеешь молчать. Ты — защита. Я — оружие и связь.

— У тебя одиннадцать патронов, — напомнил Алексей.

— Десять. Один потратил на того, в раздевалке.

Алексей замолчал. Раздевалка. Там они застрелили зомби в куртке охранника. С бейджем «Петров П.И.» Тело Петровича, которое встало и бродило по больнице. Антон не знал, что Алексей знал Петровича. Не знал, что это имя значит для него.

— Десять, — повторил Антон. — Каждый на счету. Стреляю только если нет другого выхода.

— Хорошо, — сказала Лена. — Когда выходим?

Антон посмотрел в окно. Серое утро. Дождь. Двенадцать мертвецов во дворе.

— Днём. Через час. Пока светло — у нас преимущество. Видим дальше, можем обходить. Ночью мы слепые, а они — нет.

Он встал. Подошёл к окну. Посмотрел на город.

Пятиэтажки, гаражи, голые деревья. Провода, антенны, трубы. Дым — откуда-то из центра, тонкий, чёрный. Пожар? Или просто труба котельной. На улице — никого живого. Только фигуры. Медленные, молчаливые.

Город не кричал. Не горел. Не взрывался. Он просто стоял — тихий, серый, пустой. Как будто все ушли. Как будто никогда не было здесь никого — ни людей, ни машин, ни жизни.

Только ноябрьский дождь и фигуры во дворе.

Антон задёрнул штору.

— Час, — повторил он. — Собирайтесь.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 15

Город днём выглядел хуже, чем ночью.

Ночью темнота скрывала. Прятала детали, сглаживала углы. Днём — всё наружу. Серый ноябрьский свет, плоский, беспощадный, выставлял каждую трещину, каждое пятно, каждый след того, что произошло за ночь.

Алексей сидел за рулём катафалка и смотрел на улицу через разбитое боковое окно. Ветер задувал в кабину — холодный, мокрый, с мелким дождём. Он подтянул воротник куртки. Чужой куртки — снял с вешалки в квартире. Хозяин не вернётся за ней.

Заводская улица. Вчера ночью она была просто тёмной и пустой. Сейчас — как фотография из зоны боевых действий. Справа — аптека, витрина разбита, на тротуаре россыпь коробок с лекарствами, мокрых, раздавленных. Чей-то ботинок — один, без пары. Женская сумка. Зонт, сломанный, вывернутый наизнанку.

Слева — продуктовый «Магнит». Рольставни наполовину подняты, как закатанное веко. Под ними — тёмный проём. Внутри кто-то был: стеллажи перевёрнуты, пол залит — молоко? кровь? — не разобрать.

Дальше — перекрёсток. Светофор мигал жёлтым, как и ночью. Не устал. На перекрёстке — две машины, столкнувшиеся лоб в лоб. «Киа» и «Газель». Лобовые стёкла разбиты, подушки безопасности висят, как сдувшиеся шары. В «Киа» — никого. В «Газели» — фигура за рулём. Сидела, откинувшись на спинку, руки на коленях. Не двигалась. Мёртвая? Или ждала?

Алексей объехал перекрёсток по тротуару. Катафалк подпрыгнул на бордюре, Лена схватилась за ручку над дверью.

— Аккуратнее, — сказала она.

— Извини. Дорога кончилась.

Антон сидел между ними, на пассажирском сиденье без подголовника. На коленях — полицейская рация Максима. Щёлкал каналы. Шипение, треск, помехи. Пустота. Канал за каналом — ничего.

— Первый — пусто, — бормотал он. — Второй — пусто. Третий...

Щелчок. Голос. Далёкий, искажённый помехами, но голос.

— ...периметр стабилен... сектор четыре, доклад... объектов-два-ноль в зоне наблюдения... повторяю...

Военные. Антон замер. Слушал.

— ...рекомендация — не вступать в контакт... режим наблюдения... стрельба по команде...

Голос пропал. Антон покрутил настройку — помехи, треск, тишина.

— Что это значит? — спросила Лена.

— Военная частота, — сказал Антон. — Они на периметре. «Объекты-два-ноль в зоне наблюдения» — это, видимо, зомби. Или мы. — Он помолчал. — «Стрельба по команде». Не по обстановке — по команде. Значит, централизованное управление. Кто-то наверху решает.

— И что нам это даёт?

— Даёт то, что они не уйдут. Это не временная мера. Они сидят и ждут.

— Чего ждут?

Антон не ответил. Чего ждут — он не знал. Может, пока все в городе умрут. Может, приказа на штурм. Может, чего-то похуже.

Алексей свернул с Заводской на Мичурина. Узкая улица, частные дома по одной стороне, пятиэтажки по другой. Деревья — голые тополя, мокрые, чёрные. На ветке одного висел шарф — длинный, красный, как будто повесили сушиться и забыли. Или как будто кто-то бежал и зацепился.

На Мичурина было тише. Частный сектор — заборы, калитки, собачьи будки. Собак не слышно. Ни одной. Вчера ночью тоже не лаяли. Куда делись собаки?

Лена, видимо, подумала о том же.

— Собаки, — сказала она тихо. — Ни одной.

— Может, убежали, — сказал Алексей.

— Или не убежали.

Они замолчали.

Впереди — затор. Три машины, перегородившие улицу. «Лада Веста» уткнулась в столб, за ней — микроавтобус «Мерседес» поперёк

дороги, дальше — «Хёндай» с открытыми дверями. Объехать — негде. Справа забор, слева — бордюр и дерево.

Алексей остановил катафалк. Заглушил мотор.

— Пешком, — сказал Антон. — Через дворы. Потом вернёмся за машиной. Или найдём другую.

Они вышли. Дождь бил в лицо — мелкий, колючий, ноябрьский. Под ногами — лужи, битое стекло, мокрые листья. Воздух пах дымом — откуда-то из центра тянуло гарью. Пожар, оставленный без пожарных.

Антон шёл первым. Пистолет убран в кобуру — днём стрелять ещё опаснее, звук разнесётся далеко. В руке — ключи от катафалка. Привычка. Бесполезная привычка живого мира.

Лена рядом. Швабру оставила в машине — неудобно, привлекает внимание. Вместо неё — нож. Кухонный, из квартиры. Маленький, с чёрной ручкой. Не оружие. Но лучше, чем ничего.

Алексей замыкал. Топорик за поясом, руки в карманах чужой куртки.

Они шли по Мичурина, вдоль заборов. Тихо. Быстро.

Первый зомби — через сто метров. Мужик в рабочей спецовке и резиновых сапогах. Стоял у калитки частного дома, лицом к забору. Не двигался. Просто стоял и смотрел на доски забора, как будто ждал, что откроют.

Они обошли его по другой стороне улицы. Широкой дугой, метров пятнадцать. Мужик не повернулся. Не заметил. Или заметил, но не отреагировал. Днём — медленнее? Тупее? Или просто не голодный?

Второй — женщина. Сидела на асфальте у стены пятиэтажки. Ноги вытянуты, голова опущена. В руке — пакет из «Пятёрочки». Пустой. Она сжимала его, как будто это что-то значило. Пальцы серые, скрюченные.

Обошли.

Третий, четвёртый, пятый — группа. Стояли кружком на автобусной остановке. Трое. Как будто ждали автобус. Маршрут номер семь — расписание висело под стеклом, заляпанным дождём. «7:15, 7:45, 8:20...» Автобуса не будет. Они ждали.

— Они собираются в группы? — прошептала Лена.

— Не знаю, — ответил Антон. — Может, умерли рядом и встали рядом.

— Или тянутся друг к другу.

Антон посмотрел на неё.

— Не усложняй. Они мёртвые. У них нет мотивации. Они не «тянутся». Они просто... бродят.

Лена не стала спорить.

Они свернули во двор — проходной, между двумя пятиэтажками. Арка, лавочка, сушилка для белья. На сушилке — простыня. Мокрая, серая, хлопает на ветру. Кто-то повесил и не снял. Обычное дело. Обычная жизнь. Кончившаяся.

За двором — улица Ленина. Широкая, центральная. Магазины, кафе, салон красоты, «Сбербанк». Всё закрыто. Всё тёмное. На тротуаре перед «Сбербанком» — банкомат, выдранный из стены. Лежал на боку, как перевёрнутый холодильник. Кто-то пытался вскрыть — монтировкой? ломом? — и бросил.

Деньги. Кому-то среди ночи понадобились деньги. Алексей усмехнулся. Мертвецы ходят, а кто-то ломает банкомат. Люди.

— Стой, — Антон поднял руку.

Они замерли.

Впереди, через дорогу — продуктовый магазин. Небольшой, местный, вывеска «Берёзка». Окна заколочены — не снаружи, изнутри. Картон, доски, скотч. Кто-то забаррикадировался. И у входа — мужик. Живой. Стоял за дверью, смотрел наружу через щель между досками.

Антон поднял руку — открытая ладонь, жест «мы свои». Шагнул к магазину.

— Стой, блять! — голос изнутри. Мужской, хриплый, злой. — Стоять! Ещё шаг — стреляю!

Антон замер. Поднял обе руки.

— Полиция, — сказал он. — Рядовой Кравцов. Антон Кравцов. Мы живые.

Тишина. Потом шорох — доска отодвинулась. В щели — лицо. Мужик, лет сорок пять, небритый, глаза красные. За ним — ствол. Двустволка. Охотничья, курковая, старая. Направлена в лицо Антону.

— Удостоверение, — сказал мужик.

Антон медленно опустил руку в карман. Достал удостоверение. Развернул. Показал.

Мужик смотрел. Долго. Потом опустил ружьё. Немного.

— Сколько вас?

— Трое.

— Оружие?

— Пистолет. Один.

— Хреново, — сказал мужик. — Заходите. Быстро.

Дверь открылась — не вся, одна створка, ровно настолько, чтобы протиснуться боком. Антон зашёл первым. За ним — Лена, Алексей.

Магазин «Берёзка». Небольшой, два зала. Стеллажи — половина пустые, половина ещё стоят. Консервы, макароны, крупы. Бутилированная вода — несколько упаковок. В углу, за прилавком — женщина. Лет сорок, полная, в пуховике и вязаной шапке. Сидела на стуле, обхватив себя руками. Глаза — испуганные, красные, заплаканные.

Рядом — подросток. Лет четырнадцать-пятнадцать. Худой, в толстовке с капюшоном. Сидел на полу, привалившись к стеллажу. В руках — телефон. Экран светился — играл во что-то. Без звука.

— Жена, — кивнул мужик на женщину. — Наташа. Сын Димка.

— Вы тут давно? — спросил Антон.

— С ночи. Часа с двух. Мы ехали домой — с дачи. А тут... — мужик замолчал. Потёр лицо. — Увидели эту хрень. Бросили машину, забежали сюда. Заколотили двери.

— Вас трое?

— Трое.

— И всё? Больше никого не видели? Живых?

— Кто-то пробегал мимо. Часа в четыре. Не останавливались. И крики были — с соседней улицы. Потом стихли.

Антон огляделся. Магазин — неплохое укрытие. Стены кирпичные, двери можно заколотить крепче. Еда есть. Вода есть.

— Идёмте с нами, — сказал он.

Мужик посмотрел на него. Потом на жену. Потом на сына. Потом обратно.

— Куда?

— Пока не знаем точно. Но оставаться в городе нельзя. Военные оцепили. Рано или поздно что-то произойдёт. Нужно объединяться,

искать выход.

— Нет, — сказал мужик.

— Нет?

— Мы остаёмся. Здесь еда, вода. Дверь крепкая. Они сюда не зайдут. А вы... — он посмотрел на Антона, на его пистолет, на Лену с кухонным ножом, на Алексея с топориком. — Вы трое, с одним пистолетом, идёте куда-то, куда сами не знаете. Нет. Спасибо.

— Помощь не придёт, — сказал Антон.

— Откуда вы знаете?

— Потому что они стреляют по тем, кто пытается выехать. Я видел. Вернее, мой напарник видел. Военные — не на нашей стороне.

Мужик молчал. Жена — Наташа — смотрела на них. Подросток даже не поднял голову от телефона.

— Я тридцать лет прожил, — сказал мужик. — И каждый раз, когда что-то случалось — наводнение, кризис, что угодно, — помощь приходила. Не сразу, не идеально, но приходила. МЧС, военные, волонтёры. Приходили и разбирались. Так будет и сейчас. Нужно просто подождать.

— Это не наводнение, — сказал Алексей.

Все повернулись к нему. Он молчал всё это время — стоял у стеллажа с крупами и слушал. Теперь заговорил.

— Это не кризис, не авария, не стихийное бедствие. Мёртвые встают и убивают живых. Этого не бывает. Этого нет в учебниках, нет в протоколах МЧС, нет нигде. Никто не знает, как с этим справиться. Включая тех, кто стоит за колючкой с автоматами. Они не спасать пришли — они закрыть пришли. Нас закрыли. Как банку с тараканами.

Тишина. Подросток поднял голову от телефона. Посмотрел на Алексея. Потом снова опустил.

— Мы остаёмся, — повторил мужик. Тише. Менее уверенно. Но повторил.

Антон кивнул.

— Ваше право. Если передумаете — мы будем в районе Ворошилова. Если найдём рацию или связь — попробуем выйти на эту частоту. — Он назвал канал полицейской рации. — Запомните.

Мужик кивнул. Не записал. Может, запомнил. Может, нет.

Они вышли. Дверь за ними закрылась. Стук — доску поставили обратно.

Алексей посмотрел на магазин. Заколоченные окна, картон, скотч. Три человека внутри. С ружьём, едой и верой в то, что помощь придёт.

— Они умрут, — сказал он.

— Может, нет, — ответила Лена.

— Может, — согласился Алексей. Но не поверил.

Они пошли дальше по Ленина. Мимо салона красоты с разбитой дверью. Мимо цветочного магазина — за стеклом стояли вёдра с мёртвыми розами, бурыми, поникшими. Мимо аптеки, в которой кто-то уже побывал — полки выпотрошены, на полу хрустели блистеры.

Антон шёл и щёлкал рацию. Канал за каналом. Помехи. Шипение. Иногда — обрывки военных переговоров, далёкие, неразборчивые. Иногда — просто треск.

На седьмом канале — голос. Женский. Тонкий, срывающийся.

— ...пожалуйста... кто-нибудь... мы на Гагарина... третий подъезд... пятый этаж... их много... они ломают дверь... пожалуйста...

Антон остановился. Лена тоже.

— ...муж ранен... я не могу остановить кровь... пожалуйста... кто-нибудь ответьте...

Антон нажал кнопку передачи.

— Слышу вас. Назовите точный адрес. Гагарина — какой дом?

Треск. Помехи. Потом — голос, тише, дальше:

— ...двадцать шесть... квартира... — голос утонул в помехах.

— Повторите! Гагарина двадцать шесть?

Шипение. Тишина.

Антон ждал. Десять секунд. Двадцать. Минуту. Ничего. Голос пропал.

Гагарина, 26. Антон знал этот дом — стандартная панельная девятиэтажка. Патрулировал сотню раз. Третий подъезд, пятый этаж. Конкретный адрес. Конкретные люди.

Он посмотрел на Лену. На Алексея.

— Гагарина — это два квартала отсюда, — сказала Лена. — Минут десять пешком.

— Я слышал, — сказал Алексей.

— И?

— И ничего. Она сказала — они ломают дверь. Это было минуту назад. Пока мы дойдём — пройдёт десять минут. Дверь не выдержит десять минут.

Антон молчал. Алексей был прав. Он знал, что Алексей прав. Но женский голос в рации — тонкий, срывающийся — стоял в ушах.

— Мы не можем спасти всех, — сказал Алексей. Не зло. Устало. — У нас десять патронов и топорик. Мы не армия. Мы не МЧС. Мы три человека, которые еле выбрались из больницы.

Лена молчала. Смотрела на Антона. Не давила. Ждала.

Антон убрал рацию.

— Идём дальше, — сказал он.

Они пошли. Антон не обернулся в сторону Гагарина. Шёл прямо, по Ленина. Шаг за шагом. Спина ровная.

Лена шла рядом. В какой-то момент — коснулась его руки. На секунду. Легко. Он не посмотрел, но почувствовал.

Они шли по центральной улице мёртвого города, мимо мёртвых магазинов и мёртвых фонарей, и Антон думал о женщине на Гагарина, 26, третий подъезд, пятый этаж, которую он не спас. И о тех, кого ещё не спас. И о тех, кого не сможет.

Десять патронов. Три человека. Триста тысяч город.

Рация зашипела. Антон машинально поднёс её к уху.

Голос. Мужской. Знакомый. С помехами, далёкий, прерывистый — но знакомый.

— ...Антон... если слышишь... мы на Ворошилова... девятиэтажка... угол Ворошилова и Мира... восьмой этаж... если слышишь...

Максим.

Антон схватил рацию обеими руками.

— Макс! Слышу тебя! Приём!

Треск. Помехи.

— ...нас пятеро... я, семья... ещё человек... слышал военные переговоры... Антон, город хотят...

Голос пропал. Шипение. Тишина.

— Макс! Повтори! Приём!

Ничего.

Антон стоял посреди улицы Ленина, под дождём, с рацией в руках, и слушал пустоту. Потом опустил рацию. Посмотрел на Лену. На Алексея.

— Он жив, — сказал Антон. — Ворошилова, угол Мира. Девятиэтажка. Восьмой этаж.

— Далеко? — спросил Алексей.

— Километра три.

— Через город.

— Через город.

Алексей посмотрел на улицу. Серый дождь. Серые дома. Серые фигуры вдалеке — бродили по тротуару, медленные, бесцельные. Три километра.

— Ну, — сказал он. — Катафалк-то мы бросили.

— Найдём другую машину, — сказал Антон.

— Или пойдём пешком.

— Три километра — час. Если повезёт.

— Если повезёт, — повторил Алексей. Посмотрел на Лену. — Ты как?

Она стояла, сжимая нож в кармане куртки. Мокрые волосы прилипли к лицу. Бледная, замёрзшая, маленькая. Двадцать лет. Медсестра, которая вчера ночью делала бутерброды из чужой колбасы и поила их чужим чаем. Которая не плакала, когда мертвецы шли по коридору. Которая не плакала, когда услышала женский голос в рации.

— Нормально, — сказала она. — Идём.

Они повернули налево — на Кирова, к Ворошилова. Три километра. Через мёртвый город. К живому человеку.

Рация молчала. Дождь не прекращался. Где-то далеко — одинокий стон, протяжный, как вой ветра. Потом — тишина.

Они шли.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 16

Машину нашли на Кирова.

«Нива» — старая, зелёная, с ржавыми крыльями и треснутым задним стеклом, заклеенным скотчем. Стояла у обочины, уткнувшись носом в бордюр. Дверь водителя — открыта. Ключи — в замке зажигания. Кто-то выскочил и побежал. Или кто-то вытащил водителя.

На сиденье — бурое пятно. Засохшее. Алексей не стал рассматривать.

— Сядем? — спросила Лена, глядя на заднее сиденье. Там валялись канистра, моток верёвки и пакет из «Магнита» с какими-то банками.

— Сядем, — сказал Антон. — Давайте быстро.

Алексей повернул ключ. Стартер крутанул раз, два — мотор чихнул и завёлся. Бензин — четверть бака. Хватит.

Он выжал сцепление, воткнул первую. «Нива» дёрнулась и поехала. Коробка — тугая, рычаг ходил с усилием, как в тракторе. Руль без усилителя — крутить приходилось двумя руками. Машина старая, уставшая. Но живая. В мёртвом городе — единственная живая машина на всю улицу.

Кирова — прямая, длинная. Четыре полосы, разделительная, тополя по обочинам. Раньше — пробки с утра до вечера, маршрутки, сигналы, матерщина в открытые окна. Сейчас — пустота. Машины стояли у обочин, на тротуарах, поперёк полос. Некоторые — с открытыми дверями. Некоторые — с разбитыми стёклами. Одна горела — чёрный остов «Форда», ещё дымился, тёплый. Недавно.

Алексей объезжал. Тротуар, газон, встречка — правила кончились вместе с городом. «Нива» прыгала по бордюрам, подвеска стучала, Лена хваталась за ручку. Антон смотрел по сторонам — пистолет на коленях.

Зомби на Кирова было больше.

Не одиночки, как на Мичурина. Группы. Пять, семь, десять — бродили по проезжей части, между машинами, по тротуарам. Медленные, как всегда. Но их было много. Спальный район — многоэтажки по обеим сторонам, тысячи квартир. Тысячи людей,

которые жили здесь вчера. Часть уехала. Часть забаррикадировалась. А часть — вышла на улицу и больше не вернулась.

Один — мужик в спортивном костюме, с собачьим поводком в руке. Поводок волочился по асфальту. Собаки на нём не было. Мужик шёл прямо, не сворачивая, как будто вёл невидимую собаку на утреннюю прогулку.

Другой — бабка в халате и тапочках. Стояла посреди дороги, смотрела в небо. Дождь стекал по лицу. Она не моргала.

Третий — подросток. Лет шестнадцать. В школьной форме — чёрные брюки, белая рубашка, расстёгнутая. Рубашка красная от крови. Стоял у автобусной остановки, раскачиваясь. Когда «Нива» проехала мимо, он повернул голову. Медленно. Проводил взглядом. Не пошёл следом.

Лена отвернулась.

— Не смотри, — сказал Алексей.

— Я не смотрю.

Смотрела. Они все смотрели. Невозможно не смотреть, когда проезжаешь мимо того, что было людьми. Мимо чьих-то мужей, жён, детей, бабушек. Мимо тех, кто вчера ходил в магазин, варил суп, ругался с соседями, звонил маме. Теперь — фигуры. Серые, мокрые, бессмысленные.

Перекрёсток Кирова и Пушкина. Здесь — затор. Автобус, ПАЗик, встал поперёк перекрёстка. Двери открыты, внутри — темно. Вокруг автобуса — штук пятнадцать зомби. Толклись, тыкались в борта, в двери, друг в друга. Как будто пытались сесть. Как будто ждали, что автобус поедет.

— Объезд? — спросила Лена.

— Дворами, — сказал Антон. — Свернуть на Пушкина, через двор между домами восемь и десять, выехать на параллельную.

— Ты знаешь район?

— Я тут патрулировал два года. Каждый двор, каждый проезд.

Алексей свернул. Пушкина — узкая, односторонняя. Дома — хрущёвки, пятиэтажные, облупленные. Между восьмым и десятым — арка. Низкая, «Нива» прошла впритирку, зеркало чиркнуло по кирпичу.

Двор. Детская площадка — горка, качели, песочница. Качели скрипели на ветру. Пусто. Ни одного зомби. Тихо. Только дождь и скрип качелей.

Алексей проехал двор, вывернул на параллельную — Комсомольская. Отсюда — прямо до Ворошилова. Километр. Может, полтора.

Комсомольская была чище. Меньше машин, меньше зомби. Частный сектор с одной стороны — заборы, ворота, кусты. С другой — длинный бетонный забор завода. «Завод керамических изделий». Закрыт давно, ещё до всего. Окна заколочены, труба не дымит. Мёртвый завод в мёртвом городе.

Они ехали молча. Дворники скребли по лобовому стеклу — один работал, второй застрял на полпути и дёргался, размазывая воду. Печка дула тёплым, пахло бензином и старым пластиком. Рация лежала на приборной панели — молчала.

— Вон, — сказал Антон. — Ворошилова.

Т-образный перекрёсток. Комсомольская упиралась в Ворошилова — широкую, с трамвайными рельсами посередине. Рельсы блестели от дождя. Трамваев не было. Провода висели — один оборван, свисал до земли, конец лежал в луже. Искрил. Электричество ещё было — где-то работала подстанция. Сама по себе, без людей.

Направо — в сторону центра. Там дым, там основные массы зомби. Налево — к окраине. Туда.

— Какой дом? — спросил Алексей.

— Угол Ворошилова и Мира. Девятиэтажка. Восьмой этаж.

Алексей повернул налево. Ворошилова тянулась вдоль трамвайных рельсов. Деревья — клёны, ещё держали последние листья, жёлтые, мокрые. По обеим сторонам — многоэтажки. Девять этажей, панельные, серые. Одинаковые, как солдаты в строю. В некоторых окнах горел свет. Не во многих — в трёх, четырёх на весь дом. Кто-то ещё сидел внутри. Ждал.

Перекрёсток Ворошилова и Мира. Угловой дом — девятиэтажка, первый подъезд выходит на Ворошилова, последний — на Мира. На фасаде — мозаика, советская, полустёршаяся: рабочий с молотом и женщина с колосьями. Под мозаикой — вывеска «Продукты 24», стекло витрины разбито, внутри — темнота.

— Этот? — спросил Алексей.

— Этот, — сказал Антон. — Подъезд... не знаю какой. Макс не сказал.

— Восьмой этаж, — сказала Лена. — Значит, окна. Посмотрим, где горит свет.

Алексей остановил «Ниву» у подъезда. Заглушил мотор. Они вышли, задрали головы.

Первый подъезд. Тёмные окна. Ни одного огонька.

Второй. Тоже темно. Хотя — нет. Шестой этаж, второе окно слева — мерцание. Свеча? Телевизор? Нет, телевизор — яркий, мигает. Это свеча. Но шестой, не восьмой.

Третий подъезд. Восьмой этаж. Правое окно — свет. Тусклый, ровный. Фонарик или лампа на батарейках. И на стекле — белое. Лист бумаги. Приклеен изнутри. Что на нём — не разглядеть снизу, далеко. Но это знак. Кто-то хочет, чтобы его нашли.

— Третий подъезд, — сказал Антон. — Идём.

Дверь подъезда — железная, с кодовым замком. Антон нажал кнопку домофона. Гудок. Тишина. Ещё раз. Тишина.

— Макс? — позвал он в динамик.

Треск. Потом — голос. Не через домофон — сверху. Окно восьмого этажа открылось, высунулась голова.

— Антон?!

Максим. Голос — хриплый, усталый, но живой. Живой.

— Открывай! — крикнул Антон.

Замок щёлкнул. Они вошли.

Подъезд. Бетон, краска, запах кошек. На первом этаже — тишина. Дверь квартиры слева — приоткрыта. Антон остановился. Заглянул. Прихожая, свет — коридорная лампа горит. Дальше — не видно. Тихо. Он закрыл дверь. Потянул за ручку — замок не защёлкнулся. Плохо. Но не сейчас.

Восемь этажей пешком. Лифт стоял — двери открыты, внутри темно. Даже если работает — никто не рискнул. Лифт — коробка. Если откроется на этаже с зомби — конец.

Шли быстро. Антон считал площадки. Второй, третий, четвёртый. На пятом — след на стене. Длинный, бурый, от перил до двери квартиры. Кто-то полз. Или кого-то тащили. Дверь квартиры — закрыта, на ручке — красный. Кровь.

Шестой. Седьмой. Восьмой.

Площадка. Две квартиры. Левая — дверь закрыта, три замка, тишина. Правая — дверь открылась прежде, чем Антон успел

постучать.

Максим.

Стоял в дверях — и это был не тот Максим, которого Антон видел вчера. Вчера — лейтенант Соловьёв, ровная спина, чистая форма, уставной тон. Сегодня — мужик с красными глазами, в мятой рубашке, с пистолетом в опущенной руке. Лицо серое, щетина, синяки под глазами. Как будто не спал неделю. Как будто постарел на десять лет за одну ночь.

Он посмотрел на Антона. На Лену. На Алексея. И сделал шаг назад.

— Заходите, — сказал он. — Быстро.

Квартира. Трёхкомнатная, просторнее, чем та, на Кирова. Прихожая — широкая, вешалка, зеркало. В зеркале — их отражение: трое мокрых, грязных, вымотанных людей. Алексей отвёл взгляд.

В большой комнате — двое детей. Девочка, лет десять, светлые волосы, собранные в хвост. Сидела на диване, прижав к себе подушку. Смотрела на них — молча, настороженно, не мигая. Мальчик, лет восемь, лежал рядом, свернувшись калачиком, — спал. Или делал вид.

Женщина — невысокая, худая, тёмные волосы. Стояла у окна, обхватив себя руками. Повернулась, когда они вошли. Глаза — такие же красные, как у Максима. Плакала. Недавно или давно — непонятно.

— Катя, — сказал Максим. — Моя жена. Вика, Артём. — Кивнул на детей.

— Антон, — сказал Антон. — Мы работаем вместе. Это Лена, медсестра. Алексей, санитар.

Катя кивнула. Не улыбнулась. Не поздоровалась. Просто кивнула и отвернулась обратно к окну.

— Вы сказали — «ещё человек», — сказал Антон. — По рации.

— Да, — Максим кивнул в сторону кухни. — Там.

На кухне — мужчина. Лет пятьдесят, крепкий, коротко стриженный. Сидел за столом, перед ним — разобранная рация. Не полицейская — другая. Чёрная, с длинной антенной. Коротковолновая. Рядом — блокнот, исписанный мелким почерком. Цифры, частоты, обрывки фраз.

Мужчина поднял голову. Взгляд — цепкий, оценивающий. Посмотрел на Антона, задержался на кобуре. На Лену — мельком. На

Алексея — дольше. Как будто прикидывал: угроза или ресурс.

— Сергей, — сказал он. — Можно просто Серёга.

— Военный? — спросил Антон.

Сергей усмехнулся. Одним углом рта.

— Бывший. Давно бывший.

— Сергей живёт этажом ниже, — сказал Максим. — Когда всё началось, поднялся к нам. У него рация.

— И что слышно? — спросил Антон.

Сергей откинулся на стуле. Потёр переносицу.

— Много чего. И ничего хорошего. — Он посмотрел на Антона. — Садитесь. Чай будете? Газ ещё идёт.

Они сели. Катя принесла чай — молча, автоматически, как робот. Четыре кружки, сахарница, ложки. Лена взяла кружку обеими руками. Закрыла глаза. Пар поднимался, грел лицо. Первый горячий чай за... сколько? Двенадцать часов? Пятнадцать? Целую жизнь.

— Рассказывай, — сказал Антон.

Сергей положил руки на стол. Пальцы — толстые, с мозолями. Руки человека, который работал ими всю жизнь.

— Я сижу на частотах с двух ночи. Сначала — полицейские каналы. Там быстро стало тихо. Последний вызов — около четырёх утра, какой-то экипаж докладывал про нападение на заправке. Потом — всё. Тишина. Полиция кончилась.

Антон кивнул. Он знал.

— Скорая — то же самое. Последний вызов — три с чем-то. Диспетчер плакала в микрофон. Потом пропала. МЧС — ни одного сигнала. Либо не работают, либо перешли на закрытую связь.

— А военные? — спросил Антон.

— Военные работают. На нескольких частотах. Я поймал три. — Сергей открыл блокнот. — Первая — тактическая, оцепление. Доклады с постов, перемещения техники. Периметр — вокруг всего города. Федеральная трасса, объездная, просёлочные дороги. Всё перекрыто. БТР, колючка, прожектора.

— Мы знаем, — сказал Антон. — Максим видел.

— Вторая частота — интереснее. Командная. Обрывки. Позывные, цифры, координаты. Плохо слышно — шифрование, помехи. Но кое-что разобрал.

Он перевернул страницу блокнота.

— «Полная изоляция. Режим "Барьер". Ни один объект не покидает зону». Объект — это мы. Живые. Или мёртвые. Для них разницы нет.

Тишина. Лена поставила кружку на стол. Алексей смотрел в окно.

— А третья частота? — спросил Антон.

Сергей помолчал.

— Третья — это хреново.

— Насколько хреново?

— Третья частота — не полевая. Штабная. Москва с кем-то на месте. Я поймал минут пять, потом потерял. Связь дерьмовая, через слово. Но одну фразу расслышал чётко.

Он посмотрел на Антона. Потом на Максима. Потом — на дверь большой комнаты, где сидели дети.

— «Срок стабилизации — семьдесят два часа. В случае невозможности — протокол "Рубеж"».

— Что такое «Рубеж»? — спросила Лена.

Сергей не ответил сразу. Встал. Подошёл к окну. Посмотрел вниз — двор, мокрые деревья, качели.

— Я двадцать лет служил, — сказал он, не поворачиваясь. — Не генерал, не полковник — обычный офицер, ничего героического. Но кое-что знаю. «Протокол» с названием в военной связи — это план действий. «Рубеж» — это не оборона. Это зачистка.

— Зачистка чего? — спросил Алексей.

Сергей повернулся.

— Города. Всего города. Если за семьдесят два часа не смогут взять ситуацию под контроль — сожгут всё.

Тишина. Долгая, тяжёлая. Где-то за стеной — детский голос, Артём что-то пробормотал во сне.

— Триста тысяч человек, — сказала Лена. Не вопрос. Констатация.

— Они уже списали триста тысяч, — сказал Сергей. — Когда закрыли периметр. Когда начали стрелять по машинам. Это не спасательная операция. Это карантин. А карантин, который не работает, заканчивается одним способом.

— Когда начался отсчёт? — спросил Антон.

— Не знаю. Но если утечка была ночью — а всё указывает на это — то часы тикают с ночи. Значит, у нас... — он посмотрел на часы, —

...может, двое суток. Может, меньше.

Максим стоял у дверного косяка, скрестив руки.

— Я рассказал им про трассу, — сказал он. — Про минивэн. Про то, как стреляли.

— По людям? — спросила Лена.

— По людям. Семья. Минивэн. Пытались проехать через блокпост. Не остановились. Или остановились, но слишком поздно. Десять секунд — и всё. Очередь из пулемёта. — Максим говорил ровно, без эмоций. Как докладывал. — Дети были в машине.

Лена закрыла глаза.

— Значит, по дороге не выехать, — сказал Антон.

— По дороге — нет, — подтвердил Сергей. — Но город — не банка. У него есть окраины, промзоны, частный сектор. Леса. Река. Оцепление — это люди. Люди не могут стоять через каждый метр на периметре в сто двадцать километров. Есть дыры. Вопрос — где.

— И как найти.

— И как дойти. Через город, полный этих. — Сергей кивнул в сторону окна. — Это не пять минут до машины. Это километры. С детьми.

Он посмотрел на Максима. Максим молча кивнул.

Антон допил чай. Поставил кружку.

— Значит, план такой, — сказал он. — Собираем информацию. Сергей слушает эфир — частоты, позывные, перемещения. Ищем дыры в периметре. Утром — выдвигаемся. Но сначала — нужна нормальная машина. «Нива» на шестерых не годится. И припасы. Еда, вода, аптечка.

— Восьмерых, — поправил Максим.

Антон посмотрел на него.

— Восьмерых, — повторил Максим. — Я, Катя, Вика, Артём. Сергей. Вы трое. Восемь человек.

Антон кивнул.

— Восьмерых. Тем более.

Лена встала.

— Аптечка, — сказала она. — Я видела аптеку на Ворошилова. В двух домах отсюда. Окна целые, может, ещё не разграбили.

— Завтра, — сказал Максим. — Сейчас — никто никуда не идёт. Темнеет через час. Ночью мы не выходим. Мы это уже проходили.

Лена посмотрела на него. Потом — на окно. Серый свет тускнел. Ноябрь — темнеет рано. Четыре часа, и уже почти сумерки.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра.

Ночь пришла быстро.

Без электричества — а в этом доме его не было, подстанция района отключилась, хотя на соседней улице свет ещё горел — темнота наступала сразу, как выключатель. Серые сумерки, потом — чернота. Густая, плотная, как вода.

Максим зажёг свечи. Три штуки, стеариновые, из хозяйственного. Поставил на стол в большой комнате, на подоконник на кухне и в ванной. Огоньки колебались — сквозняк из щелей в окнах. Тени прыгали по стенам, по потолку. Квартира ожила — не светом, а движением теней.

Окна — завесили. Максим уже сделал это до их прихода: шторы, одеяла, покрывала. Ни щели наружу. Снизу — не увидят свет. Хорошо.

Дверь — укрепили. Алексей и Сергей подтащили холодильник из кухни — тяжёлый, «Бирюса», советский ещё, продукты переложили в сумки. Холодильник встал у двери. За ним — комод. За комодом — стол. Баррикада. Не крепость, но задержит.

Распределили комнаты. Максим с Катей и детьми — в спальне. Сергей — на кухне, рядом с рацией. Антон, Алексей, Лена — в большой комнате. Диван, кресло, пол.

— Дежурим по двое, — сказал Максим. — Четыре смены по два часа. Один слушает лестницу, второй — окна. Первая смена — я и Сергей. Вторая — Антон и Алексей. Третья — я и Антон. Четвёртая — Алексей и Сергей.

— А я? — спросила Лена.

Максим посмотрел на неё. Открыл рот — и закрыл. Что он хотел сказать — «ты девушка, отдыхай»? «Ты медсестра, тебе нужны силы»? Что-то из арсенала нормального мира, где мужчины дежурят, а женщины спят.

— Ты дежуришь со мной, — сказал Антон. — Вторая смена.

Максим не стал спорить.

Дети поели — макароны из пакета, Катя сварила на газу. Газ шёл. Вода шла. Канализация работала. Город умирал снаружи, но внутренности ещё функционировали. Трубы, провода, газопроводы — всё это тянулось под землёй, под ногами мертвецов, и работало. Пока.

Артём ел молча. Вика не ела — сидела, ковыряла вилкой, смотрела в тарелку. Максим сел рядом.

— Вик, — тихо.

— Не хочу.

— Нужно поесть.

— Не хочу, пап.

Максим положил руку ей на плечо. Вика отодвинулась. Не резко — просто отодвинулась. Максим убрал руку. Посмотрел на Катю. Катя отвернулась.

Что-то между ними. Что-то, что было до зомби, до всего. Или что-то, что появилось за эту ночь. Алексей не знал и не хотел знать. Чужая семья, чужие проблемы. У него своих хватало.

Хотя нет. У него не было проблем. У него не было семьи. Не было жены, детей, матери, которую нужно забирать. Не было никого. Пустая квартира с грязной посудой и пивными банками на подоконнике. Никто не ждал. Никто не волновался.

Он сидел на подоконнике в большой комнате, привалившись к стене. Смотрел на свечу. Пламя — маленькое, ровное. Воск плавился, стекал. Тёплый свет на стенах чужой квартиры.

Лена подошла. Молча. Села рядом, на другой край подоконника. Между ними — сантиметров тридцать. Она подтянула колени к груди, обхватила руками. В чужом свитере — вязаном, мужском, большом. Нашла в шкафу. Рукава свисали ниже пальцев. Она подвернула — аккуратно, дважды. Привычка.

— Холодно? — спросил Алексей.

— Нет. Нормально.

Он снял куртку. Чужую, с чужого плеча, пахнущую чужим одеколоном и мокрой тканью. Положил рядом с ней. Не на неё — рядом. На подоконник. Между ними.

— Возьми, — сказал он. Не глядя. Как бы между делом. — У меня две кофты.

Лена посмотрела на куртку. Потом на него. Потом взяла. Накинула на плечи, поверх свитера.

Не поблагодарила.

Алексей не ждал.

Они сидели на подоконнике, каждый у своего края, и молчали. За окном — темнота. За одеялом, которым завешено окно, — ночь, дождь,

мёртвый город. Свеча горела. Где-то в спальне Артём говорил что-то во сне. На кухне тихо шипела рация Сергея.

Алексей думал о Петровиче. О том, как Петрович открыл дверь морга. О пустом столе в морге, на котором должно было лежать тело, — но тело встало и ушло.

Лена думала о чём-то своём. Или не думала. Смотрела на свечу, на танцующие тени, на стену с выцветшими обоями в мелкий цветочек. Детские обои. Детская комната. Кто-то здесь жил — ребёнок, подросток. На стене — следы от скотча, где висели плакаты. Пустые гвозди, на которых что-то висело. Всё сняли, когда уехали. Или не сняли — просто оставили, как оставляют ненужное.

— Ты откуда? — спросила Лена. Тихо. Не поворачиваясь.

— Из города. Местный.

— Семья?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем. — Он помолчал. — Мать — в Саратове. Давно не общаемся. Отца не знал. Друзей... — он хмыкнул. — Друзей нет. Коллеги. Были.

Лена кивнула. Не стала лезть с вопросами. Не стала жалеть.

— Ты? — спросил он.

— Не местная. Приехала после медучилища. Год назад. Комната в общежитии. Соседка — Оля. Она... — Лена замолчала. — Не знаю, где она. Вчера должна была работать в ночную. Но не в нашей больнице — в детской поликлинике.

— Может, выбралась.

— Может.

Тишина. Свеча потрескивала.

— Знаешь что, — сказала Лена. — Я двенадцать часов назад перевязывала бабушке пролежни на третьем этаже. Она меня называла «доченька» и просила принести компот. Компот из кухни, третий этаж, двадцать метров. Я сказала — принесу через пять минут. Потом услышала крик и побежала вниз. И не вернулась.

Алексей молчал.

— Не принесла компот, — тихо сказала Лена.

— Ты бы не дошла, — сказал Алексей.

— Знаю. Но всё равно.

Он кивнул. Знал это «всё равно». Петрович, который открыл дверь. Марина, которая осталась на работе. Все, кому он не помог. Все, мимо кого прошёл. Женщина на Гагарина, 26, пятый этаж, которую Антон не спас.

Всё равно.

Лена плотнее закуталась в куртку. Его куртку. Ну, не его — чужую. Но он дал, и теперь она — её. Так работает новый мир. Ничего своего. Всё — чужое, найденное, подобранное.

— Спи, — сказал Алексей. — До твоей смены ещё четыре часа.

— А ты?

— Я не сплю.

Лена посмотрела на него. Секунду. Две. Потом кивнула. Перебралась с подоконника на диван. Легла, подтянув колени. Куртка — как одеяло. Закрыла глаза.

Алексей остался на подоконнике. Свеча догорала. Тени на стенах замедлились. Тишина — полная, ватная, нарушаемая только шипением рации с кухни и дыханием Лены на диване.

Он сидел и слушал, как она засыпает.

Вторая смена началась в два ночи.

Антон разбудил Алексея — тронул за плечо, Алексей открыл глаза мгновенно, как не спал. Наверное, и не спал. Сидел на подоконнике и в какой-то момент просто провалился — минут на двадцать, может, тридцать.

— Твоя очередь, — прошептал Антон.

Алексей кивнул. Встал. Размял шею. Колени хрустнули — подоконник не кровать.

Лена уже была на ногах. Стояла у входной двери, прижав ухо к холодильнику-баррикаде. Слушала лестницу. Антон показал ей большой палец — молодец, уже на посту.

Два часа. Алексей — у окна. Лена — у двери. Каждые пятнадцать минут — меняться. Так договорились.

Алексей отодвинул край одеяла на окне. Щель — сантиметра три. Достаточно, чтобы видеть двор.

Двор. Темнота. Дождь кончился — когда? Он не заметил. Асфальт блестел. Фонарь у соседнего подъезда — горел, один на весь двор. Жёлтый конус света. В конусе — лужа. В луже — отражение фонаря.

Тихо. Пусто. Никого.

Нет. Не пусто.

Фигура. Одна. Стояла у детской площадки, у горки. Неподвижная. Лицо — не разглядеть, далеко, темно. Стояла и смотрела. Куда? На дом? На окно? На него?

Алексей задёрнул одеяло. Медленно. Не дёргая.

Два часа. Тишина. Шипение рации. Дыхание спящих.

На кухне Сергей не спал — сидел с наушником, крутил колёсико настройки. Иногда записывал что-то в блокнот. Иногда — просто сидел, закрыв глаза. Слушал пустоту.

Лена стояла у двери. Не шевелилась. Ухо — к холодильнику. Что она слышала? Ничего. Или всё — скрипы, шорохи, стук труб. Старый дом живёт своей жизнью: трубы остывают, стены дышат, перекрытия оседают. Каждый звук — зомби? Или просто дом?

Они поменялись. Алексей — к двери, Лена — к окну. Она отодвинула край одеяла, посмотрела. Фигура у горки — ушла. Или переместилась. Или стояла в темноте, где фонарь не доставал.

Два часа прошли. Третья смена — Максим и Антон — приняла пост. Алексей лёг на диван, ещё тёплый после Лены. Пахло чужим свитером и чуть-чуть — чем-то знакомым. Чем? Он не понял. Мылом? Шампунем? Просто теплом.

Закрыл глаза. Заснул. Без снов.

Утро.

Серый свет просочился сквозь одеяла на окнах. Алексей открыл глаза. Потолок — незнакомый, белый, с трещиной от стены до люстры. Где он?

Чужая квартира. Восьмой этаж. Ворошилова. Живой.

Он сел. В квартире пахло макаронами — Катя варила завтрак. На кухне — голоса. Тихие, приглушённые.

Алексей вышел на кухню. За столом — Антон и Сергей. Сергей — с блокнотом, Антон — с рацией. Между ними — три кружки, пустые.

— Проснулся, — сказал Антон. — Садись. Есть новости.

— Какие?

Антон посмотрел на Сергея. Тот кивнул.

— Ночью Сергей поймал ещё один разговор на штабной частоте. Подтверждение: семьдесят два часа. Отсчёт — с полуночи. Со вчерашней полуночи.

Алексей сел. Посчитал.

— Значит, осталось...

— Около сорока восьми часов. Двое суток. Если они не передумают.

— А они передумают?

Сергей покачал головой.

— Не передумают.

Тишина. Газ шипел под кастрюлей. Вода булькала.

— И ещё, — сказал Антон. — Ночью. Под утро. На четвёртой смене.

Он взял рацию. Покрутил колёсико. Нашёл канал. Нажал кнопку воспроизведения — рация зашипела, захрипела, и сквозь помехи пробился голос.

Мужской. Хриплый, уставший, но спокойный. Взрослый.

— ...если кто-то слышит... школа номер двенадцать... улица Октябрьская... нас двадцать три человека... двенадцать детей... мы в спортзале на втором этаже... двери держатся, но мы не знаем, надолго ли... если кто-то слышит — нам нужна помощь... еды нет... воды мало... дети... пожалуйста...

Голос пропал. Шипение. Тишина.

Антон выключил рацию. Посмотрел на Алексея.

— Школа номер двенадцать, — повторил он. — Октябрьская. Двенадцать детей.

Алексей молчал. Смотрел на рацию. На стол. На свои руки.

— Это два километра отсюда, — сказал Антон. — Через спальный район.

— Я знаю, где это, — сказал Алексей.

— И?

Алексей поднял глаза.

— И ты уже решил, — сказал он. — Зачем спрашиваешь.

Антон не ответил. Не нужно было.

Из коридора — шаги. Лена. Стояла в дверях кухни, в чужом свитере и его куртке на плечах. Волосы — растрёпанные, лицо помятое после сна. Слышала. Всё слышала.

Она посмотрела на Антона. Потом на Алексея.

— Двенадцать детей, — тихо сказала она.

Алексей отвернулся к окну. За одеялом — серое утро. Второй день. Сорок восемь часов.

Двенадцать детей.

Два километра.

Он взял кружку. Молча.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 17

Объект «Берег-4» стоял в лесу, в сорока километрах от города N.

С дороги его не видно — съезд на просёлочную, три километра по грунтовке через ельник, два КПП с автоматчиками, бетонный забор с колючкой. На картах — пустое место. В документах — «хозяйственный объект Минобороны РФ, режимная территория». Ни названия, ни назначения.

Полковник Зимин приехал в шесть утра. Чёрная «Тойота», грязная по крылья — дорогу развезло за ночь. За ним — два «Тигра» с бойцами и КамАЗ связистов. Колонна встала у первого КПП. Солдат на посту — мальчишка, лет двадцать, бледный — козырнул и поднял шлагбаум, не проверяя документы. Руки тряслись.

Зимин это заметил. Не прокомментировал.

Территория объекта — четыре корпуса, соединённых переходами. Серый бетон, плоские крыши, ни одного окна на первых этажах. Советская архитектура — функциональная, уродливая, вечная. Корпус А — административный. Корпус Б — лабораторный. Корпус В — хранилище. Корпус Г — казарма охраны.

Корпуса Б больше не было.

То есть стены стояли. Крыша — частично. Но внутри — чёрное. Выгоревшее. Окна — провалы, из которых ещё тянуло гарью. Дым шёл лениво, жирный, тяжёлый. Пах не деревом, не пластиком — чем-то другим. Сладковатым. Органическим.

Зимин вышел из машины. Потянул носом. Узнал запах. Горелое мясо. Много горелого мяса.

Его встретил майор Федотов — комендант объекта. Невысокий, плотный мужик с красным лицом и мешками под глазами. Форма мятая, на рукаве — копоть. Не спал. Давно не спал.

— Товарищ полковник, — Федотов козырнул. Рука дёрнулась, не дошла до виска ровно. — Объект... ситуация...

— Доложите, — сказал Зимин.

Не «здравствуйте». Не «как вы». Доложите. Зимин не тратил слова. Никогда не тратил.

Федотов сглотнул. Начал.

Разгерметизация произошла в 03:17. Корпус Б, второй подуровень, хранилище образцов. Причина — неисправность системы вентиляции. Клапан, который не менялся с восемьдесят седьмого года. Тридцать семь лет. Резина сгнила, металл проржавел. Система мониторинга показывала норму — потому что датчики тоже были с восемьдесят седьмого.

Выброс биоагента «Н-17» в вентиляционную систему. Оттуда — наружу, через трубу на крыше. Ветер — северо-запад, восемь метров в секунду. Облако пошло в сторону города.

— Персонал? — спросил Зимин.

Федотов замялся.

— Двенадцать человек на ночной смене. Четверо — в корпусе Б.

— Живы?

— Нет.

— Где тела?

Федотов повёл его к корпусу Б. Шли по бетонной дорожке, мимо клумб — мёртвых, ноябрьских, земля чёрная и мокрая. Фонари горели — электричество от автономного генератора. Тихо. Только генератор гудел и дождь стучал по козырьку перехода.

У входа в корпус Б стояли четверо бойцов. Автоматы — наготове. Лица — серые. Один курил, затягиваясь так глубоко, будто хотел прокурить себя насквозь.

— Вот, — сказал Федотов и остановился.

Зимин посмотрел внутрь через дверной проём.

Коридор. Длинный, бетонный, с трубами под потолком. Стены — закопчённые, чёрные. На полу — вода, пена от огнетушителей, обугленные куски чего-то. Лампы — разбиты, свет шёл только от аварийных, красных, тусклых.

И запах. Здесь он был густой, плотный, осязаемый. Забивал нос, лез в горло. Зимин не поморщился.

— Что произошло с четвёркой? — спросил он.

Федотов потёр лицо. Пальцы оставили серую полосу на щеке — копоть.

— Они умерли в первые минуты после выброса. Концентрация в корпусе была максимальная. Мы нашли тела в 04:30. Двоих — в лаборатории, одного — в коридоре, одного — в туалете. Мёртвые. Проверили пульс, зафиксировали время.

Он замолчал.

— И? — сказал Зимин.

— В 06:15 они встали.

Тишина. Дождь. Гудение генератора.

— Встали, — повторил Зимин. Не вопрос. Констатация.

— Да. Охрана обнаружила, что одно из тел отсутствует. Пошли искать. Нашли. Оно... он... стоял в коридоре. Двигался. Не реагировал на голос, на свет. Бросился на солдата. Укусил. Солдат выстрелил — три раза в корпус. Без эффекта. Четвёртый — в голову. Тогда упал.

— Остальные трое?

— Тоже встали. Двоих — застрелили. Третий... — Федотов сглотнул. — Третий успел укусить ещё двоих. Охранника и лаборантку. Они умерли через четыре часа. И тоже встали.

Зимин смотрел в коридор. Чёрные стены, красный свет, вода на полу.

— Вы сожгли корпус, — сказал он.

— Да. Залили топливом и подожгли. С телами внутри. С теми, которые ещё двигались. — Федотов говорил тихо, ровно, как человек, который уже всё пережил и теперь просто пересказывает. — Они горели и двигались. Ползли по полу. Один — без ног, они сгорели первыми — полз на руках к двери. Мы держали дверь снаружи. Втроём. Он бился в неё изнутри. Горящий. Минут двадцать. Потом затих.

Зимин молчал. Смотрел на обугленный дверной проём.

— Те двое, которых укусили, — сказал он. — Укушенный охранник и лаборантка. Они были живы, когда умерли? В смысле — заражение произошло через укус, не через воздух?

— Да. Они дышали туманом вместе со всеми. Не заразились. Только после укуса.

— Значит, воздушное заражение действует только на мёртвых. Живых убивает укус.

— Так считают... считали наши специалисты. Да.

Зимин кивнул. Развернулся. Пошёл обратно к корпусу А. Федотов — за ним, полубегом.

— Товарищ полковник, что нам...

— Объект опечатать. Корпус Б — не трогать, пусть догорает. Персонал — карантин, никого не выпускать. Все контакты — через

меня. Связь с внешним миром — только по моей команде. Мобильные телефоны — изъять.

— Уже изъяли.

— Хорошо.

Зимин вошёл в корпус А. Коридор — чистый, освещённый, нормальный. Линолеум, двери с табличками, стенд с расписанием. Как в любом военном учреждении. Как будто в ста метрах отсюда не горели ходячие трупы.

Штабная комната — бывший кабинет начальника объекта. Стол, стулья, карта на стене, два монитора. Связисты уже развернули оборудование — рация, спутниковый телефон, ноутбук с защищённым каналом.

Зимин сел за стол. Снял фуражку. Потёр виски. Единственный жест усталости, который он себе позволил.

— Карту города, — сказал он.

На мониторе — спутниковый снимок. Город N. Сверху — обычный город. Улицы, кварталы, парки, река. Промзона на юге, спальные районы на севере и востоке, центр — площадь, администрация, торговый центр. Триста тысяч человек. Вчера — триста тысяч. Сегодня — неизвестно.

— Данные с термосканера, — сказал связист. — Ночная съёмка, час назад.

Новый слой на карте. Цветовая разметка. Красное — тепло. Живые. Синее — холодное. Мёртвое. Или пустое.

Центр города — почти весь синий. Редкие красные точки — одиночные, разбросанные. Живые, запершиеся в квартирах. Спальные районы — больше красного, но синего всё равно больше. И между красными точками — россыпь мелких синих, движущихся. Медленно. По улицам, по дворам, по паркам.

— Сколько? — спросил Зимин.

— Приблизительная оценка по движущимся холодным объектам — от пятнадцати до двадцати тысяч. Но это только те, кто на улице. В зданиях не видно.

— А живых?

— Точно оценить невозможно. По тепловым сигнатурам в зданиях — от сорока до семидесяти тысяч. Но часть из них может быть заражена и ещё не... не обратилась.

Зимин смотрел на карту. Синие точки ползли по улицам, как муравьи. Красные — сидели неподвижно, за стенами. Как в осаде.

— Периметр, — сказал он.

Другой экран. Схема оцепления. Город N — в кольце. Федеральная трасса — блокпосты, БТР, колючая проволока. Объездная — то же самое. Просёлочные дороги — патрули, мобильные группы. Река — катера. Лес — дроны и пешие дозоры.

Сто двадцать два километра периметра. Четыре тысячи военнослужащих. Бронетехника, вертолёты, средства связи. Полная изоляция. Режим «Барьер».

— Прорывы? — спросил Зимин.

— Семнадцать попыток за ночь. Все пресечены.

— Пресечены — это?

Связист замялся.

— Остановлены. Огнём.

— Потери среди гражданских?

— Неизвестно. Приказ — не фиксировать.

Зимин кивнул. Не моргнул. Не поморщился. Приказ — не фиксировать. Значит — не фиксировать. Значит — не было. Людей не было. Машин не было. Семей, которые пытались выехать из города в четыре утра с детьми на заднем сиденье, — не было.

Не его проблема. Его проблема — периметр. Периметр держится. Остальное — Москва решит.

Он просидел в штабе до полудня. Принимал доклады, отдавал приказы, координировал посты. Машина работала. Периметр — стабилен. Прорывов — нет. Заражённые за пределы города не вышли. Пока.

В 12:47 связист положил перед ним конверт.

Белый. Бумажный. Без обратного адреса. Гриф «Совершенно секретно. Вскрыть лично». Печать — генштаб.

Зимин взял конверт. Повертел. Вскрыл канцелярским ножом — аккуратно, вдоль края.

Один лист. Стандартный бланк. Текст — машинописный, сухой.

«Полковнику Зимину В.А. Командующему операцией "Барьер".

В связи с биологическим инцидентом на объекте "Берег-4" и последующим заражением населённого пункта (город N, Нижегородская область) приказываю:

Обеспечить полную изоляцию зоны заражения. Срок стабилизации ситуации — 72 (семьдесят два) часа с момента получения настоящего приказа.В случае невозможности стабилизации в указанный срок — инициировать протокол "Рубеж".Подготовку к реализации протокола "Рубеж" начать незамедлительно.Доклад о ходе операции — каждые шесть часов по защищённому каналу.

Генерал-лейтенант Харитонов А.С.»

Ни объяснений. Ни контекста. Ни слова «люди», «население», «эвакуация». Приказ. Сухой, как пыль. Как бухгалтерская справка. Как расписание поездов.

Зимин прочитал дважды. Сложил лист. Убрал в нагрудный карман.

«Протокол "Рубеж"». Он знал, что это. Не из учебников — из закрытых совещаний, с которых не выносят записи. Тактический удар по локализованной зоне. Термобарические боеприпасы. Или хуже. Зависит от масштаба.

Масштаб — триста тысяч.

Зимин встал. Подошёл к окну. За окном — лес. Ели, мокрые, тёмные. Дорога, по которой он приехал. Дальше — ничего. Лес, поля, тишина. А за лесом, за полями, в семидесяти километрах отсюда — город, в котором мёртвые едят живых, а живые заколачивают окна и молятся, чтобы кто-нибудь пришёл и спас.

Зимину было пятьдесят четыре года. Тридцать лет в армии. Чечня — дважды. Сирия — командировка, полгода. Он видел, как горят дома. Видел, как умирают люди. Видел, как приказы превращают города в пепел. И каждый раз — выполнял. Потому что приказ — это приказ. Потому что кто-то должен. Потому что если не он — то кто? Кто-нибудь похуже. Кто-нибудь, кто будет колебаться и из-за этого погибнет больше.

Так он себе говорил. Тридцать лет. Работало.

Он вернулся к столу. Взял спутниковый телефон. Набрал номер. Длинные гудки. Щелчок.

— Харитонов.

— Товарищ генерал-лейтенант, полковник Зимин. Приказ получил.

— Вопросы?

— Один. Протокол «Рубеж». Какая зачистка подразумевается?

Пауза. Две секунды. Три.

— Полная.

Зимин молчал. Телефон молчал. Где-то за стеной связист кашлянул.

— Полная, — повторил Зимин.

— Полная, полковник. У вас семьдесят два часа. Используйте их.

Щелчок. Гудки. Тишина.

Зимин положил трубку. Сел. Смотрел на экран — спутниковый снимок города. Синие точки ползли по улицам. Красные — сидели в домах. Маленькие, тёплые, живые.

Семьдесят два часа.

Он достал лист из кармана. Перечитал. «В случае невозможности стабилизации». Невозможности. Как будто кто-то ещё верил в возможность. Двадцать тысяч мертвецов на улицах, число растёт с каждым часом, лекарства нет, механизм неизвестен. Какая, к чёрту, стабилизация.

Зимин сложил лист. Убрал обратно. Застегнул карман.

Потом нажал кнопку на рации.

— Всем постам. Говорит «Первый». Режим «Барьер» подтверждён. Периметр усилить. Ни один объект не покидает зону. Ни живой, ни мёртвый. Доклады — каждый час. Как поняли?

Голоса в рации. «Принял. Принял. Принял.» Один за другим. Двадцать восемь постов. Четыре тысячи человек, которые делали то, что им говорил Зимин. А Зимин делал то, что ему говорил Харитонов. А Харитонов — то, что ему говорили в Москве. Цепочка. Машина. Каждый винтик крутится, и никто не виноват. Потому что приказ.

Зимин откинулся на стуле. Закрыл глаза. На секунду. На две.

Потом открыл. Посмотрел на часы. 13:02. Четырнадцатое ноября.

Осталось семьдесят один час пятьдесят восемь минут.

Он достал блокнот. Записал время. Подчеркнул.

И начал работать.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 18

Спор начался за завтраком.

Катя варила макароны — последнюю пачку из шкафа. Газ шёл, вода шла. За окном — серый день, дождь, мёртвый город. На кухне — девять человек, из которых двое детей. И рация на столе, из которой час назад звучал мужской голос: «Школа номер двенадцать. Двенадцать детей. Нам нужна помощь.»

Галина Петровна — мать Максима — сидела в углу кухни на табуретке, прямая, молчаливая. Халат, тапочки, седой пучок. На коленях — рыжий кот, толстый и наглый, единственное существо в квартире, которого происходящее не касалось. Спал, свесив лапу. Галина Петровна гладила его по спине — медленно, механически. Не для кота — для себя.

Алексей не видел её вчера. Когда они пришли — её не было ни в комнате, ни на кухне. Только сейчас заметил — и посмотрел на Максима.

— Мать, — тихо сказал Максим, перехватив взгляд. — Вчера не выходила. Заперлась в дальней комнате с котом и не открывала. Всю ночь. Сегодня утром вышла. Молча села и сидит. — Он помолчал. — Она так. Не трогайте её.

Галина Петровна не повернулась. Гладила кота. Смотрела в стену.

— Нет, — сказал Максим.

Он стоял у стены, скрестив руки. Спокойный. Категоричный.

— Мы не пойдём.

— Там дети, — сказал Антон.

— Здесь тоже дети. — Максим кивнул в сторону комнаты, где Вика и Артём доедали макароны. — Мои дети. И я не собираюсь рисковать ими ради чужих.

— Два километра, Макс. Два километра — и двенадцать детей.

— Два километра через спальный район, где на каждом углу эти твари. Нас девять, из которых двое детей и моя мать с больными коленями. Оружие — два пистолета, топорик и кухонный нож. Сколько патронов?

— Девять у меня, — сказал Антон. — У тебя?

— Семь.

— Шестнадцать патронов на всех.

— Шестнадцать патронов. На двухкилометровый маршрут. С зомби по дороге. Чтобы привести ещё двенадцать детей, которых потом нужно кормить, поить, охранять и тащить через город к периметру. — Максим покачал головой. — Математика не сходится.

— Это не математика, — тихо сказал Антон. — Это дети.

— Именно. Дети, — Максим понизил голос, чтобы из комнаты не слышали. — Мои дети. Вика и Артём. Я за них отвечаю. За них — а не за весь город. Если я погибну по дороге к школе — кто останется с ними? Катя? Одна?

Тишина. Катя стояла у плиты. Не поворачивалась. Рука на ручке кастрюли — белые костяшки.

Алексей сидел на подоконнике. Молчал. Слушал. Думал о том, что Максим прав. Математика не сходится. Шестнадцать патронов, два километра, куча зомби. И ещё двенадцать ртов, двенадцать пар маленьких ног, которые не могут бежать быстро.

Но потом думал о Димке — подростке в магазине «Берёзка», который сидел на полу и играл в телефон. О семье, которая осталась. «Помощь придёт.» И о том, что помощь не придёт.

Сергей сидел за столом, крутил ручку настройки рации. Молчал. Слушал и спор, и эфир одновременно.

— Я пойду, — сказал Антон. — Один, если нужно. Не могу не пойти. Не смогу с этим жить.

— Красиво, — сказал Максим. — Героически. И тупо. Один — с девятью патронами — ты не дойдёшь.

— Я пойду с ним, — сказала Лена.

Все повернулись. Она стояла в дверях кухни. Куртка Алексея на плечах — уже привычно, как своя. Лицо — бледное, спокойное. Голос ровный.

— Там могут быть раненые. Нужна медсестра.

— Лена... — начал Максим.

— Я не спрашиваю разрешения, — перебила она. — Я говорю, что иду.

Максим посмотрел на неё. Потом на Антона. Потом — на Алексея.

— А ты?

Алексей молчал. Смотрел на Лену. На её руки — маленькие, с обкусанными ногтями, покрасневшие от холода. Руки, которые недавно перевязывали чужие раны, а позавчера дрожали в служебной комнате морга.

Она встала рядом с Антоном. Не с ним.

И это почему-то решило.

— Иду, — сказал Алексей.

Максим выдохнул. Потёр лицо.

— Трое идиотов.

— Четверо, — сказал Сергей.

Все посмотрели на него. Он выключил рацию. Встал. Потянулся — хрустнули плечи, шея.

— Четверо. Я с вами. Дорогу знаю, район знаю. И меня сложнее убить, чем вас троих.

— Серёга, ты...

— Макс, — Сергей посмотрел на него спокойно. — Ты остаёшься с семьёй. Охраняешь. Это твоя работа. А моя — довести этих до школы и обратно. Каждый делает то, что умеет.

Максим молчал. Долго. Потом кивнул.

— Рацию возьмите. Полицейскую. Мою оставьте — буду слушать эфир. Связь каждые двадцать минут.

— Принял, — сказал Антон.

— Если через четыре часа не вернётесь — я не иду за вами. Понятно? У меня дети.

— Понятно.

Максим развернулся и ушёл в комнату. К Вике и Артёму. Дверь закрыл. Не хлопнул — закрыл. Тихо, аккуратно.

Катя осталась у плиты. Смотрела в кастрюлю, в которой не осталось ничего. Потом повернулась.

— Вернитесь, — сказала она. Не им всем — Антону. Смотрела на него. — Пожалуйста.

Антон кивнул. Ничего не обещал. Умный — не обещать того, что не можешь гарантировать.

Вышли в десять утра.

Четверо. Антон — впереди, пистолет, рация. Сергей — рядом, в руках — монтировка, нашёл в кладовке. Тяжёлая, полуметровая, с загнутым концом. В правильных руках — оружие. В руках Сергея —

определённо в правильных. Лена — за ними, нож в кармане, рюкзак на спине. Пустой — под медикаменты, если найдут. Алексей — замыкающий. Топорик за поясом.

«Нива» стояла во дворе — целая, не тронутая. Бензин — почти на нуле. Они проехали на ней вчера и высосали последнее. Идти пешком.

Два километра. Сергей прикинул маршрут: Ворошилова до Советской, Советская до Октябрьской. По прямой — быстрее, но прямая шла через проспект Ленина — широкий, открытый, там зомби будут видны, но и они будут видны зомби. Лучше дворами.

Ворошилова. Утро — серое, как всегда. Дождь перестал, но небо давило. Низкое, свинцовое, без единого просвета. Воздух пах дымом — пожары в центре не утихали. И ещё — чем-то сладковатым. Гниение. Второй день. Тела на улицах начинали разлагаться — те, которые не встали. Потому что были и такие. Не все мёртвые вставали. Почему одни — да, а другие — нет, никто не знал.

Первые сто метров — пусто. Двор, гаражи, детская площадка. Тишина. Потом — Сергей поднял руку. Стоп.

Впереди, у выхода из двора на Советскую — трое. Зомби. Стояли кружком, как вчерашние на остановке. Но эти не стояли — ели.

На асфальте лежало тело. Женщина — молодая, в джинсах и куртке. Лицо — нетронутое, глаза открыты, смотрели в небо. Красивая была. Наверное. До того, как ей вскрыли живот.

Трое мертвецов стояли на коленях вокруг неё. Один — мужик в рабочей робе, рукава закатаны, руки по локоть в красном. Запустил обе руки в брюшную полость и тянул — медленно, монотонно, как рыбак тянет сеть. Кишки выходили петлями, мокрые, сизые, парящие на холодном воздухе. Мужик подносил их ко рту, откусывал. Жевал. Медленно, без удовольствия, без выражения.

Второй — женщина в домашнем халате, седая, босая. Грызла ногу — бедро, откуда был вырван кусок мышцы размером с кулак. Обнажённая кость белела в красном мясе. Женщина кусала и тянула, как собака рвёт тряпку. Голова моталась из стороны в сторону.

Третий — парень, лет двадцать. Спортивный костюм, кроссовки. Одна половина лица — нормальная. Вторая — содрана, от виска до подбородка: мышцы, зубы через щёку, глазница без века. Кто-то его погрыз, но он всё равно встал. Сидел и ел руку мёртвой женщины — откусывал пальцы, один за другим, хрустел. Как семечки.

Лена отвернулась. Закрыла рот рукой. Не вырвало — удержалась. Но лицо стало зелёным.

— Обходим, — прошептал Сергей. — Через подъезд. Тихо.

Они зашли в ближайший подъезд. Дверь — открыта, домофон не работает. Внутри — темно, пахло сыростью и чем-то ещё. Сладким. Тяжёлым. Кто-то умер здесь, в одной из квартир. Может, за закрытой дверью на первом этаже, из-под которой выползал бурый след.

Через подъезд — во второй двор. Оттуда — на Советскую. Чистый проход, ни одного мертвеца. Повезло.

Советская — длинная, прямая. Пятиэтажки слева, частный сектор справа. Тише, чем Ворошилова — район старый, плотность населения ниже. Меньше людей жило — меньше умерло — меньше встало.

Шли быстро. Не бежали — бег привлекает внимание. Быстрый шаг, тихий. Сергей впереди, как разведчик. Останавливался, слушал, махал — вперёд. Антон — за ним, пистолет наготове, но не поднят. В другой руке — рация, включённая на приём.

Алексей шёл рядом с Леной. Молча. После той сцены во дворе она не произнесла ни слова. Шла, смотрела под ноги. Руки в карманах.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально.

Не нормально. Но какой смысл говорить правду.

Советская, дом четырнадцать. Магазин «Хозтовары». Витрина разбита. Внутри — перевёрнутые стеллажи, рассыпанные гвозди, банки с краской на полу. Кто-то побывал. Забрали, судя по пустым полкам, всё полезное: верёвки, ножи, фонари, батарейки. Остались гвозди и краска.

— Мародёры, — тихо сказал Сергей. — Не зомби — зомби витрины не бьют. Живые. И организованные — забрали конкретные вещи.

Алексей посмотрел на магазин. Разбитое стекло, пустые полки. Первый день — аптеки и продуктовые. Второй день — хозтовары. Ножи, фонари, верёвки. Люди готовились. Не к спасению — к жизни без спасения.

— Идём, — сказал Антон. — Не задерживаемся.

Советская, дом двадцать два. Перекрёсток с Гагарина. Антон замедлил шаг. Посмотрел налево — вдоль Гагарина, туда, где дом

двадцать шесть. Третий подъезд. Пятый этаж. Женский голос в рации, который он не спас.

Он стоял секунду. Две. Потом пошёл дальше. Не посмотрел ещё раз. Не нужно. Он и так запомнил.

Советская, дом тридцать. Проблема.

Впереди — толпа. Не три, не пять — штук двадцать. Зомби стояли на перекрёстке Советской и Пролетарской. Плотно, как очередь в советском магазине. Стояли и... ничего. Просто стояли. Некоторые покачивались. Некоторые бродили по кругу — шаг, другой, разворот, обратно. Бессмысленно. Как рыбы в аквариуме.

— Не пройдём, — прошептала Лена.

— Пройдём, — сказал Сергей. — Дворами. Как раньше.

— Там тупик, — сказал Антон. — Я знаю этот район. За тридцатым домом — стена гаражей. Проезда нет.

— Через гаражи?

— Крыши низкие. Можно перелезть. Но если кто-то оступится...

Сергей подумал. Посмотрел на толпу. На гаражи. На Лену.

— Отвлечём, — сказал он. — Звук.

Он огляделся. Поднял с земли кусок кирпича. Прикинул в руке.

— Когда брошу — они пойдут на звук. Мы — в другую сторону. Через двор тридцатого — в арку — на Пролетарскую за перекрёстком. Десять секунд. Не больше. Готовы?

Кивки.

Сергей размахнулся и бросил кирпич — далеко, через перекрёсток, в витрину магазина на углу. Стекло разлетелось с грохотом — звон, треск, осколки.

Зомби повернулись. Все двадцать — разом, как по команде. Головы развернулись на звук. Секунда — и они пошли. Медленно, но целенаправленно. К витрине. К звуку.

— Бегом, — прошептал Сергей.

Они побежали. Через двор — мимо мусорных баков, мимо лавочек, мимо сушилки с застывшим на ветру бельём. В арку. На Пролетарскую.

Перекрёсток — за спиной. Зомби — там, у разбитой витрины. Пялились на осколки, тыкались лицами в раму. Не понимали. Не могли понять.

— Работает, — выдохнул Антон.

— Ненадолго, — сказал Сергей. — Минут пять, потом забудут и разбредутся. Не стоим.

Пролетарская. Тихая улица — частные дома, заборы, ворота. Собак по-прежнему не слышно. Нигде. Ни одной за два дня. Алексей старался не думать почему.

Один дом — ворота открыты. Во дворе — мужик. Мёртвый. Лежал ничком у крыльца, в луже почерневшей крови. Спина — разорвана от лопаток до поясницы. Позвоночник — наружу, белые кости между обрывками мяса. Рёбра торчали, как пальцы из кулака. Кто-то жрал его долго — обстоятельно, не торопясь. И бросил, не доев.

Запах. Сладкий, тошнотворный, густой. Мухи — несмотря на ноябрь, на холод — мухи были. Чёрные, крупные, жужжали над телом, садились на мясо.

Алексей прошёл мимо. Не остановился. Не отвернулся. Привыкал.

Октябрьская — через двести метров. Школа — ещё через триста. Почти пришли.

Антон остановился. Достал рацию.

— Макс, приём. Мы на Пролетарской, подходим к Октябрьской. Пока чисто.

Шипение. Потом голос Максима — далёкий, с помехами.

— Принял. Аккуратнее. По эфиру слышал обрывок — кто-то на Октябрьской стрелял час назад. Не военные — гражданское оружие. Может, выжившие. Может, нет.

— Понял. Конец связи.

Антон убрал рацию. Посмотрел на остальных.

— Стреляли час назад. На Октябрьской. Может быть выжившие с оружием. Осторожнее.

Сергей кивнул. Перехватил монтировку поудобнее.

Они свернули на Октябрьскую. Широкая улица — школы, детские сады, поликлиника. Спальный район, выстроенный для семей. Горки, песочницы, скамейки у подъездов. Всё — пустое, мокрое, серое.

Школа номер двенадцать — впереди. Трёхэтажное здание из жёлтого кирпича, за забором с металлическими прутьями. Ворота — закрыты. На территории — пусто. Ни зомби, ни людей.

Окна первого этажа — заколочены. Доски, парты, стулья — чем попало, изнутри. На втором этаже, в правом крыле — свет. Тусклый, дрожащий. Свечи.

И на заборе — надпись. Белой краской, от руки, кривыми буквами:

ЖИВЫЕ. НЕ СТРЕЛЯЙТЕ.

Антон подошёл к воротам. Встал так, чтобы его было видно из окон. Поднял руки. Медленно.

— Школа двенадцать! — крикнул он. — Мы слышали ваш сигнал! Мы пришли помочь!

Тишина. Секунда. Пять. Десять.

Потом — скрип. Окно второго этажа открылось. Высунулась голова — мужская, коротко стриженная, лет тридцать пять. Лицо — усталое, небритое, настороженное.

— Сколько вас? — голос хриплый.

— Четверо.

— Оружие?

— Пистолет. Монтировка. Топор.

Мужик смотрел на них. Оценивал. Потом повернулся — сказал что-то кому-то внутри. Повернулся обратно.

— Ворота обойдите. Справа, за углом — калитка. Откроем.

Они обошли забор. Калитка — маленькая, железная, ржавая. Щёлкнул засов. Дверь открылась.

На пороге стоял мужик из окна. Широкоплечий, крепкий. Спортивные штаны, футболка, кроссовки. На шее — свисток на шнурке. Учитель физкультуры. Игорь.

В руке — бейсбольная бита. Алюминиевая, с вмятинами. С бурыми пятнами.

— Заходите, — сказал он. — Быстро. И тихо. Дети спят.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 19

Школа пахла мелом, потом и страхом.

Игорь провёл их через калитку, вдоль стены здания, к боковому входу — пожарному, железная дверь, открытая изнутри. Ступеньки вниз, коридор, снова ступеньки вверх — на второй этаж. Маршрут отработанный, привычный. Игорь шёл быстро, не оглядываясь. Бита — на плече. Свисток покачивался на шее.

Коридор второго этажа. Линолеум, стены в бежевой краске, стенды — «Расписание уроков», «Наши достижения», «Пожарная безопасность». На одном стенде — детские рисунки. Солнце, домик, мама с папой. Красный цветок. Синее небо. Рисунки из другого мира. Из того, который кончился два дня назад.

Окна — заколочены. Парты, стулья, доски. Света мало — только свечи и один фонарик, подвешенный к потолку на скотче. Тени прыгали по стенам.

Спортзал — в конце коридора. Двойные двери, обитые дерматином. Игорь толкнул их.

Зал. Большой — метров двадцать на пятнадцать. Баскетбольные кольца, шведская стенка, канат. На полу — маты, одеяла, спальные мешки. Импровизированный лагерь.

Двенадцать детей.

Алексей остановился в дверях. Стоял и смотрел.

Они сидели группами — по двое, по трое. Маленькие, в куртках и свитерах, под одеялами. Некоторые спали — скрючившись на матах, головы на рюкзаках. Некоторые — сидели, смотрели в пустоту. Одна девочка — лет шесть, в розовой куртке — раскачивалась, обхватив колени. Вперёд-назад, вперёд-назад. Монотонно, как маятник.

Мальчишки постарше — двое, лет двенадцать-тринадцать — сидели у стены. Один ковырял кроссовку. Другой рисовал что-то на полу мелом. Молча.

Рядом с ними — девочка-подросток, лет четырнадцать. Длинные тёмные волосы, серьёзное лицо. Держала на коленях малыша — лет пяти, мальчик. Он спал. Она гладила его по голове. Не его мать, не его

сестра — просто взрослая девочка, которая взяла на себя чужого ребёнка, потому что больше некому.

И в углу — мальчик.

Лет семь или восемь. Худой, темноволосый, в грязной куртке не по размеру — великоватая, рукава подвёрнуты. Сидел на полу, прижавшись спиной к шведской стенке. Не шевелился. Не смотрел ни на кого. Глаза — открытые, но пустые. Как выключенный телевизор.

Рядом с ним — собака.

Дворняга. Средняя, рыжая, лохматая. Уши — одно стоит, другое висит. Морда — добрая, глупая, с тёмными пятнами вокруг глаз. Лежала, вытянув передние лапы, голова — на коленях мальчика. Не спала. Смотрела по сторонам — настороженно, внимательно. Когда Алексей вошёл, подняла голову. Посмотрела. Принюхалась. Не зарычала — но и хвостом не вильнула. Оценивала.

Мальчик не отреагировал. Рука — на загривке собаки. Пальцы вцепились в шерсть. Держал. Не отпускал.

— Ваня, — тихо сказал Игорь, перехватив взгляд Алексея. — И Кнопка. Его собака.

— Родители?

Игорь покачал головой.

— Прибежал ночью. Один. С собакой. Дверь в школу была открыта — я не успел заколотить, они забежали. Мокрый, босиком, в одной куртке. Я спросил — где мама, папа. Он не ответил. С тех пор — ни слова. Двое суток.

Алексей посмотрел на Ваню. Мальчик смотрел в стену. Кнопка лизнула ему руку. Он не заметил.

— Собака его не бросает, — сказал Игорь. — Ни на шаг. Спит рядом, ест рядом. Когда я попытался увести его в туалет — Кнопка пошла следом. Встала у двери и ждала. Он вышел — она легла ему на ноги.

— Без собаки... — начал Алексей.

— Без собаки его нет, — закончил Игорь. — Я пробовал. Хотел накормить Кнопку отдельно — в другой комнате. Ваня встал и пошёл за ней. Первый раз пошёл куда-то сам. Так что — где собака, там и он.

Лена подошла. Присела на корточки. Медленно — чтобы не испугать. Кнопка подняла голову, посмотрела. Обнюхала протянутую

руку. Лизнула. Хвост — один раз, слабо. Лена улыбнулась — первый раз за два дня. Маленькая улыбка, на секунду.

Ваня не посмотрел. Но пальцы на загривке Кнопки расслабились. Чуть-чуть.

Игорь рассказывал.

Они сидели в подсобке рядом со спортзалом — бывший тренерский кабинет. Стол, два стула, шкаф со спортивным инвентарём. На стене — расписание секций: «Волейбол — вт, чт. Баскетбол — пн, ср, пт. Борьба — сб.» Другая жизнь.

Игорь Дмитриевич Волков. Тридцать пять лет. Учитель физкультуры. Разведён, бывшая жена с дочкой в Краснодаре. Живёт один, в квартире через дорогу от школы. Спортсмен — КМС по борьбе, когда-то давно. Сейчас — просто крепкий мужик, который по вечерам бегает и два раза в неделю ходит в зал.

Ночью проснулся от крика. Выглянул в окно — увидел. Понял не сразу. Потом понял. Оделся, взял биту — она стояла у двери, от дворовых матчей. Вышел. Побежал не от школы — к школе. Не знал зачем. Может, потому что здание крепкое. Может, потому что привычка — школа, значит безопасно.

Подбежал — двери открыты. Внутри — уже люди. Семьи из соседних домов, которые бежали куда глаза глядят. Женщина с двумя детьми. Старик. Подросток с младшим братом. Ваня с Кнопкой. Ещё люди — всего человек двадцать, может двадцать пять. Игорь заколотил двери. Первый этаж — окна забили партами, чем попало. Перевёл всех на второй — спортзал.

— К утру часть ушла, — сказал Игорь. — Мужики. Четверо. Сказали — пойдём искать семьи, вернёмся. Не вернулись. Одна женщина — забрала своих детей и ушла, сказала, что до машины рукой подать. Не вернулась. Старик — умер к обеду. Сердце. Мы отнесли его в кабинет на первом этаже, заперли дверь. На всякий случай. — Он замолчал. — Через три часа из-за двери послышался стук.

Антон кивнул. Знал.

— Остальные родители? — спросил он.

— Пятеро детей — с родителями. Были. К вечеру первого дня осталось двое взрослых. Мать Ксюши — она здесь, в классе напротив.

Лежит. Лена, посмотри её потом — температура, кашель. И Тамара Андреевна.

— Кто это?

— Библиотекарь. Живёт в доме напротив. Прибежала ночью. Шестьдесят лет, очки, тихий голос. Выглядит как учительница литературы. — Игорь усмехнулся, одним углом рта. — Она... другая.

— В смысле?

— Увидите.

Он встал. Повёл их в класс напротив спортзала — кабинет биологии. На стенах — плакаты: «Строение клетки», «Скелет человека», «Кровеносная система». Скелет в углу — пластиковый, учебный. Ирония.

За учительским столом сидела женщина. Шестьдесят лет. Невысокая, худая. Седые волосы, короткая стрижка. Очки — круглые, в тонкой оправе. Лицо — спокойное, ровное. Не испуганное, не растерянное. Спокойное. Как будто она на педсовете, а не в забаррикадированной школе посреди зомби-апокалипсиса.

Перед ней — тетрадь. Исписанная мелким аккуратным почерком. Списки. Имена детей, возраст, группа крови (у кого знала), аллергии, хронические заболевания. На соседней странице — запасы: вода (три бутылки по полтора литра), еда (пачка печенья, два яблока, банка тушёнки из учительской), медикаменты (пластырь, йод, таблетки от головной боли из сумочки). На третьей странице — график дежурств. Кто когда следит за окнами, кто за дверью, кто за малышами.

Тамара Андреевна подняла голову. Посмотрела на них поверх очков. Взгляд — как рентген. Оценила за три секунды.

— Четверо, — сказала она. — Один — полицейский. Один — военный. Один — медик. Один... — она посмотрела на Алексея, — ...непонятно кто. Но руки крепкие. Хорошо. Садитесь.

Не «здравствуйте». Не «слава Богу». Не «мы спасены». Садитесь. Как на уроке.

Антон невольно сел. Потом поймал себя — и чуть не рассмеялся. Тридцать лет педагогического стажа. Этот голос — тихий, ровный, без повышения — заставлял подчиняться автоматически.

— Тамара Андреевна, — сказала она, протягивая руку. По очереди — Антону, Сергею, Лене, Алексею. Рукопожатие — сухое, крепкое.

— Какая обстановка снаружи? — спросила она. Не «что происходит» — «какая обстановка». Конкретно, по делу.

Антон доложил. Коротко: город мёртв, полиция уничтожена, военные на периметре, город закрыт. Семьдесят два часа. Протокол «Рубеж» — не стал говорить при ней. Не нужно. Пока не нужно.

Тамара Андреевна слушала. Записывала. Не перебивала.

— Значит, помощи не будет, — сказала она, когда он закончил. Не вопрос. Констатация.

— Нет.

— Хорошо. — Она сняла очки, протёрла полой кофты. Надела обратно. — Тогда нужно уходить. Здесь мы не продержимся. Воды на полдня. Еды — меньше. Первый этаж — ненадёжный. Если они выбьют двери в нескольких местах одновременно...

— Мы можем отвести вас к нашей группе, — сказал Антон. — Два километра. Девятиэтажка, восьмой этаж. Там укреплённая квартира. Еда, вода, связь.

— Сколько всего?

— С вами будет... — Антон считал. — Двадцать пять, примерно. Тесно, но безопаснее.

Тамара Андреевна посмотрела на тетрадь. На списки имён.

— Двенадцать детей. Самому младшему — пять лет. Двое — напуганы до немоты. Одна девочка — в истерике каждые два часа. Мальчик Ваня — не говорит, не ест, реагирует только на собаку. Два километра по городу, где на улицах — эти. — Она подняла глаза. — Реально?

— Мы дошли, — сказал Сергей. — Дворами, тихо. Они реагируют на звук. Если дети не будут кричать и бежать...

— Дети не будут кричать и бежать, — сказала Тамара Андреевна. Тихо. Уверенно. Как будто это не двенадцать перепуганных детей, а школьная экскурсия в музей. — Я этим займусь.

Сергей посмотрел на неё. Потом — на Антона. Поднял бровь.

— Тамара Андреевна тридцать лет водила классы в походы, — сказал Игорь из-за спины. — В том числе — через тайгу. Двенадцатилетних. С рюкзаками. По медвежьим тропам.

— Медведи — проще, — сказала Тамара Андреевна. — Медведи боятся шума. Эти — наоборот. Значит, наоборот и будем. Тихий поход. Игра в молчанку. Дети любят игры.

Она встала. Невысокая — Алексею по плечо. Худая, сухая, в вязаной кофте и юбке. Тапочки — домашние, войлочные. Прибежала из дома в тапочках. Двое суток в тапочках. Ни разу не пожаловалась.

— Когда выходим? — спросила она.

— Через час, — сказал Антон. — Нужно подготовиться. Маршрут, порядок движения. Осмотреть выход.

— Хорошо. Час. — Тамара Андреевна повернулась к двери. — Я подготовлю детей.

И вышла. Тихо, ровно, не оборачиваясь. Спина прямая. Тапочки шаркали по линолеуму.

Алексей смотрел ей вслед. Потом посмотрел на Антона. Антон — на Сергея. Сергей — на потолок.

— Ну, — сказал Сергей. — Хоть кто-то в этом городе не потерял голову.

Лена осматривала больных.

Мать Ксюши — Ольга, тридцать два года. Лежала в кабинете русского языка, на составленных вместе партах. Температура — высокая, лоб горячий. Кашель — глубокий, мокрый. Бледная, потная. Ксюша — дочь, семь лет — сидела рядом, держала за руку.

— Когда началось? — спросила Лена.

— Вчера к вечеру, — ответил Игорь. — Сначала кашель, потом температура. Ночью — бред.

Лена осмотрела. Горло красное, лимфоузлы увеличены. Не укус — обычная инфекция. Простуда или пневмония. Бежала ночью под дождём, промокла, замёрзла. Ослабленный организм, стресс, холод. Классика.

— Нужны антибиотики, — сказала Лена. — Жаропонижающее. У вас нет?

— Таблетки от головной боли. Всё.

— Плохо. Ей нужны лекарства. Скоро.

— Аптека на Советской, — сказал Игорь. — Два квартала. Может, ещё не разграбили.

Лена посмотрела на Антона. Тот кивнул.

— На обратном пути. Заглянем.

Пока Тамара Андреевна собирала детей, Алексей сидел в спортзале. На скамейке, у стены. Смотрел.

Тамара Андреевна работала. Именно так — работала. Не уговаривала, не сюсюкала, не обещала, что всё будет хорошо. Говорила тихо, ровно, конкретно.

— Мы пойдём на прогулку. Тихую прогулку. Правила: не разговариваем, не кричим, не бежим. Идём парами, держимся за руки. Кто нарушит правило — тому потом мыть полы. — Маленькая улыбка. Дети — некоторые — улыбнулись в ответ. Первые улыбки за двое суток. — Старшие — отвечают за младших. Даша, ты с Костей. Миша, ты с Аней. Кто ведёт Матвея?

— Я, — сказала девочка-подросток с тёмными волосами. Та, что держала малыша на коленях. — Я его поведу.

— Хорошо, Настя. Спасибо.

Тамара Андреевна обошла каждого. Проверила обувь — у двоих были тапочки, нашла кроссовки в раздевалке, подходящие по размеру. Проверила куртки — застёгнуты, капюшоны, перчатки у кого есть. Раздала из шкафа спортивные штаны — кому было холодно, надели поверх своих.

Ваня сидел в углу. Кнопка — рядом. Тамара Андреевна подошла к нему последней. Присела. Не трогала — присела рядом, на расстоянии. Кнопка подняла голову, посмотрела. Хвост — один раз.

— Ваня, — тихо сказала Тамара Андреевна. — Мы пойдём. И Кнопка пойдёт с нами. Она будет рядом. Всю дорогу. Хорошо?

Ваня не ответил. Не посмотрел. Но пальцы на загривке Кнопки сжались сильнее. Он слышал.

— Кнопка — умная, — сказала Тамара Андреевна. — Она знает, что делать.

Кнопка, будто поняв, лизнула Ване руку. Он моргнул.

Тамара Андреевна встала. Кивнула Игорю. Готовы.

Игорь вызвался идти впереди.

— Я знаю район. Каждый двор, каждый забор. Дорога от школы до Ворошилова — я бегаю этим маршрутом каждое утро. Бегал.

— Хорошо, — сказал Антон. — Ты и Сергей — впереди. Я — в середине, с детьми. Алексей — замыкающий. Лена — рядом с ранеными и малышами.

— Ольга не дойдёт, — сказала Лена. — Температура под тридцать девять. Еле стоит.

— Поведём, — сказал Игорь. — Я поведу. Если надо — понесу.

— Порядок движения, — сказал Сергей. Развернул на полу лист бумаги — вырвал из тетради Тамары Андреевны, нарисовал схему. — Колонна. Игорь и я — голова. Дистанция двадцать метров. Проверяем маршрут, даём сигнал. Антон — центр, с основной группой. Лена — при больных и малышах. Алексей — хвост. Между головой и хвостом — не больше пятидесяти метров. Растянемся — потеряемся. Правило: если голова останавливается — все останавливаются. Если голова бежит — все бежат. Если голова говорит «назад» — все назад. Без обсуждений. Ясно?

Кивки.

— Сигналы: рука вверх — стоп. Махнул вперёд — идём. Два раза хлопнул — опасность, прижаться к стене. Три раза — бежим. Голосом — только в крайнем случае.

Антон вызвал Максима по рации.

— Макс, приём. Мы в школе. Двенадцать детей, двое взрослых. Выдвигаемся обратно через тридцать минут. По дороге зайдём в аптеку — нужны лекарства, у нас больная.

Шипение. Голос Максима:

— Принял. Двенадцать детей. Господи. Аккуратнее. Жду.

Антон убрал рацию. Посмотрел на часы. Одиннадцать тридцать. Полтора часа до темноты... нет, до темноты ещё далеко, ноябрь, темнеет в четыре. Но чем раньше — тем лучше.

— Выходим, — сказал он.

Тамара Андреевна выстроила детей. Пары, как обещала. Старшие с младшими. Настя вела Матвея за руку — малыш хлопал глазами, не понимал, куда идут. Даша и Костя — двенадцатилетние, серьёзные, молчаливые. Миша и Аня — десять лет, Миша шмыгал носом, Аня кусала губу. Девочка в розовой куртке — та, что раскачивалась — шла с другой девочкой, ровесницей, держась за руку мёртвой хваткой. Ксюша не отходила от матери — Игорь вёл Ольгу под руку, Ксюша шла с другой стороны.

Ваня встал последним. Кнопка — рядом, прижалась к его ноге. Он не встал в пару. Не взял никого за руку. Шёл один. С собакой.

Тамара Андреевна посмотрела на него. Не стала настаивать. Кивнула.

— Все помнят правила? — спросила она. Тихо, спокойно. Как перед экскурсией в музей. — Молча. Парами. Не бежим. Не кричим.

Слушаем взрослых. Кто молодец — получит приз.

— Какой приз? — прошептал Костя.

— Увидишь, — сказала Тамара Андреевна.

Она не знала, какой приз. Приза не было. Но дети — даже напуганные, даже сломанные — верят в призы. В то, что впереди что-то хорошее. Это единственное, что у них осталось.

Игорь открыл боковую дверь. Выглянул. Пусто. Двор школы — мокрый асфальт, забор, калитка.

— Чисто, — сказал он.

Сергей шагнул первым. Монтировка в руке. За ним — Игорь, с битой и Ольгой на плече.

Антон повернулся к детям. К двадцати четырём глазам, которые смотрели на него. Испуганным, большим, доверчивым.

— Идём, — сказал он. — Тихо. Как мышки.

Они вышли из школы. Двенадцать детей, учитель физкультуры с битой, библиотекарь в тапочках, полицейский с девятью патронами, бывший военный с монтировкой, медсестра с ножом, санитар с топориком, больная женщина, семилетняя девочка, мальчик, который не говорит, и рыжая дворняга по кличке Кнопка.

Два километра. Через мёртвый город. Домой.

Кнопка шла рядом с Ваней. Не на поводке — просто рядом. Бок о бок. Иногда забегала вперёд — обнюхивала угол, лужу, мусорный бак. Возвращалась. Тыкалась носом в руку мальчика. Шла дальше.

Хвост не вилял. Уши — прижаты. Она чувствовала. Не понимала что — но чувствовала. Что мир изменился. Что опасность — везде. Что её мальчик — единственное, что имеет значение.

Они шли.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 20

Первые пятьсот метров прошли в тишине.

Тамара Андреевна шла в центре колонны, среди детей. Не командовала — просто шла. И этого хватало. Дети смотрели на неё, на её прямую спину, на её спокойное лицо — и молчали. Если кто-то начинал шмыгать носом или шаркать слишком громко, она оборачивалась. Не строго — просто оборачивалась. Взгляд поверх очков. И ребёнок замолкал. Тридцать лет педагогического стажа — это оружие пострашнее пистолета.

Кнопка работала лучше любого дозорного. Бежала впереди Вани на три-четыре метра, обнюхивала углы, замирала, поводила ушами. Если чуяла что-то — останавливалась и прижимала уши. Сергей быстро понял и стал следить за ней. Собака чувствовала мертвецов раньше, чем люди видели.

Октябрьская — назад, к Пролетарской. Тот же маршрут, только в обратном направлении. Сергей вёл колонну дворами, как и по дороге сюда. Арки, подъезды, проходные дворы. Дети шли парами, держась за руки. Маленький Матвей начал хныкать — Настя подняла его на руки. Четырнадцать лет, худенькая — но несла. Молча, стиснув зубы.

Пролетарская. Тот дом с открытыми воротами — тело мужика во дворе, разорванное, обглоданное. Сергей посмотрел, повернулся к колонне.

— Не смотрите направо, — тихо сказала Тамара Андреевна детям. — Смотрите на спину человека перед вами. Только на спину.

Дети послушались. Почти все. Костя — двенадцатилетний — посмотрел. Побледнел. Отвернулся. Рот — закрытый, стиснутый. Не закричал. Двенадцать лет — уже достаточно, чтобы понять: кричать нельзя.

Советская. Перекрёсток с Пролетарской — тот, где утром была толпа зомби. Сергей выглянул из-за угла. Толпа рассосалась — осталось штук пять, бродили по перекрёстку. Разбрелись. Но пятеро — это пятеро.

Он поднял руку. Стоп. Колонна замерла. Двенадцать детей, четверо взрослых — замерли, как по команде. Тамара Андреевна

положила руку на плечо девочке в розовой куртке — та начала раскачиваться. Остановилась.

Сергей посмотрел. Двор справа — проходной? Нет, тупик, гаражи. Двор слева — арка, но за ней не видно. Рискованно с детьми.

Кнопка стояла впереди. Уши прижаты. Смотрела на перекрёсток. Не рычала — молчала. Умная. Понимала.

— Ждём, — прошептал Сергей. — Пусть разбредутся дальше.

Ждали. Три минуты. Пять. Дети стояли у стены пятиэтажки, прижавшись друг к другу. Матвей на руках Насти — заснул. Хорошо. Спящий ребёнок не кричит.

Один зомби ушёл вглубь Советской. Второй завернул за угол. Осталось трое. Далеко — метров пятьдесят. Если тихо — пройдут.

Сергей махнул. Вперёд.

Они перешли перекрёсток. Быстро, пригнувшись, вдоль стены. Дети — как тени. Маленькие, бесшумные тени в куртках и кроссовках. Тамара Андреевна шла последней из детской группы — считала головы. Раз, два, три... двенадцать. Все.

Алексей замыкал. Шёл спиной вперёд, смотрел назад. Трое зомби на перекрёстке — не повернулись. Не заметили. Прошли.

Советская, дом восемнадцать. Аптека.

Небольшая — между жилым домом и магазином штор. Вывеска — зелёный крест, не горит. Витрина — целая. Дверь — закрыта. Рольставня — опущена наполовину. Из-под неё — темнота.

— Стоп, — сказал Антон. — Аптека. Нужны лекарства для Ольги.

Колонну остановили во дворе соседнего дома — за углом, не видно с улицы. Тамара Андреевна, Игорь с Ольгой и дети — там. Охрана — Игорь с битой.

В аптеку — четверо. Антон, Сергей, Лена, Алексей. Как утром. Как всегда.

Антон подошёл к двери. Потянул — заперто. Сергей обошёл сбоку — окно подсобки, приоткрытое. Кто-то уже лазил.

— Не нравится мне это, — тихо сказал Сергей.

— Лекарства нужны, — сказала Лена. — Без антибиотиков Ольга не дотянет до завтра.

Сергей посмотрел на неё. На окно. На Антона.

— Ладно. Я первый.

Он перелез через подоконник. Тихо, ловко — для пятидесятилетнего мужика с монтировкой в руке. Исчез внутри. Секунда. Пять. Десять.

Голова в окне.

— Чисто. Заходите.

Залезли по одному. Лена — неловко, Алексей подсадил. Внутри — подсобка. Коробки, стеллажи, полки. Пахло лекарствами — сухой, химический запах. И ещё чем-то. Сигаретами. Свежими.

Сергей поднял палец к губам. Слышите?

Из торгового зала — голоса. Тихие, мужские. Несколько.

— Занято, — одними губами сказал Сергей.

Антон достал пистолет. Сергей перехватил монтировку. Алексей — топорик.

Они прошли через подсобку к двери в зал. Приоткрыли.

Торговый зал. Полки — наполовину пустые, наполовину разворочены. На полу — россыпь коробок, блистеры, битое стекло. Фонарь — стоял на прилавке, светил в потолок. В круге света — четверо мужчин.

Организованные. Не паника, не хаос — система. Один — у двери, караулил. Плотный, в камуфляжной куртке, в руках — обрез. Охотничий, обпиленный, перемотанный изолентой. Второй — за прилавком, рылся в ящиках. Доставал упаковки, сортировал. Третий — паковал в спортивные сумки. Две уже набиты. Четвёртый — главный. Стоял в центре, руки в карманах. Высокий, худой, лет сорок. Лицо — острое, хищное. Глаза — быстрые, цепкие. Бритый наголо. На шее — золотая цепь.

Они не выглядели испуганными. Не выглядели потерянными. Выглядели как люди, которые точно знают, что делают. Один день — и они уже освоились. Уже разобрались: еда, лекарства, оружие — новая валюта. Кто контролирует аптеки и магазины — контролирует выживших.

— Уходим, — прошептал Сергей. — Тихо. Сейчас.

— Лекарства, — прошептала Лена. — Мне нужны антибиотики. Амоксициллин, цефтриаксон — что угодно. Жаропонижающее. Бинты. Антисептик.

— Лена, — Сергей покачал головой. — Там обрез. Нас четверо, их четверо, но у них территория.

— Ольга умрёт.

Тишина. Три секунды.

Антон принял решение.

— Я зайду. Поговорю. Может, отдадут часть. Или обменяем.

— На что? — спросил Алексей.

— На информацию. Про военных, про периметр. Они могут не знать.

Антон убрал пистолет в кобуру. Поднял руки. Шагнул в торговый зал.

— Не стреляйте. Свои.

Четверо — разом. Обрез — на Антона. Двое у прилавка отпрыгнули. Главный — не двинулся. Только глаза сузились.

— Стоять, — сказал караульный с обрезом. Голос низкий, спокойный. — Кто такие?

— Полиция, — сказал Антон. — Выжившие. Нас четверо. Нужны лекарства. Антибиотики, жаропонижающее. У нас больная — женщина, пневмония. Умрёт без лекарств.

Главный смотрел на него. Молча. Потом — на кобуру.

— Пушка, — сказал он. — Положи на пол.

— Нет.

— Тогда разговора не будет.

— Будет, — сказал Антон. — Потому что у меня есть то, что вам нужно. Информация. Город оцеплён. Военные на периметре. Стреляют на поражение. Выезда нет. Ни по одной дороге.

Главный не мигнул. Знал? Или не подал вида?

— Дальше, — сказал он.

— У города есть срок. Не знаю точно какой, но слышали по рации — военные обсуждают зачистку. Если не разберутся — сожгут всё. Нужно выбираться. Не по дорогам — через лес, через промзону.

Тишина. Главный переглянулся с караульным. Потом — усмехнулся. Одним углом рта.

— Интересно, — сказал он. — И что ты хочешь?

— Коробку антибиотиков. Жаропонижающее. Бинты. Немного. Вам это — мелочь.

— Мне это — товар, — сказал главный. — Лекарства теперь дороже золота. Через два дня за упаковку парацетамола будут убивать. — Он помолчал. — А может, уже убивают.

Он качнулся на каблуках. Руки — в карманах.

— Ладно. Покажи, что у тебя ещё есть.

— Рация. Полицейская. Рабочая.

— Рация за лекарства? — Главный усмехнулся шире. — Нет. Пушку — да. Рацию — нет.

— Пистолет не отдам.

— Тогда вали.

Антон стоял. Думал. Лекарства — или пистолет. Ольга — или девять патронов. Жизнь одного человека — или возможность защитить двадцать.

— Может, — раздался голос, — тогда обменяем на что-нибудь другое.

Это сказал не главный. Это сказал четвёртый — тот, что паковал сумки. Невысокий, широкий, бычья шея. Стоял и смотрел — не на Антона. За Антона. В подсобку.

На Лену.

Она стояла в дверном проёме. Вышла, когда поняла, что переговоры зашли в тупик. Хотела помочь — сказать, какие именно лекарства нужны, может, показать, где на полках. Стояла в чужом свитере и куртке Алексея, мокрые волосы прилипли к лицу.

Бычья шея смотрел на неё. Открыто. Оценивающе. Сверху вниз.

— О, — сказал он. — А вот это можно обсудить.

Антон шагнул в сторону, перекрывая обзор.

— Не пойдёт.

— Да ладно тебе, — бычья шея обошёл прилавок. Шаг к Лене. Ещё шаг. — Чё ты, красавица? Замёрзла? Иди сюда, погреем.

— Назад, — сказал Антон. Рука — на кобуре.

Главный поднял ладонь. Спокойно, лениво.

— Тихо, тихо. Паша, не гони.

Но Паша уже не слушал. Он смотрел на Лену — и в его глазах было то, что бывает у людей, которые поняли: правил больше нет. Законов нет. Полиции нет. Можно всё.

— Одну ночь, — сказал он. Главному, не Антону. — Одну ночь — и лекарства ваши. Нормальный обмен. Все довольны.

— Ты больной, — сказала Лена. Тихо. Голос не дрожал. — Пошёл на хер.

Паша заржал. Двинулся вперёд — быстро, резко. Схватил Лену за руку, дёрнул к себе. Она вскрикнула — коротко, зло. Попыталась вырваться. Без шансов — он был вдвое тяжелее.

— Антон! — крикнула она.

Антон выхватил пистолет. Направил на Пашу.

— Отпусти. Сейчас.

Караульный поднял обрез. На Антона. Главный — не двигался. Наблюдал. Как зритель в театре.

Паша не отпустил. Прижал Лену спиной к себе, рука обхватила поперёк живота. Вторая — полезла под куртку, под свитер. Лена забилась, ударила его локтем — попала в рёбра. Он крякнул, но не отпустил. Рука двинулась выше. Пальцы — грубые, толстые — сжались на её груди через ткань лифчика. Лена дёрнулась, зашипела от боли.

— Тихо, тихо, — он дышал ей в ухо. Тяжело, влажно. Воняло куревом и гнилыми зубами. — Не дёргайся, лучше будет.

Дёрнул ворот свитера вниз, ткнулся мокрыми губами в шею. Лена зажмурилась. Лицо — белое, стиснутые зубы, пальцы впились в его руку на своём теле.

— Стрельнёшь — каждый дохлый в районе сюда припрётся, — сказал Паша, глядя на Антона через плечо Лены. — А нас четверо. Не успеешь.

Антон стоял. Пистолет — на Пашу. Но Паша прав. Выстрел — звук. Звук — зомби. Зомби — дети во дворе. Нельзя стрелять. Нельзя.

Алексей стоял в трёх метрах.

Он не смотрел на обрез. Не смотрел на главного. Не смотрел на Антона. Смотрел на лицо Лены. На закрытые глаза. На стиснутые зубы. На пальцы, вцепившиеся в чужую руку на своём теле.

Что-то внутри него — щёлкнуло. Тихо. Коротко. Как выключатель.

Не мысль. Не решение. Не расчёт. Просто — щелчок, и всё, что было до этого момента — страх, осторожность, инстинкт самосохранения — выключилось. Осталось одно.

Три шага. Быстро. Бесшумно.

Топорик — вверх.

Топорик — вниз.

Лезвие вошло Паше в основание шеи, между плечом и горлом. Глубоко. С хрустом. Как в мясо на разделочной доске.

Паша не закричал. Рот открылся — но вместо звука вышел хрип. Мокрый, булькающий. Руки отпустили Лену. Он покачнулся. Посмотрел на Алексея — удивлённо, как будто не понял, что произошло. Потом — вниз, на топорик в своей шее. Потом — снова на Алексея. Глаза — живые, человеческие, испуганные.

И упал. Набок, тяжело, как мешок. Топорик остался — торчал из шеи, рукоятка вверх. Кровь — много, сразу, толчками — потекла по линолеуму, заливая рассыпанные блистеры и коробки.

Тишина. Секунда.

Лена отшатнулась к стене. Дышала — часто, рвано. Рука — на горле, там, где были его губы. Свитер — задран, натянут. Глаза — огромные, мокрые, но не плакала.

Алексей стоял над телом. Руки — пустые. Топорик — в шее мёртвого. Смотрел вниз. Паша лежал на полу — рот открыт, глаза стекленеют, кровь расползается тёмной лужей. Ноги ещё дёргались. Рефлекс. Потом — перестали.

Человек. Живой человек. Не зомби. Не мертвец. Человек с именем, с глазами, с жизнью, которая только что кончилась. Потому что Алексей вогнал ему топорик в шею.

Караульный дёрнул обрез — на Алексея. Сергей шагнул из тени подсобки. Монтировка — снизу вверх — выбила обрез из рук. Лязг металла по полу. Сергей перехватил монтировку, упёр в грудь караульного.

— Стоять, — тихо сказал он. — Тихо.

Караульный замер. Глаза — на мёртвого Пашу. На кровь. На Алексея.

Третий — тот, что рылся за прилавком — поднял руки. Без оружия. Без слов. Просто поднял и отступил.

Главный стоял. Руки — в карманах. Не двинулся. Не достал оружие. Смотрел на Алексея. Потом — на тело. Потом — снова на Алексея.

— Серьёзные ребята, — сказал он. Без злости. Без страха. Почти с уважением. — Лекарства — на третьей полке. Берите что нужно и валите.

— Паша... — начал караульный.

— Паша был мудак, — сказал главный. — Мудаков не жалеют.

Лена — руки дрожали, но работали — пошла к полкам. Амоксициллин. Цефтриаксон. Парацетамол. Ибупрофен. Бинты. Антисептик. Перекись водорода. Шприцы. Хватала не глядя — сгребала в рюкзак. Много. Всё, что влезло.

Антон стоял с пистолетом. Контролировал. Сергей — с монтировкой, у караульного.

Алексей наклонился. Взялся за рукоятку топорика. Потянул. Не вышел — застрял в кости. Потянул сильнее, упёрся ногой в плечо мёртвого. Хрустнуло. Топорик вышел. Тёмный, мокрый, тяжёлый.

Он выпрямился. Посмотрел на лезвие. На кровь — красную, живую, человеческую. Не бурую, не чёрную, как у мертвецов. Красную.

Лена застегнула рюкзак. Кивнула. Готово.

Они вышли через подсобку. Через окно. На улицу. Дождь. Серое небо. Мокрый асфальт.

Алексей шёл последним. В руке — топорик. Мокрый. Красный.

Он не вытер его. Не убрал за пояс. Нёс в руке, как нёс бы отравленную вещь. Предмет, который изменил всё. Которым он убил человека.

Лена шла рядом. Молча. Не благодарила. Не плакала. Не смотрела на него.

Потом — посмотрела. На секунду. Коротко. И снова отвернулась.

Этого хватило.

До Ворошилова оставалось шестьсот метров.

Колонна двинулась. Дети — по-прежнему тихие, парами. Тамара Андреевна — среди них, считает головы. Игорь — ведёт Ольгу, которая еле шла, ноги подкашивались. Ксюша — рядом, держала мать за руку.

Сергей впереди. Антон — в центре. Алексей — замыкающий. Лена — рядом с Ольгой, на ходу вколола ей жаропонижающее — шприц, ампула, быстро, профессионально. Ольга даже не вздрогнула.

Советская. Последний отрезок — прямо, до поворота на Ворошилова. Полкилометра. Дворами уже не получалось — заборы, тупики, стройка. Пришлось идти по улице. Открытое пространство. Некомфортно. Но быстрее.

Зомби. Впереди — штук семь-восемь, разбросаны по тротуару. Далеко — метров сто. Двигались медленно, бесцельно. Не заметили.

— Тихо, — прошептал Сергей. — Прижимаемся к домам. Не останавливаемся.

Колонна пошла вдоль стены. Тени в тенях. Маленькие фигурки в куртках и кроссовках. Тамара Андреевна — рядом, рука на плече девочки в розовой куртке. Та начала раскачиваться — Тамара Андреевна сжала плечо. Остановилась.

Кнопка шла рядом с Ваней. Уши прижаты, хвост между ног. Тихая, напряжённая, как пружина.

Четыреста метров. Триста.

Поворот на Ворошилова — впереди. Перекрёсток. Сергей выглянул — чисто. Махнул. Вперёд.

Колонна повернула. Ворошилова. Трамвайные рельсы, мокрые, блестящие. Девятиэтажки. Дом Максима — третий от угла. Виден. Близко.

Двести метров. Сто пятьдесят.

Подворотня справа. Арка между домами — тёмная, узкая. Колонна проходила мимо.

Кнопка остановилась. Резко. Шерсть на загривке поднялась. Уши — вперёд. Морда — к арке. Не рычала. Стояла и смотрела в темноту.

Ваня остановился — потому что остановилась Кнопка. Держал её за загривок. Стоял.

Алексей увидел. Открыл рот — крикнуть «стой!» — не успел.

Из арки — фигура. Быстро. Не медленно, как обычно — быстро. Женщина. В ночной рубашке, босая. Волосы — спутанные, слипшиеся от крови. Лицо — половины нижней губы нет, зубы обнажены, десна бурая. Руки — вытянуты, пальцы скрючены.

Она шла на Ваню.

Кнопка не раздумывала.

Бросилась. Молча — без лая, без рыка. Оттолкнулась задними лапами и прыгнула. Вцепилась в руку мертвеца — в предплечье, зубами, глубоко. Женщина-зомби покачнулась. Свободной рукой ударила собаку — по рёбрам, тяжело, тупо. Кнопка не отпустила. Тянула, рвала, мотая головой.

Алексей бросился вперёд. Топорик — в руке.

Из арки — второй. Мужик. Огромный, в разорванной майке. Живот вспорот — кишки свисали, волочились по асфальту, он наступал на них и не замечал. Шёл на Ваню. На мальчика, который стоял и не двигался. Не мог двигаться — ноги приросли к асфальту, глаза — огромные, пустые.

Кнопка увидела второго. Отпустила руку первой. Развернулась. Бросилась на мужика — вцепилась в ногу, повалила. Мужик упал на колено. Схватил собаку за бок — обеими руками. Сжал. Кнопка завизжала — короткий, тонкий, режущий звук. Зубы мертвеца впились ей в загривок. Рвали. Рыжая шерсть — красная. Кровь — на асфальте, на ночной рубашке, на собаке.

Кнопка не отступила.

Лежала на боку, зубы — в ноге мертвеца. Второй зомби — женщина — навалилась сверху, рвала собаке бок. Кнопка хрипела, скулила, дёргалась — но не отпускала. Не уходила. Между ними и Ваней — она. Рыжая, лохматая, десять килограмм против двух мертвецов. Без шансов. Но — между ними и её мальчиком.

Алексей добежал. Топорик — в голову женщины. Хруст. Упала. Сергей — рядом, монтировка — в висок мужика. Два удара. Три. Упал.

Тишина.

Кнопка лежала на асфальте. На боку. Бок — разорван, рёбра видны, розовые, мокрые. Загривок — в крови, шерсть — клочьями. Задняя лапа — вывернута, неестественно, страшно. Дышала. Ещё дышала. Быстро, мелко, с хрипом. Язык — наружу, на асфальте. Глаза — открытые, мутнеющие.

Ваня стоял. Смотрел. Не двигался.

Потом — медленно, как во сне — сел на асфальт. Рядом с Кнопкой. Положил руку ей на голову. На мокрую, окровавленную голову. Пальцы — в рыжей шерсти. Осторожно. Нежно. Как гладил каждый день, каждую ночь, всю свою маленькую жизнь.

Кнопка посмотрела на него. Глаза — карие, тёплые, собачьи. Не испуганные. Не больные. Просто — его. Хвост — один раз. Слабо. Еле заметно. Как шёпот. Как последнее «я здесь».

Ваня открыл рот.

— Кнопка, — сказал он.

Первое слово за двое суток. Тихое, хриплое, сломанное. Детское.

— Кнопка.

Собака смотрела на него. Дышала. Хвост больше не двигался. Глаза — ещё секунду. Две.

Потом — закрылись.

Ваня сидел. Рука — на голове собаки. Не убирал. Не плакал. Просто сидел и держал, как держал всё это время — за загривок, за шерсть, за единственное, что у него осталось.

Тамара Андреевна отвернула детей. Тихо, быстро, без слов. Загородила собой. Дети не видели. Не должны были видеть.

Алексей стоял рядом. Топорик — опущен. Смотрел на мальчика и мёртвую собаку. На рыжую шерсть в крови. На маленькую руку на мёртвой голове.

Лена подошла. Присела рядом с Ваней. Не сказала ни слова. Положила руку ему на спину. Он не отодвинулся.

Антон стоял за ними. Смотрел. Челюсть — сжата. Глаза — мокрые. Моргнул. Отвернулся.

— Нужно идти, — тихо сказал Сергей. — Визг мог привлечь других.

Никто не двинулся.

— Нужно идти, — повторил Сергей. Мягче. — Сто метров. Мы почти дома.

Лена наклонилась к Ване.

— Ваня, — тихо. — Нужно идти. Кнопка... Кнопка хотела, чтобы ты был в безопасности. Она для этого... — голос дрогнул. Лена сглотнула. — Пойдём. Пожалуйста.

Ваня не двигался. Рука — на голове собаки.

Потом — убрал. Медленно. Встал. Посмотрел на Лену. Глаза — сухие, пустые, старые. Семилетние глаза, в которых не осталось ничего детского.

Кивнул.

Они пошли. Сто метров. Подъезд. Лестница. Восьмой этаж. Дверь. Максим открыл.

Двенадцать детей вошли в квартиру. Тихие, мокрые, маленькие тени. Катя ахнула — рука к губам. Вика и Артём смотрели из комнаты — огромными глазами. Тесно. Двадцать пять человек в трёхкомнатной квартире. Но — живые. Все живые.

Ваня стоял в прихожей. Последним вошёл, последним остановился. Стоял и смотрел в пол. Руки — пустые. Впервые за двое

суток — без собаки. Без рыжей шерсти под пальцами. Без тёплого бока у ноги.

Пустой.

Галина Петровна сидела на табуретке у стены. Как вчера. Как сегодня утром. Седой пучок, халат, тапочки. Рыжий кот на коленях. Молча. Неподвижно.

Она посмотрела на Ваню.

Ваня не смотрел. Стоял. Руки висели. Глаза — в пол.

Галина Петровна встала. Впервые за два дня — встала сама, без просьбы, без причины. Взяла кота. Подошла к Ване. Медленно, тяжело — больные колени, лишний вес. Подошла и встала рядом. Не присела — он бы отступил. Просто встала.

И положила кота ему на руки. Молча. Без слов.

Рыжий кот — толстый, тёплый, живой. Мягкий. Мурчит. Вибрирует под пальцами. Не собака. Не Кнопка. Другое. Но — тёплое и живое.

Ваня замер. Стоял, держа кота на вытянутых руках. Как вазу. Как что-то хрупкое.

Кот посмотрел на него. Жёлтые глаза, круглые, наглые. Мявкнул. Потянулся, ткнулся головой в подбородок мальчика. И замурчал — громко, басовито, на всю прихожую.

Ваня прижал кота к себе. Крепко, обеими руками. Уткнулся лицом в рыжую шерсть.

И заплакал.

Тихо. Беззвучно. Плечи тряслись. Кот мурчал.

Галина Петровна стояла рядом. Не обнимала — не нужно. Не говорила — не нужно. Просто стояла. Положила руку мальчику на плечо. Тяжёлую, тёплую, бабушкину.

Два человека, которые молчали двое суток. И рыжий кот между ними.

Алексей стоял у стены и смотрел. Топорик — за поясом. На лезвии — бурое. Два вида крови. Мёртвая и живая. Зомби и человек. Всё перемешалось.

Он посмотрел на свои руки. Потом — на Лену. Она стояла в дверях кухни. Смотрела на Ваню и Галину Петровну. На рыжего кота. На мальчика, который плачет.

Лена плакала тоже. Молча. Слёзы — по щекам, не вытирала.

Алексей отвернулся. Подошёл к раковине в ванной. Открыл воду. Подставил руки. Смывал кровь. Красную и бурую. Свою и чужую.

Вода была холодная. Он не замечал.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 21

Квартира пахла мокрой одеждой, макаронами и страхом.

Двадцать пять человек. Трёхкомнатная квартира. Алексей стоял в коридоре и смотрел, как они заполняют пространство — медленно, неуклюже, как вода заполняет банку. Дети — в большую комнату. Взрослые — кто куда. Тамара Андреевна уже командовала — тихо, ровно, не повышая голоса. Распределяла.

— Малыши — к стене, на маты. У кого есть одеяла — делимся. Старшие — у окна. Настя, положи Матвея, он спит. Даша, Костя — помогите разложить.

Дети слушались. Привыкли. Два дня с Тамарой Андреевной — и они слушались её, как солдаты слушаются сержанта. Без вопросов, без споров. Потому что когда мир рушится, человек с планом — это спасение.

Максим стоял в дверях спальни. Смотрел, как чужие дети заполняют и без того тесную квартиру. Лицо — каменное. Руки — скрещены. Не помогал. Не мешал. Просто стоял.

Катя рядом. Тронула его за локоть.

— Макс.

— Вижу, — сказал он. Тихо. Сквозь зубы.

— Им некуда идти.

— Знаю.

— Макс...

— Я сказал — знаю.

Он развернулся и ушёл на кухню. Катя осталась. Посмотрела на детей — на маленькие фигурки в мокрых куртках, на девочку в розовой куртке, которая стояла посреди комнаты и не знала, куда сесть. Катя подошла. Присела. Расстегнула ей куртку. Сняла. Повесила на стул.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Девочка молчала. Раскачивалась.

— Это Поля, — сказала Тамара Андреевна из-за спины. — Шесть лет. Не разговаривает с первой ночи. Но слышит. Правда, Поля?

Девочка моргнула. Раскачивание замедлилось. Не остановилось — замедлилось.

Катя взяла её за руку. Повела к дивану, где сидели Вика и Артём. Вика посмотрела на Полю. На мать. На отца, ушедшего на кухню. Подвинулась. Освободила место.

Поля села. Раскачивалась. Вика сидела рядом. Не говорила. Просто сидела.

Десять лет и шесть. Две девочки, которым не нужны слова.

Кухня. Газ. Кастрюля. Вода.

Катя варила. Макароны кончились — Игорь принёс из школы банку тушёнки и пачку печенья. Последние запасы. Тушёнку растянули на суп — вода, тушёнка, полпачки вермишели, найденной в шкафу. Тонко, жидко. На двадцать пять человек — по три ложки каждому.

Лена помогала. Резала хлеб — последнюю буханку, чёрствую, жёсткую. Двенадцать кусков. Детям. Взрослые — без хлеба.

— Завтра нечего будет есть, — тихо сказала Катя.

— Знаю, — ответила Лена. — Нужен рейд. Продуктовый магазин, если остались нетронутые.

— «Магнит» на Ворошилова разграблен. Я видела из окна — вчера днём пришли люди, вынесли всё.

— Значит, дальше. «Пятёрочка» на Кирова. Или склады на промзоне.

Катя помешивала суп. Пар поднимался. На секунду — на одну секунду — пахло нормальной жизнью. Кухня, кастрюля, готовка. Как будто ничего не произошло.

Потом Артём заплакал в комнате — тихо, жалобно — и секунда кончилась.

Ольгу положили в спальне. На кровати Максима и Кати — единственной нормальной кровати в квартире. Максим не возражал. Посмотрел на больную женщину, на её серое мокрое лицо, на Ксюшу, которая держала мать за руку, — и молча вышел.

Лена вколола антибиотик. Цефтриаксон — внутримышечно, в бедро. Ольга застонала, но не открыла глаза. Температура — тридцать девять и два. Лена протёрла ей лоб мокрым полотенцем. Укрыла. Поставила рядом воду.

— Мама умрёт? — спросила Ксюша. Семь лет. Голос — ровный, без слёз. Как будто спрашивала про погоду.

— Нет, — сказала Лена. — Мы дали ей лекарство. Утром будет лучше.

Не знала, будет ли. Но сказала. Потому что семь лет — это семь лет. И потому что иногда ложь — единственное лекарство, которое работает.

Ксюша кивнула. Легла рядом с матерью. Закрыла глаза. Через минуту — уснула. Мгновенно, как выключили. Дети умеют так — отключаться, когда мозг больше не выдерживает.

Вечер. Темнело. Свечи — три штуки, последние. Максим экономил: одна на кухне, одна в большой комнате, одна в коридоре. Остальные помещения — темнота.

Дети поели. Суп, хлеб. Ели молча, жадно. Некоторые — впервые за сутки. Миша — десятилетний — съел свою порцию и смотрел на пустую тарелку. Долго. Потом отодвинул. Не попросил добавки. Понял.

Тамара Андреевна уложила детей. Маты, одеяла, подушки — чего хватило. Двенадцать маленьких тел на полу большой комнаты. Некоторые — свернулись калачиком. Некоторые — лежали на спине, глядя в потолок. Поля раскачивалась, лёжа на боку — медленнее, тише. Потом остановилась. Уснула.

Ваня лежал в углу. Рыжий кот — на его груди. Мурчал. Ваня держал его обеими руками. Глаза — открытые, но спокойные. Не пустые, как утром. Спокойные. Рядом, на табуретке у стены, сидела Галина Петровна. Не спала. Караулила. Молча, неподвижно. Как сидела последние два дня — только теперь не для себя. Для него.

Кухня. Взрослые.

Сергей разложил на столе лист бумаги. Нарисованная от руки карта — город N, основные улицы, районы. Красным — периметр. Синим — маршрут, который они прошли сегодня. Чёрными крестиками — места скопления зомби.

За столом: Антон, Максим, Сергей, Игорь. У стены — Алексей. В дверях — Лена и Тамара Андреевна.

— Значит так, — сказал Сергей. — Я молчал, пока дети рядом. Сейчас скажу.

Он посмотрел на каждого. Задержался на Тамаре Андреевне. На Игоре. На Лене.

— Город будет уничтожен.

Тишина. Свеча на столе покачнулась — сквозняк из щели в окне.

— Я перехватил переговоры на штабной частоте. Военные. Москва. Приказ — семьдесят два часа на стабилизацию. Если не получится — протокол «Рубеж». Полная зачистка. Точка.

— Что значит «полная зачистка»? — спросил Игорь.

— Значит — сжечь. Термобарические бомбы. Или хуже. Я не знаю деталей. Но «полная» — это полная. Город. Весь.

Игорь побледнел. Откинулся на стуле. Тамара Андреевна — не двинулась. Смотрела на карту. Лена — сжала руки. Алексей — не пошевелился. Сидел у стены, смотрел в пол.

— Когда? — спросила Тамара Андреевна. Голос — ровный. Как всегда.

— Отсчёт с полудня вчерашнего дня. Семьдесят два часа — это до полудня послезавтра. — Сергей посмотрел на часы. — Сейчас шесть вечера. Осталось примерно... сорок два часа.

— Чуть меньше двух суток, — сказал Антон.

— Чуть меньше двух суток, — подтвердил Сергей.

Максим сидел молча. Знал. Но услышать вслух, при всех — другое. Руки лежали на столе. Кулаки. Побелевшие костяшки.

— Сорок два часа, — повторил Игорь. — На что?

— На то, чтобы выбраться, — сказал Сергей. — Не через дорогу — там расстреляют. Через периметр. Пешком. Через промзону, через лес. На юго-запад — там река, за рекой лес тянется на тридцать километров. Периметр на реке — катера, но катера не могут стоять через каждые сто метров. Есть участки — два, может три — где можно перейти.

Он ткнул пальцем в карту. Южная окраина. Промзона — завод, склады, гаражи. За промзоной — железная дорога. За дорогой — поля. За полями — река.

— Расстояние от нас до реки — примерно двенадцать километров, — сказал Сергей. — По прямой. По дорогам — пятнадцать, может восемнадцать, с обходами. Для здоровых взрослых — четыре-пять часов быстрым шагом. Для нас — с детьми, больной, стариками...

— Сутки, — сказал Максим.

— Минимум. Если без задержек, без столкновений, без проблем. А проблемы будут.

— Какие?

— Первое — город. Двенадцать километров через зомби. Мы сегодня прошли два — и потеряли собаку. Второе — промзона. Я не знаю, что там. Может быть пусто, а может быть забито под завязку. Третье — периметр. Военные. Дроны, патрули. Если заметят — стреляют. Четвёртое — река. Ноябрь. Вода — градусов пять-шесть. С детьми — не переплывёшь. Нужен мост или брод.

— Или лодка, — сказал Игорь.

— Или лодка. Если найдём.

Тишина. Все смотрели на карту. На двенадцать километров между ними и жизнью.

— Когда выходим? — спросила Тамара Андреевна.

Все повернулись к ней. Она стояла в дверях, руки сложены на груди. Спокойная. Деловая. Как будто речь шла о школьном походе.

— Завтра утром, — сказал Сергей. — На рассвете. Чем раньше — тем больше запас по времени. Днём идти безопаснее — видно дальше, зомби медленнее. Ночью — опаснее, но периметр хуже видит. Идеально — выйти утром, к вечеру добраться до промзоны, ночью пересечь периметр.

— С двенадцатью детьми, — сказал Максим. — Пересечь периметр.

— С двенадцатью детьми.

Максим покачал головой. Не «нет» — просто качнул. Устало.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. А варианты?

— Остаться и умереть, — сказал Сергей. — Вот и все варианты.

Максим посмотрел на него. Долго. Потом — кивнул.

— Хорошо. Утром. Что нужно?

— Еда, — сказал Сергей. — На два дня. Для двадцати пяти человек. Вода — фляжки, бутылки, что угодно. Тёплая одежда — у половины детей куртки мокрые, нужно высушить за ночь. Обувь — у двоих нет нормальной. Медикаменты — Лена, это на тебе. Оружие — что есть, то есть. Два пистолета, монтировка, топор, бита, нож. Негусто.

— Обрез, — сказал Антон. Все посмотрели на него. — Обрез в аптеке. Мы его не взяли. Сергей выбил из рук, он упал на пол. Мы

ушли.

Тишина.

— Вернёшься? — спросил Максим.

— Нет, — сказал Антон. — Они уже ушли. Или забрали его. Не стоит.

— Тогда что есть — с тем и идём.

— Еда — проблема, — сказала Катя из-за спины Лены. Все повернулись. Она стояла в коридоре, вытирая руки полотенцем. — У нас ничего не осталось. Суп — последний. Крупы — нет. Консервы — нет. Хлеб — кончился. Завтра кормить двадцать пять человек нечем.

— Значит, рейд, — сказал Сергей. — Рано утром, до выхода. Двое идут за едой. Остальные — собираются.

— Куда? — спросил Игорь.

— Склады на Заводской. Продуктовая база. Я проезжал мимо — большое здание, ворота железные. Может, не разграбили. Далеко от жилых домов, мародёры туда не дошли.

— Или дошли.

— Или дошли. Но попробовать стоит.

Сергей свернул карту. Посмотрел на часы. Половина седьмого.

— Всё. Спать. Дежурства — как вчера. Четыре смены. Игорь — ты в график. Тамара Андреевна — с детьми, если кто-то проснётся. Лена — следишь за Ольгой. Остальные — отдыхать. Утром — работа.

Люди разошлись. Медленно, тихо. Как тени.

Алексей не лёг.

Сидел на полу в ванной. Спиной к стене, ноги вытянуты. Дверь — закрыта. Свет — нет, темнота. Только полоска из-под двери — жёлтая, дрожащая, свечная.

Руки — на коленях. Чистые. Он мыл их четыре раза. Горячей водой, холодной, с мылом, без мыла. Кровь смылась после первого раза. Он мыл ещё три.

Закрывал глаза — и видел. Лицо Паши. Удивлённое. Испуганное. Живое. Глаза, которые смотрели и не понимали: почему? Рот, который открылся, но не успел крикнуть. Руки, которые отпустили Лену и потянулись к шее, к топорику, — но уже падали, уже слабели, уже мертвели.

Хруст. Он помнил хруст. Как лезвие вошло в мясо, в мышцы, в кость. Как отдало в руку — тупой, тяжёлый удар. Как тело обмякло и

повалилось.

Зомби — другое. Зомби уже мёртвые. Бьёшь — как бьёшь дерево. Нет глаз, которые смотрят. Нет страха. Нет последнего вздоха.

Паша был живой. Мразь — но живой. Человек — но живой. С именем, с лицом, с жизнью, которую Алексей прекратил одним движением руки.

Он убил человека.

Он убил человека, который лапал Лену. Который дышал ей в ухо, который лез руками под одежду. Который заслуживал... чего? Смерти? Может быть. А может — нет. Может, в нормальном мире его бы арестовали, судили, посадили. Дали бы срок. Он бы отсидел и вышел. Жил бы дальше. Плохо, убого — но жил.

В нормальном мире.

Нормального мира больше нет. Есть топорик и выбор, который делается за секунду.

Стук в дверь. Тихий.

— Алексей.

Лена.

Он не ответил.

— Я знаю, что ты там. Открой. Пожалуйста.

Пауза. Он протянул руку, повернул защёлку. Дверь приоткрылась. Свет свечи — тёплый, жёлтый — упал на пол ванной, на его ноги, на кафель.

Лена вошла. В руке — кружка. Чай. Последний — заварка кончалась, Катя экономила.

Она села рядом. На пол, спиной к ванне. Поставила кружку между ними.

Молча.

Не сказала «спасибо». Не сказала «ты всё правильно сделал». Не сказала «он заслужил». Не сказала ничего. Просто села рядом. На холодном кафельном полу, в чужой ванной, в чужой квартире, в мёртвом городе.

Алексей смотрел на кружку. Пар поднимался. Тёплый, живой.

— Я раньше не убивал, — сказал он. Голос — хриплый, чужой. — Никогда. Даже в драке — ни разу. Я вообще не дрался с восьмого класса.

Лена молчала. Слушала.

— А сегодня — вогнал человеку топор в шею. Как будто это... нормально. Как будто я всю жизнь этим занимался.

— Это не было нормально, — тихо сказала Лена. — И ты это знаешь. Потому и сидишь здесь.

Он повернул голову. Посмотрел на неё. В полумраке, в свете свечи из коридора — её лицо. Бледное, усталое. Тёмные круги под глазами. Губы — потрескавшиеся. Мокрые волосы, высохшие криво.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально.

— Нет. Правда.

Лена замолчала. Посмотрела на свои руки. На пальцы.

— Мне противно, — сказала она. Тихо, ровно. — Я чувствую его руки. До сих пор. Его пальцы. Его... дыхание. Вот здесь. — Она коснулась шеи. Где были его губы. — Я мыла. Тёрла. Не помогает. Как будто осталось.

Алексей сжал кулаки. Медленно разжал.

— Он больше никогда тебя не тронет, — сказал он. Спокойно. Без пафоса. Факт.

Лена посмотрела на него.

— Я знаю, — сказала она.

Тишина. Долгая. Тёплая. Чай остывал между ними.

Потом Лена протянула руку. Накрыла его кулак. Ладонь — маленькая, холодная, с обкусанными ногтями. Легла поверх его руки — той, которая сегодня убила человека. Легла и не убрала.

Алексей не пошевелился. Не посмотрел. Просто — почувствовал. Её руку на своей. Лёгкую. Живую.

Они сидели на полу ванной, в темноте, и молчали. За стеной спали дети. На кухне шипела рация. За окном — мёртвый город и сорок два часа до конца.

Чай остыл. Никто его не выпил.

Но Лена не убрала руку. И Алексей не попросил.

Ночь прошла тихо.

Дежурства — без происшествий. Зомби во дворе — трое, бродили между машинами. В подъезд не заходили. На лестнице — тихо. Сергей слушал рацию — военные переговоры, доклады с постов. Ничего нового. Периметр стабилен. Часы тикают.

Под утро — Антон на дежурстве — услышал новый сигнал. Не военный. Гражданский. На открытой частоте.

Мужской голос, грубый, уверенный:

— ...кто хочет жить — Завод керамических изделий, Комсомольская, двенадцать. У нас стены, оружие, жратва. Приходите. Но с условиями. Условия на месте. Повторяю...

Антон записал. Завод керамических изделий. Комсомольская. Тот самый мёртвый завод, мимо которого они проезжали на «Ниве».

Кто-то организовался. Кто-то с оружием и едой. Кто-то, кто ставит условия.

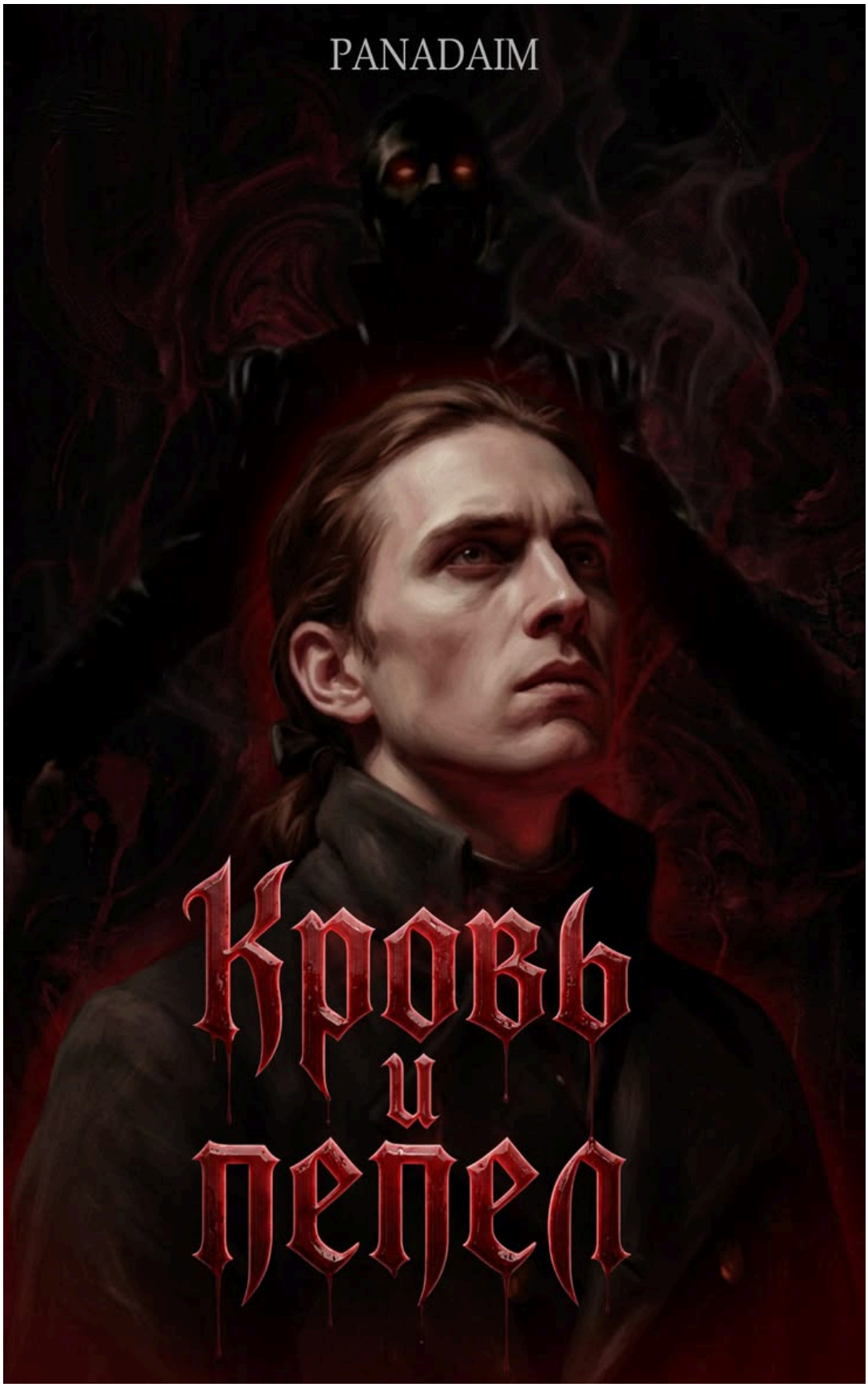
Антон выключил рацию. Посмотрел в окно. Серое утро. Третий день.

Сорок часов.

Нет. Он посмотрел на часы. Шесть утра. Прошло двенадцать часов.

Тридцать часов.

ЧИТАЙТЕ ТАК ЖЕ КРОВЬ И ПЕПЕЛ


PANADAIM
Кровь
и
пепел

Аннотация

Петербург, 1735 год. Город, построенный на костях, где каждую зиму темнота длится дольше, чем свет. Молодой чиновник Дмитрий Вельяминов приезжает в столицу искать службу и лучшей доли — а находит странные донесения об обескровленных телах, которые никто не хочет замечать. Его покровитель, обаятельный граф Кромвин, никогда не ест при гостях и не держит в доме зеркал. Немецкий врач Вебер задаёт слишком правильные вопросы. А на окраинах города охотится что-то, чему нет названия в рапортах Тайной канцелярии. Чтобы выжить между дворцовыми интригами, тайным орденом охотников и нашествием чужих вампиров, Дмитрию придётся заглянуть в темноту — и заплатить за это всем, что делает его человеком.

Глава 22

Рассвет третьего дня был серым, как и предыдущие два.

Алексей проснулся на полу в коридоре. Затёкшая шея, ноющая спина, холод. Рядом — Лена. Спала, свернувшись, в его куртке. Голова — на свёрнутом свитере. Лицо — спокойное, мягкое, без морщины между бровей, которая появлялась днём. Во сне она выглядела на свои двадцать. Днём — на сорок.

Он встал тихо. Перешагнул через ноги Игоря, вытянутые поперёк коридора. Игорь спал сидя, спиной к стене, бита на коленях. Даже во сне — наготове.

Кухня. Сергей уже не спал — сидел за столом, блокнот, карта, рация. Рядом — Антон. Оба с кружками. Кипяток без заварки — чай кончился.

— Доброе утро, — сказал Сергей. Без иронии. Привычка.

— Что по плану? — спросил Алексей.

— Еда, — сказал Антон. — Без еды мы никуда не дойдём. Двадцать пять человек, двенадцать километров. Нужны калории.

— Склад на Заводской?

— Да. Продуктовая база. Я там бывал — вызовы, кражи. Большое здание, железные ворота, забор. Если не разграбили — внутри консервы, крупы, масло. На армию хватит.

— Кто идёт?

— Я и ты, — сказал Сергей. — Антон остаётся. Если мы не вернёмся — он ведёт группу.

Антон кивнул. Не спорил.

— Максим и Игорь? — спросил Алексей.

— Останется. У них дети.

— У всех дети.

— У них — ответственность за конкретных детей. Тамара Андреевна без Игоря не справится с караваном.

Алексей кивнул. Взял кружку. Кипяток. Горячий, безвкусный, но грел изнутри.

— И ещё, — сказал Антон. — Ночью поймал сигнал.

Он рассказал. Завод керамических изделий. Комсомольская, двенадцать. Стены, оружие, еда. С условиями.

— Что за условия? — спросил Алексей.

— Не знаю. Он не уточнил. Просто — «условия на месте».

Сергей покачал головой.

— Не нравится мне это.

— Мне тоже, — сказал Антон.

— Кто-то с оружием, с едой, с территорией — и зовёт людей. Зачем? Из доброты? В третий день апокалипсиса добрые люди не вещают по рации. Добрые люди сидят тихо и молятся.

— Рабочая сила, — сказал Алексей.

Сергей и Антон посмотрели на него.

— Рабочая сила, — повторил Алексей. — Стены есть, оружие есть, еда есть. Нет людей. Нужны руки — носить, строить, охранять. И нужны те, кем можно управлять. «Условия на месте» — это значит: мы главные, вы подчиняетесь.

Сергей кивнул. Медленно.

— Или хуже, — сказал он. — Живой щит. Пушечное мясо. Кто-то умный собирает армию, пока остальные прячутся по квартирам.

— Мы туда не идём, — сказал Антон. — Ни при каких условиях. Мы идём на юго-запад, к реке. Как договорились.

— Согласен, — сказал Сергей. — Но имей в виду — если кто-то контролирует завод на Комсомольской, мы можем пересечься. Комсомольская — на нашем маршруте.

Тишина. Антон посмотрел на карту. Комсомольская тянулась параллельно Ворошилова, в трёхстах метрах. Они проезжали мимо завода. Бетонный забор, заколоченные окна, мёртвая труба.

Не такой мёртвый, как казалось.

— Обойдём, — сказал Антон. — Дворами.

— Если получится, — сказал Сергей.

Вышли в семь.

Двое. Сергей — монтировка, рюкзак. Алексей — топорик, два пустых рюкзака. Маршрут — Ворошилова до Заводской, потом направо, вдоль железной дороги, до продуктовой базы. Полтора километра в одну сторону.

Утро. Туман. Не густой — жидкий, молочный, висел над асфальтом, как дым. Деревья — мокрые, голые. Трамвайные рельсы

блестели. Тишина — полная, ватная. Город не дышал.

Первый зомби — через двести метров. Старик в пижаме. Стоял посреди тротуара, босой, ноги синие от холода. Не двигался. Лицо — обвисшее, серое, рот приоткрыт. Из горла — тихий звук, как шипение воздуха из проколотого колеса. Не стон — просто звук. Работающее мёртвое тело.

Обошли. Далеко. Старик не повернулся.

Заводская. Широкая, промышленная. Склады, ангары, бетонные заборы. Мало жилых домов — мало зомби. Тише, чем в спальных районах. Но запах — сильнее. Промзона хуже проветривалась, и за два дня трупный запах — те, кто не встали — набрал силу. Сладкий, густой, забивающий нос.

Сергей шёл впереди. Молча. Двигался, как охотник — мягко, бесшумно, голова поворачивается, глаза сканируют. Тридцать лет в армии въелись в тело, в мышцы, в рефлексы. Он не думал, как идти — тело думало за него.

Алексей шёл следом. Думал. О руках, которые он вчера мыл четыре раза. О Паше, который лежит на полу аптеки — или уже не лежит, если мародёры его вынесли. Или если он встал.

Встал. Эта мысль — как удар. Паша. Если его не добили в голову — он встанет. Через восемнадцать-тридцать шесть часов. Встанет и будет бродить по аптеке. Мёртвый мародёр с дырой в шее.

Алексей его не добил. Не подумал. Воткнул топорик в шею — и ушёл. Шея — не голова. Паша умер от кровопотери, не от повреждения мозга. Значит — встанет.

Он убил человека. А человек всё равно встанет. Какая ирония.

— Пришли, — сказал Сергей.

Продуктовая база «Регион-Опт». Большое здание — кирпичное, одноэтажное, с высокой крышей. Ворота — железные, рольставня. Забор — бетонный, два метра. На воротах — замок. Цепь. Висячий, амбарный, ржавый.

Не разграблен. Замок — целый. Цепь — не перерезана. Никто не приходил. Далеко от жилых домов — мародёры не дошли. Или не знали.

Сергей осмотрел замок. Потянул. Крепкий.

— Монтировкой, — сказал он.

Вставил конец монтировки в дужку замка. Навалился. Хрустнуло — дужка лопнула. Цепь упала. Ворота заскрипели — громко, протяжно, металлический визг в тишине.

Оба замерли. Прислушались. Тихо. Никто не пришёл на звук.

Внутри — темно. Сергей включил фонарик — луч по стенам, по полу. Бетон, стеллажи, коробки. Много коробок.

— Мать честная, — тихо сказал Сергей.

Склад. Целый, нетронутый. Стеллажи до потолка. Коробки — штабелями, ровно, аккуратно. Этикетки: «Тушёнка говяжья», «Гречка», «Макароны», «Рис», «Сахар», «Масло подсолнечное», «Вода питьевая 5 л.». Консервы — рыбные, мясные. Печенье, сухари, сгущёнка. Склад районного масштаба — снабжение для десятка магазинов.

Еда. На месяц. На два. На сто человек.

Алексей стоял и смотрел. Потом — рассмеялся. Тихо, коротко, зло. Три дня люди в городе голодают, дерутся за пачку макарон, убивают за банку тушёнки — а тут, в полутора километрах, стоит склад, набитый под крышу. Целый. Никому не нужный. Потому что никто не знал. Или не дошёл.

— Берём самое калорийное и лёгкое, — сказал Сергей. — Тушёнка, сгущёнка, сухари, шоколад если есть. Сколько унесём.

Работали быстро. Вскрывали коробки, набивали рюкзаки. Тушёнка — банки по триста грамм, брали двадцать штук. Сгущёнка — десять. Сухари — четыре пачки. Крупа — гречка, два килограмма, больше не влезло. Вода — две пятилитровые бутылки. Тяжело, но необходимо. Шоколад — нашли коробку, плиточный, горький. Взяли всю. Детям.

Два рюкзака — набитые, тяжёлые. Килограмм по пятнадцать каждый. Алексей закинул на спину — хрустнули плечи. Терпимо.

— На один рейд хватит на два-три дня, — сказал Сергей. — Если будет второй шанс — вернёмся ещё. Но главное — сейчас есть, с чем выходить.

Они закрыли ворота. Замок — сломан, но ворота прикрыли, прислонили изнутри поддон. Не защита — маскировка. Чтобы с улицы выглядело закрытым.

Обратный путь. Те же полтора километра. Рюкзаки давили на плечи. Туман рассеивался — солнце пробивалось сквозь облака. Не

грело — просто светило. Серое, ноябрьское, тусклое.

На Заводской — движение. Алексей заметил первым. Впереди, метров двести. Фигуры. Не зомби — живые. Двигались быстро, целенаправленно. Трое. Шли от промзоны в сторону Комсомольской.

Сергей потянул Алексея за рукав. В сторону. За угол ангара. Присели.

— Видишь? — прошептал Сергей.

— Вижу. Трое. Живые.

— Вооружены?

Алексей прищурился. Трое мужиков. Крепкие. У одного — что-то длинное в руках. Ружьё? Палка? Далеко, не разобрать. Второй — нёс сумку. Третий — шёл налегке, руки в карманах. Уверенный. Хозяйский.

Они шли к заводу. К заводу керамических изделий. К тому самому, с рации.

— Люди с завода, — тихо сказал Сергей. — Патруль. Или рейд. Территорию расширяют.

— Уходим?

— Уходим. Тихо. Пока не заметили.

Они отступили. Дворами, задами, вдоль заборов. Обратно на Ворошилова. Обратно домой.

Квартира встретила запахом каши.

Катя нашла на антресолях пакет геркулеса — забытый, пыльный, просроченный на год. Сварила на воде. Двадцать пять порций — по три ложки. Дети ели. Взрослые ждали.

Алексей и Сергей вывалили рюкзаки на кухонный стол. Тушёнка, сгущёнка, сухари, гречка, шоколад, вода. Катя смотрела на банки — и на секунду её лицо стало таким, каким бывает у людей, которые видят чудо. Не радость — что-то глубже. Облегчение. Выдох, который держала двое суток.

— Хватит? — спросила она.

— На два-три дня, — сказал Сергей. — На переход.

Максим стоял у стены. Смотрел на еду. Потом — на Алексея. Потом — на Сергея. Кивнул. Коротко. Не «спасибо» — кивок. Для Максима — это много.

Дети получили шоколад. По дольке. Маленькие пальцы разворачивали фольгу. Запах — горький, сладкий, живой. Нормальный

запах из нормального мира. Миша откусил и закрыл глаза. Даша улыбнулась — кривовато, одним уголком, но улыбнулась.

Ваня сидел в углу. Галина Петровна рядом. Кот на коленях мальчика — спал, развалившись, лапы в стороны. Тамара Андреевна принесла Ване дольку шоколада. Положила рядом. Ваня не взял. Тамара Андреевна не настаивала. Ушла.

Через десять минут Алексей посмотрел — дольки не было. Ваня жевал. Кот мурчал.

Совет. Кухня. Полдень.

Антон, Максим, Сергей, Игорь, Тамара Андреевна, Лена, Алексей. Семеро. Дети — в комнате, под присмотром Кати, Насти и Галины Петровны.

— Двадцать четыре часа, — сказал Сергей. — Завтра в полдень — конец отсчёта. Или мы к этому времени за периметром — или нас не будет.

— Маршрут, — сказал Антон.

Сергей развернул карту. Ту же, от руки. Но теперь — с пометками. Красные кресты — скопления зомби (по наблюдениям из окна, по звукам, по рассказам). Синие стрелки — маршрут. Зелёные круги — потенциальные укрытия на пути.

— От нас до реки — двенадцать километров. Маршрут: Ворошилова на юг, через дворы к Заводской. Заводская — через промзону. Промзона — к железной дороге. Вдоль железки — на запад, до моста через реку.

— Мост охраняется? — спросил Максим.

— Скорее всего — да. Но мост — не единственный вариант. Ниже по течению, в двух километрах от моста — старая лодочная станция. Я помню её — катался там в детстве. Если лодки ещё на месте...

— В ноябре? — сказал Игорь. — Лодки вытаскивают на зиму.

— На станции — да. Но местные рыбаки не все такие аккуратные. У берега могут быть привязанные, забытые. Или можно найти что-то на этом берегу и переправиться.

— С двенадцатью детьми, — сказал Максим. Его любимая фраза.

— С двенадцатью детьми, — подтвердил Сергей. — Двумя больными. Одной пожилой женщиной. Да. Я знаю. Не идеально. Но идеальных вариантов не осталось.

Тамара Андреевна подняла руку. Как на уроке.

— Дети пройдут двенадцать километров. Не все сразу — с остановками, с отдыхом. Но пройдут. Я за них ручаюсь. Проблема не в расстоянии. Проблема — в этих. — Она кивнула в сторону окна. — Сколько их будет на маршруте?

— Не знаю, — честно сказал Сергей. — В промзоне — меньше, чем в жилых районах. Но к железной дороге может быть плотнее — там рядом посёлок.

— И люди с завода, — добавил Алексей.

Все посмотрели на него.

— Мы видели троих сегодня утром, — сказал он. — Шли от промзоны к заводу на Комсомольской. Вооружены. Организованы. Это не случайные мародёры — это община. Кто-то контролирует территорию.

— Вчера ночью по рации — сигнал с завода, — добавил Антон. — Зовут людей. Обещают стены, еду, оружие. С условиями.

— Что за условия? — спросил Игорь.

— Не знаем. И не хотим узнавать.

Тишина. Все смотрели на карту. На синие стрелки маршрута. На красные кресты.

— Есть обход? — спросила Тамара Андреевна.

— Есть, — сказал Сергей. — Но длиннее. Вместо двенадцати — восемнадцать. Не успеем.

— Значит, идём мимо.

— Значит, идём мимо. Тихо. Быстро. Надеемся, что не заметят.

— А если заметят?

Сергей помолчал.

— Если заметят — будем решать на месте.

Не ответ. Все понимали. Но лучшего не было.

— Порядок движения — как вчера, — сказал Антон. — Сергей и Игорь — голова. Я — центр. Тамара Андреевна — с детьми. Лена — с больными. Алексей — хвост. Максим — подвижный, где нужен. Катя и Настя — помогают с малышами. Галина Петровна...

Он замолчал. Посмотрел на Максима.

Максим понял.

— Мать идёт медленно. Колени. Лишний вес. Она будет тормозить колонну.

— Я не это хотел сказать, — начал Антон.

— Это. Я сам думал. — Максим потёр лицо. — Она пойдёт. Я понесу её, если надо. Но она пойдёт.

— Макс...

— Я не оставлю мать. — Тихо. Твёрдо. Без обсуждений.

Антон кивнул.

— Хорошо. Выходим завтра в шесть утра. Ещё до рассвета. В темноте сложнее, но и нас сложнее заметить. К рассвету — пройдём жилые кварталы. К полудню — должны быть у реки. Если всё пойдёт по плану.

— Ничего не пойдёт по плану, — сказал Сергей.

— Знаю. Но план нужен, чтобы было от чего отклоняться.

Сергей усмехнулся. Первый раз за три дня — усмешка. Сухая, короткая. Но — живая.

— Хорошо сказано, — сказал он. — Для копа.

День прошёл в подготовке.

Тихой, методичной, без суеты. Как сборы перед походом — только поход был через мёртвый город, и вернуться нельзя.

Сергей сушил детскую одежду — развесил у газовой плиты, над конфорками. Куртки, штаны, носки. Квартира пахла мокрой шерстью и газом.

Лена готовила аптечку. Разложила на столе: антибиотики, жаропонижающее, бинты, антисептик, шприцы. Пересчитала. Разделила на два комплекта — основной и запасной. Основной — в рюкзак Лены. Запасной — Тамаре Андреевне. На случай если группа разделится.

Игорь проверял обувь. У двоих детей — кроссовки, промокшие насквозь. Нашёл в шкафу хозяйской квартиры детские ботинки — не по размеру, но лучше, чем мокрые кроссовки. Набил носки газетой, натянул на ноги, затянул шнурки. Сойдёт.

Максим укладывал еду. Тушёнка — в рюкзак Сергея и Алексея. Сухари — распределил по карманам. Каждый несёт на себе. Вода — два пятилитровых баллона, несут по очереди.

Антон чистил оружие. Пистолет — разобрал, протёр, собрал. Девять патронов. Пересчитал. Девять. У Максима — семь. Шестнадцать на двадцать пять человек. На двенадцать километров.

Тамара Андреевна готовила детей. Не вещи — психику. Собрала их в комнате. Тихо, спокойно объяснила: завтра — длинная прогулка.

Очень длинная. Будет трудно, будет страшно. Но они пройдут, потому что они — команда. И команда не бросает своих.

— Правила? — спросила она.

— Молча, — ответил Костя. — Парами. Не бежим. Не кричим.

— Хорошо. И ещё одно правило. Новое. Если взрослый говорит «вниз» — все садятся на корточки и не двигаются. Как в прятки. Кто лучше всех спрячется — получит приз.

— Какой приз? — спросила Аня.

— Увидишь, — сказала Тамара Андреевна. И улыбнулась.

Она до сих пор не знала, какой приз. Но обещание приза — это обещание будущего. А будущее — это то, чего у этих детей не было уже три дня.

Вечер. Последний вечер.

Алексей сидел у окна. Одеяло отодвинуто на сантиметр — щель. Смотрел на город.

Ворошилова. Фонари не горели — электричество в районе отключилось днём. Темнота. Только луна — тонкая, ноябрьская, за рваными облаками. Серебристый свет на мокром асфальте. Трамвайные рельсы блестели, как шрамы.

Фигуры. Больше, чем вчера. Десятки. Бродили по Ворошилова — медленно, бесцельно. Некоторые стояли, некоторые шли. Одна — женщина, в длинном платье — танцевала. Медленно, покачиваясь, как под музыку, которую слышала только она. Красиво и страшно.

Завтра они пойдут через этих. С двенадцатью детьми.

— Не спишь?

Лена. Подошла тихо. Села рядом. Уже привычно — рядом, на расстоянии руки. Не ближе, не дальше.

— Завтра, — сказал Алексей.

— Завтра.

— Ты боишься?

— Да. А ты?

— Да.

Тишина. Ветер за окном.

— Мы дойдём? — спросила она.

Алексей молчал. Долго.

— Не знаю, — сказал он. Честно. Без утешения. — Но мы попробуем.

Лена кивнула. Подтянула куртку — его куртку — плотнее к себе. Привычка.

— Алексей.

— Что?

— Спасибо. За вчера. В аптеке.

Он повернулся. Посмотрел на неё. Она не отвела взгляд. Первый раз — не отвела. Смотрела прямо, ровно. Глаза — тёмные, серьёзные.

— Не надо, — сказал он.

— Надо. Я хочу, чтобы ты знал. Что я не забуду.

Он кивнул. Отвернулся к окну. Фигуры бродили по Ворошилова. Танцующая женщина покачивалась под невидимую музыку.

Лена положила голову ему на плечо. Легко. На секунду.

Потом убрала. Встала. Ушла.

Алексей сидел и смотрел на город. На двенадцать километров, которые завтра нужно пройти. На фигуры, через которые нужно пройти. На луну, которая светила одинаково — для живых и для мёртвых.

Двадцать четыре часа.

Он закрыл глаза. Попытался уснуть.

Не получилось.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 23

Зимин не спал третьи сутки.

Не потому что не мог — мог. Тридцать лет в армии научили спать где угодно, когда угодно, по команде. Двадцать минут — и ты свежий. Метод, который вбивали ещё в училище. Работал безотказно.

Не работал сейчас. Каждый раз, когда он закрывал глаза — видел коридор корпуса Б. Красный аварийный свет. Обугленное тело, которое ползёт к двери на руках, потому что ног уже нет. Горящее. Живое. Мёртвое. Ползёт и бьётся в дверь.

Зимин открывал глаза. Пил кофе. Работал.

Штаб. Корпус А, бывший кабинет начальника объекта. Три монитора, рация, спутниковый телефон, ноутбук с защищённым каналом. Два связиста — посменно, двенадцать через двенадцать. Карта на стене, утыканная булавками. Красные — посты периметра. Синие — подтверждённые скопления заражённых. Жёлтые — предполагаемые группы выживших.

Жёлтых становилось меньше.

— Новые снимки, — сказал связист. Положил на стол распечатки. Спутник прошёл над городом час назад.

Зимин взял. Посмотрел.

Термальная карта. Знакомые цвета — красное и синее. Жизнь и смерть. Вчера красного было больше. Сегодня — синее расползлось, как чернильное пятно на промокашке. Центр города — почти весь синий. Спальные районы — пятьдесят на пятьдесят. Окраины — ещё держались.

Цифры внизу снимка. Расчётные. Приблизительные.

Подвижные холодные объекты (заражённые на улицах): 70 000–80 000.

Вчера было пятнадцать-двадцать тысяч. За двое суток — вчетверо. Каждый мертвец создаёт новых мертвецов. Каждый укус — минус один живой, плюс один мёртвый. Математика простая. Математика неумолимая. И это только на улицах — сколько ещё заперты в квартирах, бродят по подъездам, стоят за закрытыми дверями и скребут стены.

Тепловые сигнатуры в зданиях (предположительно живые): 80 000–100 000.

Было до ста пятидесяти тысяч в первую ночь — кто не успел уехать. Около пятидесяти тысяч покинули город до закрытия периметра. Остальные — триста минус пятьдесят — остались внутри. Теперь сто тысяч живых. Может, меньше. Остальные — мертвы. Часть встала. Часть — нет. Почему одни встают, а другие нет — учёные не знали. Никто не знал.

Зимин положил снимок на стол. Лицом вниз.

Двести пятьдесят тысяч осталось в городе. Через трое суток — может, сто тысяч живых. Может, меньше. К концу недели — если бы неделя была — ноль. Город пожрёт сам себя.

Но недели не будет. Будут часы.

В десять утра прилетели учёные.

Вертолёт — военный, Ми-8, без опознавательных знаков кроме бортового номера. Сел на площадке за корпусом Г, подняв тучу грязи и мокрых листьев. Вышли четверо: трое мужчин, одна женщина. Гражданские, в куртках и ботинках, с кейсами и ноутбуками. Лица — серые, напряжённые. Один — пожилой, лет шестьдесят, седой, в очках. Академический тип. Двое — моложе, тридцать-сорок, ассистенты или коллеги. Женщина — лет сорок пять, жёсткое лицо, короткая стрижка. Военная выправка под гражданской одеждой.

Зимин встретил их у вертолёта.

— Полковник Зимин. Командующий операцией «Барьер».

— Профессор Карелин, — сказал седой. — НИИ молекулярной биологии. Мы прибыли для оценки биоагента.

— Оценивать нечего, — сказал Зимин. — Лаборатория сгорела. Образцы уничтожены.

— Не все, — сказала женщина. Голос — резкий, командный. — Документация «Берег-4» хранилась в двух экземплярах. Один — здесь. Второй — в Москве. Мы привезли копии. Нам нужен доступ к архиву объекта и образцы крови заражённых.

— Образцы крови, — повторил Зимин. — Вы хотите, чтобы мои люди подошли к мертвецу и взяли у него кровь.

— Именно.

Зимин посмотрел на неё. Долго. Она не отвела взгляд.

— Ковалёва, — сказала она. — Подполковник Ковалёва. РХБЗ. Я не учёная — я куратор проекта «Лазарь».

Зимин не показал, что услышал название. Не показал, что не знал его раньше. Просто кивнул.

— Образцы — организуем. Архив — в подвале корпуса А. Мой человек проведёт.

Он развернулся и ушёл. Спиной чувствовал взгляд Ковалёвой. Тяжёлый. Оценивающий.

«Лазарь». Проект «Лазарь». Библейское имя — тот, кого воскресили из мёртвых. Красивое название для программы, которая превращает трупы в ходячее мясо.

К полудню учёные разложились в конференц-зале корпуса А. Ноутбуки, микроскопы, пробирки. Образцы крови доставили — двое бойцов в ОЗК подошли к периметру, застрелили заражённого, взяли кровь. Один из бойцов — сержант Ермаков, двадцать три года — после этого сидел за казармой и курил сорок минут. Руки тряслись.

Зимин зашёл в конференц-зал в час дня. Карелин сидел за ноутбуком. Ковалёва — рядом, читала что-то в папке с грифом. Двое ассистентов — у микроскопов.

— Результаты? — спросил Зимин.

Карелин снял очки. Протёр. Надел. Привычка, за которой прятал неуверенность.

— Биоагент «Н-17» — модифицированный нейротропный вирус. Поражает центральную нервную систему. В живом организме — латентен, не проявляется. Активируется после смерти хозяина. Использует остаточную электрическую активность мозга для... — он замялся, — ...для перезапуска базовых моторных функций.

— По-русски, — сказал Зимин.

— Вирус ждёт, пока человек умрёт. Потом включает тело заново. Но только тело. Не сознание, не память, не личность. Только движение и... голод.

— Лекарство?

— Нет.

— Вакцина?

— Нет.

— Сколько времени нужно?

Карелин посмотрел на Ковалёву. Та молчала. Смотрела в папку.

— Полковник, — сказал Карелин. — Вы понимаете, что Н-17 разрабатывался тридцать лет. Тридцать лет работы лучших вирусологов Советского Союза, а потом — России. Создать противоядие за... сколько у нас?

— Двадцать три часа.

— За двадцать три часа — невозможно. Физически невозможно. Нам нужны месяцы. Годы.

Зимин стоял. Молчал. Смотрел на Карелина. Потом — на Ковалёву.

— Подполковник, — сказал он. — Проект «Лазарь». Для чего?

Ковалёва подняла голову. Закрыла папку. Медленно, аккуратно.

— Вы не имеете допуска к этой информации, полковник.

— Я имею допуск ко всему, что касается ситуации. По приказу Харитонова.

Пауза. Ковалёва смотрела на него. Решала.

— Регенерация, — сказала она. — Проект «Лазарь» — программа регенерации тканей и восстановления жизненных функций после клинической смерти. Военное применение — реанимация бойцов в полевых условиях. Солдат, который получает смертельное ранение — и через час снова в строю.

— Суперсолдат, — сказал Зимин. Без выражения.

— Не суперсолдат. Реанимированный солдат. С сохранением личности, памяти, навыков. Такова была цель. Н-17 — один из промежуточных результатов. Ранний. Неудачный.

— Неудачный, — повторил Зимин. — Триста тысяч человек — неудачный результат.

Ковалёва не ответила. Закрыла папку. Убрала в кейс. Щёлкнул замок.

Зимин вышел.

Два часа дня. Рапорты.

На столе — стопка. Тонкая, но тяжёлая. Каждый лист — жизнь. Или смерть.

Рапорт № 147. Пост «Южный-3». 06:40. Легковой автомобиль «Хёндай Солярис», серебристый, госномер А487КР. Двигался к блокпосту со скоростью приблизительно 80 км/ч. Предупредительные сигналы — подан звуковой и световой. Автомобиль не остановился. Ускорился. Открыт огонь на поражение. Автомобиль остановлен. При

осмотре: водитель — мужчина, приблизительно 35 лет, мёртв. Пассажир — женщина, приблизительно 30 лет, мёртва. Заднее сиденье — двое детей. Девочка — приблизительно 6 лет, мёртва. Мальчик — приблизительно 3 года.

Зимин остановился. Перечитал.

Мальчик — приблизительно 3 года. Ранение — сквозное, брюшная полость. Жив на момент осмотра. Эвакуирован в медпункт поста. Статус на 08:00 — умер.

Статус на 12:00 — тело помещено в изолятор. Стандартная процедура.

Статус на 14:00 — прочерк.

Прочерк. Не «тело утилизировано». Не «передано». Прочерк. Значит — встал. Трёхлетний мальчик с дырой в животе — встал и бродит в изоляторе.

Зимин положил рапорт в стопку. Лицом вниз. К остальным.

Рапорт №148. Пост «Западный-7». 08:15. Группа из пяти человек. Пешие. Пытались пересечь периметр через лесополосу. Обнаружены дроном. Предупредительный огонь. Трое повернули назад. Двое продолжили. Огонь на поражение. Нейтрализованы.

Нейтрализованы. Слово, которое не имеет лица, возраста, имени. Чистое, стерильное, военное.

Рапорт №149. №150. №151.

Зимин читал. Складывал. Лицом вниз. Не считал. Если считать — сломаешься. А ломаться нельзя. Потому что четыре тысячи человек на периметре делают то, что приказывает Зимин. А Зимин делает то, что приказывает Москва. Цепочка. Машина.

Четыре часа дня. Звонок.

Спутниковый телефон. Зимин знал кто — номер один в списке.

— Зимин.

— Харитонов. Доклад.

— Периметр стабилен. Прорывов — ноль. Заражение внутри города — растёт. По оценкам — до восьмидесяти тысяч заражённых на улицах. Живых — предположительно восемьдесят-сто тысяч. Учёные работают.

— Результат?

— Нет. Карелин говорит — нужны месяцы.

— Месяцев нет.

Тишина. Помехи на линии. Далёкий треск.

— Полковник, — голос Харитонова изменился. Стал тише. Не мягче — тише. Как будто не хотел, чтобы кто-то услышал. — Обстановка изменилась. Совет безопасности заседал час назад. Решение: «Рубеж» может быть инициирован досрочно.

Зимин молчал.

— Не в полдень завтра. Раньше. Возможно — на шесть часов раньше. Шесть утра.

— Шесть утра, — повторил Зимин. Голос — ровный. Руки — нет.

— Подготовьте всё. Эвакуация периметра — за два часа до удара. Ваши люди должны быть в безопасности.

— А люди в городе?

Пауза. Длинная.

— В городе нет людей, полковник. Есть заражённая зона. Объект подлежит стерилизации.

— Там сто тысяч...

— Полковник. — Голос — жёсткий. Командный. — Вы получили приказ. Выполняйте.

Щелчок. Гудки.

Зимин положил трубку. Сидел. Смотрел на телефон. На карту. На снимки — лицом вниз, в стопке.

Шесть утра. Не полдень. Шесть утра. Они срезали шесть часов. Просто — срезали. Как лишнее. Как ненужное. Шесть часов, в которые сто тысяч человек ещё могли бы жить.

Зимин встал. Вышел из штаба. Через коридор, через дверь, на улицу. Холодный воздух — мокрый, ноябрьский, с запахом хвои и дыма. Лес. Тишина. Далёкий гул генератора.

Он достал из кармана пачку сигарет. Мятую, старую. Лежала в кармане кителя — забытая, с прошлой жизни. Бросил десять лет назад. Жена заставила. Сказала — или сигареты, или я. Он выбрал жену.

Зажигалка — щелчок, пламя. Затянулся. Глубоко, до дна лёгких. Голова закружилась — отвык. Никотин ударил в мозг, в виски, в глаза.

Стоял и курил. Смотрел в сторону города. Не видел — далеко, за лесом, за полями. Но знал направление. Чувствовал. Как чувствуешь костёр — не видишь, но тепло.

Тридцать тысяч. Может, больше. Сидят в квартирах, в подвалах, на чердаках. Ждут помощи. Ждут, что кто-то придёт и спасёт. Не

знают, что спасение отменено. Что вместо спасателей прилетят бомбы. Что вместо «мы пришли» будет «стерилизация объекта».

Зимин докурил. Бросил окурок в лужу. Зашипело.

Постоял ещё секунду. Две. Потом — развернулся. Вошёл в здание. Лицо — каменное. Спина — прямая. Полковник Зимин. Командующий операцией «Барьер». Машина работает.

Он сел за стол. Открыл блокнот. Записал:

«Эвакуация периметра — 04:00. "Рубеж" — 06:00. Готовность подтвердить к 22:00.»

Закрыл блокнот.

Потом — открыл снова. Перелистнул страницу. На чистом листе — ничего. Белая бумага, разлинованная, казённая.

Зимин взял ручку. Подержал. Положил обратно.

Хотел написать жене. Не по телефону — на бумаге. Как раньше, когда был в командировках. «Привет, Наташ. У меня всё нормально. Скоро приеду.» Привычные слова. Правильные слова. Слова, за которыми можно спрятаться.

Не написал. Не смог. Потому что «всё нормально» — враньё. А врать Наташе он не умел. Тридцать лет врал начальству, подчинённым, себе — а ей не умел.

Закрыл блокнот. Убрал в стол. Вернулся к карте.

Красные булавки. Синие булавки. Жёлтые.

Жёлтых — ещё меньше, чем утром.

Восемь вечера. Последний доклад.

Связист принёс сводку с постов. Зимин читал. Привычно, быстро, без эмоций.

Пост «Северный-2»: активность на периметре — низкая. Двое заражённых подошли к заграждению, остановлены огнём.

Пост «Восточный-5»: попытка прорыва, одиночный, мужчина на велосипеде. Остановлен предупредительным огнём. Вернулся в город.

Пост «Южный-1»: без происшествий.

Рутина. Машина. Посты докладывают — Зимин принимает. Посты стреляют — Зимин подтверждает. Цепочка работает. Винтики крутятся.

Зимин отложил сводку. Потянулся к ноутбуку. Открыл архивный файл — присланный с Москвы, по защищённому каналу. Реестр объектов программы «Лазарь».

Берег-1. Мурманская область. Статус: законсервирован, 1991.

Берег-2. Саратовская область. Статус: законсервирован, 1993.

Берег-3. Красноярский край. Статус: законсервирован, 1989.

Берег-4. Нижегородская область. Статус: активен. Штат: 12 человек. Последняя проверка: март 2024.

Четыре объекта. Четыре хранилища с Н-17. Один — прохудился. Три — стоят в лесах по всей стране. Законсервированные. С клапанами, которые не менялись тридцать лет. С датчиками, которые показывают норму, потому что сами давно мертвы.

Зимин закрыл файл. Закрыл ноутбук. Закрыл глаза.

Три объекта. Три города рядом. Три потенциальных повторения.

Не его проблема. Его проблема — «Рубеж» в шесть утра. Десять часов.

Он открыл глаза. Нажал кнопку рации.

— Всем постам. Говорит «Первый». Приказ: начать подготовку к эвакуации периметра. Эвакуация — в четыре ноль-ноль. Подтвердите получение.

Голоса в рации. Один за другим. «Принял. Принял. Принял.»

Двадцать восемь постов. Четыре тысячи человек. Через десять часов они уйдут. Отступят на безопасное расстояние. А город N — город на триста тысяч, с пятиэтажками и девятиэтажками, с трамваями и школами, с парком и рекой, с людьми, которые ещё живы, — перестанет существовать.

Зимин сидел за столом. Перед ним — блокнот, карта, стопка рапортов лицом вниз.

Десять часов.

Он достал пачку сигарет. Вытащил одну. Покрутил в пальцах. Сломал. Бросил в мусорное ведро.

Десять часов.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 24

Будильник не прозвенел. Будильников больше не было.

Антон проснулся сам — внутренние часы, выработанные годами ночных дежурств. Четыре тридцать. Темно. Тихо. Двадцать пять человек спали — на матах, на полу, на диване, друг на друге. Дышали, сопели, бормотали. Живые звуки в мёртвом городе.

Он встал. Тронул Сергея за плечо. Тот открыл глаза мгновенно — как не спал.

— Время, — прошептал Антон.

— Понял.

Будили тихо, по одному. Сергей — Максима и Игоря. Антон — Алексея. Лена проснулась сама — села, посмотрела вокруг. Сразу встала, пошла проверять Ольгу.

Ольга — лучше. Температура упала за ночь, антибиотик работал. Бледная, слабая, но на ногах. Ксюша спала рядом, вцепившись в мамину руку.

Тамара Андреевна проснулась раньше всех. Сидела в темноте, в кресле у стены, и ждала. Когда Антон подошёл — кивнула. Встала. Пошла будить детей.

Она делала это так, как будто всю жизнь будила детей в четыре утра перед походом. Тихо, спокойно, по имени. Рука на плече, лёгкое покачивание.

— Костя. Просыпайся. Тихо. Мы идём.

— Даша. Вставай. Помоги Ане одеться.

— Миша. Подъём. Молча.

Дети просыпались — мутные, испуганные, тёплые после сна. Но не плакали. Не кричали. Три дня — и они научились главному правилу нового мира: тишина.

Поля — девочка в розовой куртке — не проснулась сразу. Тамара Андреевна гладила её по голове, шептала. Поля открыла глаза. Посмотрела. Начала раскачиваться. Тамара Андреевна села рядом, обняла. Тихо, крепко. Поля замерла. Перестала. Вцепилась в кофту Тамары Андреевны и не отпускала.

— Я рядом, — прошептала Тамара Андреевна. — Всю дорогу.

Ваня не спал. Сидел в углу — глаза открытые, блестят в темноте. На коленях — рыжий кот. Мурчал. Рядом — Галина Петровна. Тоже не спала. Сидела, как статуя. Ждала.

Максим подошёл к ней. Присел.

— Мам. Мы идём. Далеко. Ты сможешь?

Галина Петровна посмотрела на него. Молча. Потом — впервые за три дня — заговорила.

— Я в шестьдесят первом году прошла от Мурома до Владимира пешком. Шестьдесят километров. Мне было семнадцать и у меня были каблуки. — Голос — хриплый, тихий, ржавый от молчания. — Дойду.

Максим смотрел на неё. Мать. Шестьдесят один год, больные колени, лишний вес. Женщина, которая вырастила его одна, без жалоб, без слёз. Которая последние три дня сидела и молчала — не от слабости, а потому что слов не было. Теперь — нашлись.

— Дойду, — повторила она. — Не стой. Собирайся.

Максим встал. Отвернулся. Сглотнул.

Сборы — пятнадцать минут.

Рюкзаки — пять штук. Еда, вода, аптечка, запасная одежда. Распределили по весу: Сергей и Алексей — самые тяжёлые. Антон — средний, плюс оружие. Максим — средний, плюс мать, если понадобится. Игорь — лёгкий, но бита свободна.

Дети — без рюкзаков. Только карманы: по сухарю, по дольке шоколада, по маленькой бутылке воды. На случай если группа разделится. Тамара Андреевна придумала — каждый ребёнок несёт на себе минимум, чтобы выжить день. Страховка.

Ваня — особый случай. Рюкзак — маленький, школьный, найденный в квартире. Внутри — рыжий кот. Голова торчала из расстёгнутой молнии, жёлтые глаза смотрели на мир с выражением космического недовольства. Кот — молчал. Как будто понимал.

Лена посмотрела на эту конструкцию и впервые за день — улыбнулась. Маленькая, кривая, на полсекунды. Но — улыбка.

Оружие. Антон — пистолет, девять патронов. Максим — пистолет, семь. Сергей — монтировка. Алексей — топорик. Игорь — бита. Лена — нож. Тамара Андреевна — ничего. Она посмотрела на Антона. Тот понял. Дал ей из кухни разделочный нож — большой, тяжёлый, с деревянной ручкой.

— На крайний случай, — сказал он.

— На крайний, — согласилась она. Убрала в карман кофты. Как ручку. Как расчёску. Буднично.

Катя одевала Вику и Артёма. Двойные носки, свитера, куртки. Вика — серьёзная, молчаливая, помогала брату застегнуть молнию. Артём — сонный, хныкал, не понимал.

— Мы идём домой? — спросил он.

Катя замерла.

— Мы идём в безопасное место, — сказала она. — Далеко. Но там будет лучше.

— А потом домой?

— Потом — да.

Враньё. Дома больше нет. К полудню — если Сергей прав, если военные не передумали — дома не будет вообще. Ничего не будет. Но Артёму восемь лет, и ему нужно верить, что «потом — домой».

Пять сорок пять. Пятнадцать минут до выхода.

Антон собрал взрослых в коридоре. Шёпотом.

— Порядок движения. Сергей и Игорь — голова, дистанция двадцать метров перед группой. Я — в центре, с основной колонной. Тамара Андреевна — среди детей. Лена — рядом с Ольгой и малышами. Катя и Настя — помогают. Максим — с матерью и Ваней, подвижный. Алексей — хвост, замыкающий.

Кивки.

— Правила. Тишина — абсолютная. Никаких разговоров, никакого шёпота. Сигналы — жесты. Рука вверх — стоп. Махнул вперёд — идём. Два хлопка — опасность, к стене. Три — бежим. Если кто-то из детей заплачет или закричит — Тамара Андреевна, это на тебе.

— Не заплачут, — сказала она.

— Если встретим их — обходим. Всегда. Бой — только если нет выбора. Шестнадцать патронов — на весь маршрут. Каждый выстрел — звук, каждый звук — ещё больше этих тварей.

— А если встретим людей? — спросил Игорь. — Живых. С завода.

Антон помолчал.

— Стараемся избежать контакта. Если не получится — я говорю, остальные молчат. Мы — группа выживших, идём на юг. Без подробностей.

— А если не отпустят?

Антон посмотрел на Сергея. Сергей — на Алексея. Алексей — на свой топорик.

— Разберёмся, — сказал Антон.

Не ответ. Но другого не было.

Шесть ноль-ноль.

Дверь квартиры — открыта. Баррикада — разобрана. Холодильник отодвинут. Комод, стол — в стороны. Выход свободен.

Максим стоял в дверях. Последний. Смотрел назад — в квартиру, в которой они прожили двое суток. Чужую квартиру, ставшую домом. Свечи — погашены. Мат на полу, одеяла, пустые банки от тушёнки. Детские рисунки на стене — чужие, того ребёнка, который жил здесь раньше. Обои в цветочек. Тишина.

Он выключил газ. Повернул вентиль на плите. Закрыл кран. Зачем — не знал. Привычка. Уходишь — выключи газ. Даже если уходишь навсегда. Даже если через шесть часов квартиры не будет.

Закрыл дверь. Тихо.

Лестница. Восемь этажей вниз. В темноте.

Сергей — первый. Фонарик — прикрыт ладонью, тонкий луч красного света. Красный не привлекает — Сергей знал, армейская привычка. За ним — Игорь. За Игорем — дети, парами, по одному на площадку. Тамара Андреевна — считала ступеньки шёпотом: «Раз, два, три, четыре, площадка, поворот.» Дети слушали её голос и шли. Как слепые за поводырём.

Восьмой этаж. Седьмой. Шестой.

Пятый. Алексей шёл замыкающим. Фонарик — выключен, шёл на ощупь. Рука по стене. Пальцы наткнулись на что-то. Липкое. Засохшее. Бурый след — тот самый, от перил до двери. Кто-то полз здесь в первую ночь. Или кого-то тащили.

Он убрал руку. Вытер о штаны. Пошёл дальше.

Четвёртый. Третий. Второй.

Первый этаж. Дверь квартиры слева — та, что была приоткрыта, когда они поднимались два дня назад. Антон тогда закрыл её. Сейчас — снова приоткрыта. Щель. Темнота внутри. И звук — тихий, ритмичный. Стук. Кто-то стучал по стене изнутри. Медленно, монотонно. Не пытался выйти — просто стучал. Бессмысленно, как метроном.

Дети прошли мимо. Не услышали — или сделали вид. Тамара Андреевна шла рядом, рука на плече Поли. Считала: «...три, четыре, площадка. Дальше — дверь. Выходим.»

Подъезд. Дверь на улицу. Сергей выглянул. Секунда. Две. Три.

— Чисто, — одними губами.

Они вышли.

Город встретил их холодом.

Ноябрь. Четвёртое утро. Темнота — не полная, предрассветная. Небо на востоке — чуть светлее, грязно-серое, как старая простыня. Звёзд нет — облака. Воздух — влажный, холодный, с привкусом гари и чего-то сладкого. Гниение. К четвёртому дню город начинал пахнуть. Не везде — но на улице, где стояли машины с открытыми дверями и лежали тела, которые никто не убрал, — пахло.

Ворошилова. Пустая. Фонари — мёртвые, электричество кончилось вчера. Единственный свет — небо. Серое, слабое, но достаточно, чтобы видеть силуэты домов, машин, деревьев.

И силуэты на улице.

Зомби. Четверо — в ста метрах, у трамвайной остановки. Стояли. Не двигались. Ночью они замедлялись — холод, отсутствие стимулов. Не засыпали — не могли, — но замирали. Как рептилии. Ждали тепла, звука, движения.

— Тихо, — жестом показал Сергей. — Вдоль стены. Не останавливаемся.

Колонна двинулась. Двадцать пять теней вдоль фасада девятиэтажки. Маленькие тени — дети. Большие — взрослые. Тихие, бесшумные, как призраки.

Галина Петровна шла. Медленно — но шла. Максим рядом, рука под локтем. Она отвела его руку. Молча. Сама. Колени болели — видно по лицу, по сжатым губам, по тому, как она ставила ноги. Но шла. Каждый шаг — усилие. Каждый шаг — победа. Шестьдесят один год и четыре дня ада — а она шла.

Ваня — рядом с ней. Рюкзак на спине, из которого торчала рыжая голова кота. Кот смотрел по сторонам — молча, серьёзно, как часовой. Ваня держал Галину Петровну за полу пальто. Не за руку — за полу. Как маленький. Как будто ему не семь, а три.

Она не отдёрнула. Шли вместе.

Первые двести метров — чисто. Четвёрка у остановки не шевельнулась. Прошли.

Поворот — с Ворошилова во дворы. Сергей знал маршрут: через двор тридцатого дома, арка, Комсомольская — нет, не Комсомольская, обход — через гаражи на Заводскую. Мимо завода — далеко, по другой стороне.

Двор. Детская площадка — качели, горка, песочница. Знакомые качели — они скрипели на ветру два дня назад, когда Алексей проезжал мимо на «Ниве». Сейчас — не скрипели. Ветра не было. Тишина.

На горке — фигура. Маленькая. Сидела на вершине горки, ноги свисали. Ребёнок. Лет десять. В школьной форме — чёрные брюки, белая рубашка. Рубашка — бурая от крови. Голова — набок, под неестественным углом. Шея сломана. Но сидел. Сидел на горке и смотрел в темноту. Мёртвыми глазами.

Тамара Андреевна увидела первой. Не дрогнула. Встала между детьми и горкой. Загородила. Руки — на плечах ближайших, Даши и Кости.

— Смотрим вперёд, — прошептала она. — Только вперёд.

Прошли. Ребёнок на горке не пошевелился. Сидел и смотрел. В никуда.

Заводская. Полчаса от дома.

Светало. Небо — серое, но уже не чёрное. Контуры зданий чётче, дальше видно. Хорошо и плохо — они видят дальше, но и их видно дальше.

Промзона начиналась за железнодорожным переездом. Рельсы — ржавые, мокрые. Шлагбаум — поднят, застыл. Будка стрелочника — пустая, дверь хлопала на ветру.

За переездом — заводы, склады, ангары. Бетонные заборы, колючая проволока по верху. Трубы, цистерны, ржавые вагоны на путях. Мёртвая промзона — мёртвая ещё до апокалипсиса. Заводы закрылись давно, в девяностые, в нулевые. Только «Регион-Опт» работал — склад, где вчера они нашли еду.

Здесь — тише. Меньше жилых домов, меньше людей жило — меньше умерло. Зомби попадались одиночные — бродили между ангарами, медленные, бесцельные. Обходили.

Сергей вёл уверенно. Знал промзону — бегал здесь, когда служил, полигон был рядом. Каждый забор, каждый проезд. Вёл колонну тропами, о которых знали только местные — через дыру в заборе завода, через пустой цех с провалившейся крышей, через задний двор склада.

Дети шли. Молча, парами. Устали — видно по лицам, по шаркающим ногам. Но шли. Матвей снова на руках Насти — девочка несла его, стиснув зубы, пот на лбу. Игорь забрал у неё мальчика — посадил на плечо. Матвей вцепился в его голову и замер.

Ольга шла — с Леной под руку. Медленнее остальных, но шла. Ксюша — рядом, держала мать за полу куртки. Как Ваня — Галину Петровну.

Алексей шёл замыкающим. Оглядывался каждые десять секунд. Позади — пусто. Никто не шёл за ними. Пока.

Они прошли два километра, когда Сергей поднял руку.

Стоп.

Колонна замерла. Мгновенно, без звука. Три дня тренировки — и двенадцать детей останавливались как один механизм.

Сергей стоял у угла кирпичного здания — бывший цех, стены без окон. Смотрел за угол. Потом — повернулся. Лицо — каменное.

Жестом подозвал Антона. Тот подошёл. Выглянул.

Впереди — открытое пространство. Заводской двор — бетонная площадка, метров пятьдесят на пятьдесят. Ржавые контейнеры, поддоны, бочки. И посередине — машина. «УАЗ», тёмно-зелёный, армейский. Рядом — трое мужчин.

Вооружены. У одного — охотничье ружьё, двустволка. У второго — арматура, длинная, с загнутым концом. У третьего — нож на поясе и рация в руке.

Они не бродили. Стояли. Курили. Разговаривали — тихо, лениво. Караул. Патруль. Контролировали территорию.

На борту «УАЗа» — надпись. Белой краской, от руки:

КРЕПОСТЬ.

— Люди с завода, — прошептал Сергей. — Патруль. Прямо на нашем маршруте.

— Обход?

Сергей посмотрел налево. Забор — бетонный, два с половиной метра, колючка сверху. Направо — ангар, за ним — неизвестно. Назад

— полкилометра по открытой дороге, с двенадцатью детьми. На виду.

— Нет обхода, — сказал он. — Забор справа, забор слева. Единственный проход — через этот двор.

Антон посмотрел на патруль. Трое. Ружьё, арматура, нож. УАЗ — значит, мобильные, могут вызвать подкрепление. Рация — значит, связь с заводом.

— Можем подождать, — прошептал Алексей, подойдя сзади. — Пока уедут.

— Могут не уехать, — сказал Сергей. — Это стационарный пост. Контролируют проход в промзону.

— Тогда что?

Антон думал. Десять секунд. Двадцать. Позади — двадцать пять человек, из которых двенадцать детей. Впереди — трое с оружием. Время — идёт. Каждая минута — минута ближе к «Рубежу», о котором они не знают.

— Я пойду, — сказал Антон. — Один. Поговорю.

— В прошлый раз ты тоже пошёл поговорить, — сказал Алексей. Тихо. — В аптеку.

Антон посмотрел на него. Потом — на Сергея.

— Другого выхода нет. Мы не можем убить троих бесшумно. Мы не можем обойти. Мы не можем ждать.

— Я иду с тобой, — сказал Сергей.

— Нет. Если что-то пойдёт не так — ты ведёшь группу назад и ищешь другой маршрут. Без меня.

Сергей сжал челюсть. Не спорил. Логика — та же, что утром. Командир — последний, кого теряют.

Антон снял рюкзак. Расстегнул кобуру — пистолет в руке, но опущен, не направлен. Вышел из-за угла.

Открыто. Руки на виду. Пистолет — в правой, стволом вниз.

— Эй! — негромко. — Свои. Не стреляйте.

Трое повернулись. Мгновенно. Ружьё — вверх, на Антона. Арматура — перехвачена. Третий — рука на рации.

— Стоять! — крикнул тот, с ружьём. — Кто такой?

— Антон Кравцов. Полиция. Выжившие. Идём на юг.

— Сколько вас?

Антон помедлил. Врать — опасно. Если увидят детей — хуже.

— Группа. С детьми. Нам нужно пройти. Мы не ищем проблем.

Тот, с рацией, посмотрел на того, с ружьём. Переглянулись. Рация — к губам.

— База, это «третий пост». Тут люди. Группа. С детьми. Мент с пушкой. Говорит — идут на юг. Что делать? Приём.

Шипение. Треск. Секунда. Три. Пять.

Потом — голос. Из рации. Низкий, густой, спокойный. Голос человека, который привык, что его слушают.

— Сколько их?

— Не знаю. Говорит — группа с детьми.

Пауза.

— Пусть ждут. Еду.

Щелчок. Тишина.

Тот, с ружьём, посмотрел на Антона.

— Стой где стоишь. Сейчас подъедет старший.

Антон стоял. Пистолет — опущен. За углом — двадцать четыре человека, которые ждали и не дышали.

Далеко — звук мотора. Приближался. Тяжёлый, дизельный.

Из-за ангара вывернул грузовик. «ГАЗ-66» — военный, тентованный, грязный. Остановился. Дверь кабины открылась.

Вышел человек.

Большой. Не высокий — широкий. Плечи, как дверной проём. Шея — бычья, толстая. Голова — бритая, круглая. Лицо — плоское, широкое, с маленькими глазами, утопленными в мясистых щеках. Куртка — кожаная, чёрная, тесная на нём. Под курткой — тельняшка. На поясе — два ножа. В руке — ничего. Ему не нужно было оружие в руках. Он сам был оружие.

Он шёл медленно. Тяжело. Земля как будто прогибалась под ним. Подошёл к Антону. Встал. Смотрел сверху вниз — на голову выше. Маленькие глазки — цепкие, умные, внимательные. Не бычьи — волчьи.

— Мент, значит, — сказал он. Голос — тот самый, из рации. Низкий, спокойный, привыкший командовать. — Много вас?

— Двадцать пять. Двенадцать детей.

Он не удивился. Не обрадовался. Смотрел.

— Куда идёте?

— На юг. К реке.

— Зачем?

— Уходим из города.

Маленькие глаза сузились. Не улыбка — оценка.

— Из города не уйти, мент. Периметр. Стреляют. Или ты не знаешь?

— Знаю. Найдём дыру.

— Дыру, — повторил он. — С двенадцатью детьми. Через периметр. — Он хмыкнул. — Смелый. Или дурной. А может, и то и то.

Он помолчал. Посмотрел за спину Антона — туда, где за углом пряталась группа.

— У меня другое предложение, — сказал он. — Завод. Стены, крыша, жратва, оружие. Генератор. Тепло. Безопаснее, чем бегать по городу с мелкими.

— На каких условиях?

— Простых. Я — главный. Мои правила. Мои люди слушаются — и живут. Не слушаются — не живут. — Он пожал плечами. Просто. Без угрозы. Факт. — Дети — в безопасности. Еда — на месяц. Врач есть?

— Медсестра.

— Пойдёт. Мне нужна медсестра. И люди нужны — мужики, крепкие. Носить, строить, охранять. Бабы — готовить. Всем найдётся дело. — Он снова посмотрел на Антона. — Ну? Нормальное предложение.

Антон молчал. Думал. Стены, еда, тепло. Для детей — лучше, чем двенадцать километров по городу. Для Ольги — лучше, чем идти на ногах, которые не держат. Для Галины Петровны — лучше, чем колени на двенадцать километров.

Но — «я главный, мои правила, мои люди». И два ножа на поясе. И глаза — маленькие, умные, волчьи. И тон — не просьба, не предложение. Приказ, завёрнутый в вежливость.

— Как вас зовут? — спросил Антон.

Человек усмехнулся. Одним углом рта.

— Кабан, — сказал он. — Все зовут Кабан.

Он протянул руку. Большую, как лопата. Ждал.

Антон смотрел на руку. На лицо. На два ножа. На грузовик за спиной. На троих с ружьём.

За углом — двадцать четыре человека. Двенадцать детей. Больная женщина. Старуха с больными коленями. Мальчик с котом. Девочка,

которая раскачивается. Пятилетний Матвей, который спит на плече учителя физкультуры.

Двенадцать километров. Или тёплый завод.

Рука Кабана ждала.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 25

Рука Кабана висела в воздухе.

Большая, широкая, с короткими толстыми пальцами. Костяшки — сбитые, белые рубцы. Руки человека, который бил ими всю жизнь. Не по мешку в спортзале — по лицам.

Антон не пожал.

— Спасибо за предложение, — сказал он. — Но мы идём дальше. На юг. К реке.

Кабан не убрал руку сразу. Подержал секунду. Две. Потом — опустил. Медленно. Без обиды. Без злости. Как человек, который знал ответ заранее.

— К реке, — повторил он. — Через периметр. С мелкими.

— Да.

— И ты думаешь — пройдёшь.

— Попробую.

Кабан смотрел на него. Маленькие глазки — внимательные, спокойные. Потом — усмехнулся. Не рот — глаза. Что-то мелькнуло в них. Не злость, не уважение — скорее, удовольствие. Как у человека, который смотрит на муху, бьющуюся в стекло.

— Смелый, — сказал Кабан. — Или дурной. Ладно. Проход свободный. Но не бесплатно.

— Что хочешь?

— Еда. Что несёте — половину. И рацию.

— Нет. Еда — на двенадцать детей. Рация — наша связь. Без неё мы слепые.

— Тогда — пушку.

— Нет.

Кабан качнулся на каблуках. Руки — в карманы. Смотрел.

— Упрямый мент, — сказал он. Тихо, почти ласково. — Хорошо. Тогда — информация. Расскажи, что знаешь. Про военных, про периметр, про всё. И проходите.

Антон думал. Секунду. Информация — не еда, не оружие. Слова. Можно рассказать часть — про периметр, про посты. Не про «Рубеж». Не про таймер. Частичная правда.

— Город оцеплён, — сказал Антон. — Полный периметр. Федералка, объездная, просёлки. Четыре тысячи солдат. БТР, колючка, прожектора. Стреляют по всему, что движется. Без предупреждения.

— Это я знаю, — сказал Кабан. — Дальше.

— На юго-западе — слабее. Лесной массив, река. Патрули реже, дроны не везде. Можно пройти.

— Может быть, — сказал Кабан. — А может — нет. — Он помолчал. — Что-нибудь ещё? Что-нибудь, что ты не хочешь говорить?

Антон смотрел ему в глаза. Кабан смотрел в ответ. Двое мужчин, которые оба знали, что другой врёт. Или недоговаривает.

— Нет, — сказал Антон. — Больше ничего.

Кабан кивнул. Не поверил — но принял. Игра.

— Ладно, мент. Проходи. — Он отступил на шаг. Широкий, ленивый. Махнул своим — те опустили ружьё, отошли. — Дорога свободная.

Антон повернулся к углу здания. Махнул. Вперёд.

Колонна вышла из-за угла. Медленно, тихо. Сергей первый — монтировка, взгляд на троих и Кабана. За ним — Игорь с Матвеем на плече. За Игорем — дети. Парами, молча. Тамара Андреевна — среди них, рука на плече Поли. Катя с Викой и Артёмом. Настя вела Ксюшу. Лена — рядом с Ольгой, поддерживая. Максим — с матерью. Галина Петровна шла, сжав губы, каждый шаг — через боль. Ваня — рядом, рюкзак с котом на спине. Алексей — последний.

Кабан стоял и смотрел. Молча. Считал. Двадцать пять голов, из них двенадцать маленьких. Больная женщина. Старуха. Мальчик с котом в рюкзаке. Девочка, которая раскачивается. Библиотекарь в тапочках.

Его люди тоже смотрели. Тот, с ружьём, — с удивлением. Тот, с арматурой, — с жалостью. Третий — просто смотрел.

Кабан не говорил. Стоял, руки в карманах, и смотрел, как двадцать пять человек проходят мимо него. Как караван. Как беженцы. Маленький, жалкий, обречённый караван, идущий через мёртвый город с топориком и девятью патронами.

Потом его взгляд остановился.

На Лене.

Она шла рядом с Ольгой, поддерживала под локоть. Куртка Алексея на плечах, мокрые волосы, бледное лицо. Маленькая, худая,

вымотанная. Не красивая — сейчас не до красоты. Но — молодая. Живая. Женщина.

Кабан смотрел на неё — спокойно, оценивающе. Не жадно, не похотливо — как смотрят на вещь, которая может пригодиться. На ресурс. Три секунды. Четыре. Запомнил. Отвернулся.

Алексей видел.

Шёл замыкающим, смотрел назад — и видел, как Кабан смотрит на Лену. Три секунды, четыре — и этого хватило. Внутри — поднялось что-то. Не злость. Не страх. Что-то глубже, древнее. Из тех времён, когда люди ещё жили в пещерах и дрались палками за своих женщин. Первобытное, звериное, тёмное.

Он сжал рукоятку топорика. Костяшки побелели. Прошёл мимо Кабана — не глядя, не оборачиваясь. Но спиной чувствовал взгляд. Тяжёлый, спокойный, запоминающий.

Колонна прошла через двор. Мимо «УАЗа» с надписью «КРЕПОСТЬ». Мимо троих с оружием. В арку между ангарами — на другую сторону.

Уже за аркой — голос Кабана. Негромкий, но слышный. Как будто специально — чтобы услышали.

— Мент! Если передумаешь — мы на заводе. Двери открыты. — Пауза. — Торопитесь куда-то. Зря. Скоро торопиться будет некуда.

Антон не обернулся. Никто не обернулся. Шли.

Когда арка осталась позади и Кабан исчез из вида, Сергей догнал Антона. Шёл рядом, молча. Потом сказал — тихо, одними губами:

— Приятный мужик. Я бы с ним водки не пил.

Антон не улыбнулся. Но выдохнул. Впервые за десять минут — выдохнул.

За арками — промзона тянулась дальше. Заводы, склады, пустыри. Колонна шла по разбитой бетонной дороге, мимо ржавых ворот и заборов с облупившимися табличками: «ЗАО "Промтехснаб"», «Склад №4», «Посторонним вход воспрещён».

Посторонних не было. Никого не было. Ни живых, ни мёртвых. Промзона — пустыня. Только ветер, дождь и запах — ржавчина, мазут и сладкое. Трупное. Откуда-то из-за забора. Не видно — но чувствуется. Воздух стал гуще к четвёртому дню. Как будто город пропитался смертью, и теперь она сочилась отовсюду — из подвалов, из канализации, из щелей.

Костя — двенадцатилетний, серьёзный — шёл в паре с Дашей. Молчал, как и все. Потом тихо, одними губами:

— Даш, у тебя сухарь остался?

— Съела.

— Весь?

— Половину. Вторую Ане отдала.

Костя помолчал. Кивнул. Достал из кармана свой сухарь — целый, нетронутый. Разломил. Половину протянул Даше. Та посмотрела. Взяла.

— Спасибо.

— Не за что.

Двенадцать лет. Делит последний сухарь. Не потому что герой — потому что так правильно. Потому что Тамара Андреевна научила: команда не бросает своих. И двенадцатилетний Костя это понял — за три дня — лучше, чем некоторые взрослые за всю жизнь.

Настя несла Матвея — снова. Игорь забрал его на полчаса, но мальчик проснулся, захныкал, потянулся к Насте. Привык. Четырнадцать лет — а для пятилетнего Матвея она стала мамой. Временной. Может, постоянной. Если настоящая мама не найдётся.

— У тебя спина не болит? — тихо спросила Лена, поравнявшись с ней.

Настя посмотрела. Лицо — серое от усталости, губы потрескавшиеся. Тёмные волосы — грязные, собранные в хвост.

— Болит, — сказала она. — Но он лёгкий.

— Давай понесу.

— Нет. Он заплачет. Он только ко мне идёт.

Лена кивнула. Молча полезла в рюкзак, достала таблетку ибупрофена. Протянула Насте.

— Выпей. Поможет со спиной.

Настя проглотила без воды. Кивнула. Пошла дальше. Матвей — на плече, голова свесилась, спал. Пятилетний мальчик, который спал на плече четырнадцатилетней девочки посреди апокалипсиса. Как будто так и надо.

Ольга шла.

Это было чудо — маленькое, тихое, некрасивое. Она шла. Температура — тридцать семь и пять, антибиотик давил инфекцию.

Ноги — ватные, слабые. Лицо — серое, мокрое от пота. Но шла. Лена — под правую руку. Ксюша — слева, маленькая рука в маминой.

Каждые десять минут Лена проверяла — пульс, температура на ощупь, дыхание.

— Как? — шёпотом.

— Нормально.

— Не ври.

Ольга посмотрела на неё. Бледная улыбка — первая за три дня.

— Плохо. Но иду.

— Скажешь, если не сможешь.

— Не скажу. Потому что смогу. У меня дочь.

Лена не спорила. Знала этот взгляд — видела в больнице, в прошлой жизни. Взгляд матери, которая встанет с любой постели, пойдёт через любую боль — если ребёнок рядом. Не героизм. Биология. Нерушимая, как гравитация.

Галина Петровна шла.

Это было второе чудо. Молча, упрямо, стиснув зубы. Колени — видно, как она ставит каждую ногу: осторожно, как на битое стекло. Больно. Каждый шаг — больно. Но — шла.

Максим рядом — рука наготове, подхватить. Она не позволяла. Отводила его руку. Сама.

Ваня шёл рядом. Рюкзак с котом. Кот высунул голову, смотрел на мир жёлтыми глазами. Один раз мявкнул — тихо, вопросительно. Ваня положил руку на рыжую голову. Кот замолчал.

Галина Петровна посмотрела на мальчика. На кота. Потом — вперёд, на дорогу.

— Ваня, — тихо сказала она. — Считай шаги. Со мной. Раз, два, три, четыре...

Ваня не ответил. Но губы — шевельнулись. Беззвучно. Раз, два, три, четыре.

Они считали вместе. Молча. Бабушка и мальчик. Шаг за шагом.

Три километра от дома. Полтора часа ходьбы. Половина промзоны позади.

Антон остановил колонну у заброшенного склада — кирпичное здание без крыши, стены стоят, внутри — сухо. Привал. Десять минут. Дети — на пол, на бетон, на доски. Ноги гудели. Матвей проснулся, захныкал. Настя дала ему воды — из бутылки, глоточками.

— Можно пописать? — прошептала Аня. Десять лет, стеснительная, покраснела.

— Конечно, — сказала Тамара Андреевна. — За стеной. Даша, сходи с ней.

Две девочки — за угол. Тамара Андреевна стояла на страже. Буднично. Нормально. Как будто это школьный поход и девочки отошли в кусты.

Игорь сидел на бетонном блоке, вытянув ноги. Снял кроссовку, посмотрел. Мозоль на пятке — лопнувшая, красная. Поморщился. Натянул обратно. Посмотрел на Сергея.

— Далеко ещё?

Сергей прикинул.

— Километров семь до реки. Четыре — через промзону. Потом — железка, поля, лес.

— Часа три?

— С детьми — четыре. Может пять.

Игорь посмотрел на часы. Семь тридцать.

— К полудню дойдём.

— Если ничего не случится, — сказал Сергей.

— Что-нибудь обязательно случится.

— Да. Обязательно.

Игорь усмехнулся. Криво, одним углом. Первая усмешка за весь день.

— Знаешь, — сказал он тихо, — я три года вёл секцию баскетбола. Двенадцать пацанов, десять-двенадцать лет. Шалопаи, бандиты, ни одного спокойного. Каждую тренировку — кто-то подрался, кто-то заплакал, кто-то убежал. Я думал — это ад. — Он посмотрел на детей. На двенадцать тихих, молчаливых, послушных фигурок на бетонном полу. — Оказалось — тот ад был раем.

Сергей хмыкнул.

— Привал окончен, — сказал Антон. — Поднимаемся. Идём.

Промзона кончилась через километр.

Забор — последний, бетонный, с дырой, через которую Сергей провёл колонну. За забором — пустырь. Мокрая земля, бурьян по колено, битый кирпич. И — рельсы.

Железная дорога. Два пути — ржавые, заросшие, но целые. Шпалы — бетонные, между ними — щебень и лужи. Переезд — нет,

просто открытое пространство. Рельсы шли с востока на запад, пересекая маршрут.

Сергей вышел на пустырь первым. Остановился. Посмотрел налево. Направо.

Поднял руку. Стоп.

Антон подошёл. Посмотрел.

Направо — чисто. Рельсы уходили вдаль, в туман. Пусто.

Налево — нет.

На рельсах и между путями — фигуры. Много. Не десять, не двадцать. Сотня. Может, больше. Стояли, покачивались, бродили. Медленно, бессмысленно. Толпа — плотная, от рельсов до рельсов, метров на двести вглубь. Как будто целый район вышел на прогулку и застрял.

Откуда — понятно. Справа, за путями — посёлок. Железнодорожный, пристанционный. Бараки, двухэтажки, частные дома. Жили при станции — рабочие, пенсионеры, семьи. Теперь — вышли. Все.

Между колонной и дальнейшим маршрутом — сто мертвецов на рельсах.

Антон смотрел. Сергей смотрел. Алексей подошёл, посмотрел.

— Обход? — прошептал Антон.

Сергей покачал головой.

— Слева — болото. Справа — посёлок. Через толпу или никак.

— Через толпу — невозможно. Сто штук. С детьми.

— Знаю.

Тишина. Ветер. Запах — мокрая земля, ржавчина, гниль.

Двадцать пять человек стояли за забором и смотрели на сотню мертвецов, которые стояли между ними и жизнью.

Семь пятьдесят утра. Солнце — бледное, ноябрьское — поднималось за облаками. Не грело. Просто светило. Одинаково — для живых и для мёртвых.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 26

Сто мертвецов на рельсах.

Алексей стоял у дыры в заборе и считал. Бессмысленно — после пятидесяти сбился, — но считал. Привычка. Когда не знаешь, что делать, — считай. Хотя бы знаешь масштаб проблемы.

Масштаб — большой.

Они стояли плотно — не толпой, но густо. Бродили между путями, между ржавыми вагонами, по шпалам. Некоторые — сидели. Прямо на рельсах, как пассажиры, ждущие поезд. Поезд не придёт. Они не знали. Не могли знать.

Запах — густой, плотный, осязаемый. Четвёртый день. Тела разлагались — холод замедлял, но не останавливал. Сладковатая вонь гниения, поверх которой — мокрая земля, ржавчина, мазут с путей. Алексей дышал ртом. Не помогало — запах ложился на язык.

— Не пройдём, — сказал Игорь. Тихо, констатация. — Сто штук. С детьми — невозможно.

— Обход? — Антон посмотрел на Сергея.

— Нет обхода. Говорил уже. Слева — болото, утонем по колено, с детьми — по пояс. Справа — посёлок, там их ещё больше. Только через.

— Через сто зомби.

— Не через. Мимо. Если их увести.

Сергей присел на корточки. Палкой нарисовал на земле — рельсы, два пути, толпу. Крестик — их позиция. Стрелка — маршрут, на юг, через пути, к полю и лесополосе.

— Они реагируют на звук. Мы это знаем. Кирпич работал на двадцать штук. На сотню нужно громче. Намного громче.

— Что громче кирпича? — спросил Игорь.

— Вагон.

Все посмотрели на рельсы. Справа, метрах в ста пятидесяти от толпы, стояла сцепка — три товарных вагона, ржавые, бурые, с облупившейся краской. Стояли на путях, забытые. Может, годы стояли. Может, месяцы. Колёса — в ржавчине. Но рельсы — целые. Если

снять с тормоза — покатятся. Медленно, со скрежетом, но покатятся. И грохот металла по металлу — это не кирпич в витрину. Это гром.

— Нужно двоих, — сказал Сергей. — Дойти до вагонов, отпустить тормоз, толкнуть. Вагоны поедут на восток, от нашего маршрута. Звук уведёт толпу. Окно — минут пять, может десять. Колонна бежит через пути. На ту сторону.

— Бежит, — повторил Антон. — Двенадцать детей. Больная. Старуха. По шпалам.

— Да. По шпалам. Быстро. Или — стоим здесь, пока они не разбредутся сами. А они не разбредутся — там посёлок рядом, они крутятся вокруг него.

Тишина. Дети сидели за забором, тихие, уставшие. Матвей спал на руках Насти. Поля раскачивалась — медленно, ритмично. Ваня — в углу, кот на коленях. Галина Петровна рядом — сидела, глаза закрыты, отдыхала. Но не спала. Губы шевелились — считала. Шаги? Минуты? Молитву?

— Я пойду, — сказал Алексей.

Антон посмотрел на него.

— И я, — сказал Игорь. — Вдвоём быстрее.

— Если вагон застрянет... — начал Антон.

— Не застрянет, — сказал Сергей. — Три вагона — это тонны. Инерция. Даже на ржавых рельсах покатятся, если стронуть. Главное — стронуть.

Алексей посмотрел на Лену. Она стояла у забора, рядом с Ольгой. Смотрела на него. Не сказала «не ходи». Не сказала «будь осторожен». Просто смотрела. Глаза — тёмные, серьёзные, тёплые.

Он кивнул ей. Она кивнула в ответ. Хватило.

Шли вдоль забора. Алексей и Игорь — двое, пригнувшись, тихо. Забор тянулся параллельно путям, метрах в тридцати. Прикрывал. Зомби на рельсах — не видели, не слышали.

Сто метров. Сто пятьдесят. Забор кончился — дальше открытое пространство. От них до вагонов — метров сорок. Между ними и вагонами — ничего. Только мокрая земля и рельсы.

Толпа — левее, метров в семидесяти. Ближайший зомби — мужик в оранжевом жилете, железнодорожник. Стоял у рельса, покачиваясь. Лицо — обглоданное, одного уха нет, на его месте — бурая дыра. Из

кармана жилета торчал свисток — рабочий, на цепочке. Инструмент, который больше не нужен.

— Готов? — прошептал Игорь.

— Да.

Они побежали. Тихо — насколько можно бежать тихо по мокрой земле и щебню. Сорок метров. Тридцать. Двадцать. Десять.

Вагоны. Первый — полувагон, открытый, ржавый. Второй — крытый, с раздвижной дверью, заваренной. Третий — цистерна, маленькая, с надписью «Огнеопасно», буквы — полустёршиеся.

Алексей обошёл первый вагон. Тормозная площадка — сбоку, железная лестница. Поднялся. Ручной тормоз — колесо, ржавое, тугое. Схватился, повернул. Не поддалось. Ещё раз. Ржавчина скрежетнула, но колесо не двигалось.

Игорь — рядом, на земле. Посмотрел вверх.

— Бита, — прошептал Алексей.

Игорь передал биту. Алексей вставил рукоятку в спицы тормозного колеса. Навалился. Рычаг — бита хрустнула, но колесо провернулось. Ещё раз. Ещё. Скрежет. Тормоз — отпущен.

Вагон стоял. Рельсы — ржавые, колёса — ржавые. Сцепление с металлом — мёртвое.

— Толкаем, — прошептал Алексей. Спустился.

Встали оба. Алексей — у борта, руками в холодный металл. Игорь — рядом, плечом. Навалились. Ничего. Вагон — тонны стали, ржавчины и времени. Стоял, как скала.

— Сильнее, — сказал Игорь. Сквозь зубы.

Навалились. Ноги скользили по щебню, мышцы тряслись. Алексей упёрся ногой в шпалу, вдавился в металл всем телом. Игорь — рядом, красный, вены на шее, зубы стиснуты.

Скрежет. Тихий, страшный — металл по металлу. Колёса сдвинулись на миллиметр. На два.

— Ещё, — выдохнул Игорь.

Ещё. Тело — на пределе, руки горели, ноги дрожали. Скрежет стал громче. Вагон — дрогнул. Качнулся. И — пошёл.

Медленно. Сантиметр в секунду. Потом — два. Потом — быстрее. Колёса — со скрипом, с визгом — поехали по рельсам. Ржавчина ломалась, отлетала кусками. Вагон набирал скорость — не быстро, но

неумолимо. За ним — второй, третий. Сцепка. Тонны металла поползли по рельсам на восток.

Грохот.

Не звук — грохот. Металл по металлу, колёса по рельсам, стыки, лязг, скрежет. Как будто поезд — мёртвый, ржавый, без машиниста — ожил и поехал. Звук бил по ушам, по зубам, по костям. Раскатился над промзоной, над полем, над посёлком.

Зомби повернулись.

Все. Разом. Как одно тело — сто голов развернулись на восток. На звук. На грохот. Секунда — и они пошли. Не медленно — быстрее, чем обычно. Торопливо, жадно. К звуку. К вагонам, которые катились по рельсам, лязгая, визжа, громыхая.

Рельсы пустели. Как вода из ванны — быстро, неровно, но неуклонно. Фигуры уходили на восток, за вагонами. Десять. Двадцать. Пятьдесят. Семьдесят.

— Бежим! — крикнул Алексей. Не прошептал — крикнул. Теперь — можно. Вагоны грохотали громче любого крика.

Они побежали. Назад, к забору, к дыре, к группе.

Антон услышал грохот. Увидел, как зомби уходят. Не стал ждать.

— Бегом! — крикнул он. — Все! Через рельсы! Сейчас!

Тамара Андреевна — мгновенно. Не секунды на раздумье. Подняла детей одним движением, одним словом:

— Встали! Бежим! За мной!

Дети вскочили. Пары — нет, не до пар. Просто — побежали. Маленькие ноги по земле, по щебню, по шпалам. Костя схватил Аню за руку, потащил. Даша — бежала сама, впереди, быстрая. Миша — спотыкался, поднимался, бежал.

Настя бежала с Матвеем на руках. Мальчик проснулся, заплакал — громко, пронзительно. Настя прижала его лицо к своему плечу, заглушила. Бежала, стиснув зубы, четырнадцатилетняя девочка с чужим ребёнком на руках — через рельсы, через шпалы, через мёртвый мир.

Ольга — бежала. Лена тянула её за руку. Ольга спотыкалась, кашляла, хрипела — но бежала. Ксюша — рядом, маленькие ноги мелькали.

Максим — мать на спине. Не раздумывал — подхватил, закинул. Галина Петровна не сопротивлялась, обхватила его за шею. Тяжёлая —

шестьдесят один год, лишний вес. Максим — крепкий, но не железный. Ноги — подгибались на шпалах. Шёл, не бежал. Быстро шёл. Стиснув зубы, вздувшиеся вены на шее, пот градом. Нёс.

Ваня бежал. Рюкзак с котом прыгал на спине. Кот мявкал — громко, возмущённо. Ваня бежал и не оглядывался. Бежал к Тамаре Андреевне, которая стояла на той стороне путей и считала:

— ...семь, восемь, девять, десять...

Считала детей. Каждого. По головам.

— ...одиннадцать...

Поля. Девочка в розовой куртке. Стояла посреди рельсов. Не бежала. Стояла и раскачивалась. Вперёд-назад. Глаза — закрытые. Мир исчез для неё — звук, крик, грохот вагонов — всё исчезло. Осталось только раскачивание. Единственное, что она умела.

— Поля! — крикнула Тамара Андреевна.

Не побежала сама — не могла, дети на той стороне нуждались в ней. Но крикнула — громко, резко, учительским голосом, от которого вздрагивают стены.

Антон — ближайший. Развернулся. Увидел. Девочка на рельсах, розовая куртка, закрытые глаза. А слева — фигуры. Зомби возвращались. Вагоны замедлялись, грохот стихал. Мертвецы теряли интерес, разворачивались. Некоторые — уже шли обратно. К рельсам. К Поле.

Антон побежал. Схватил девочку — под мышки, рывком. Поля вскрикнула — тонко, пронзительно. Забилась. Антон прижал к себе, обхватил обеими руками. Побежал.

Шпалы под ногами. Щебень. Рельс — споткнулся, чуть не упал. Удержался. Побежал. Поля билась в его руках, кричала — безостановочно, тонко, как сирена. Антон бежал и думал: «Тихо, тихо, пожалуйста, тихо». Но она не могла. Шесть лет, сломанная психика, мир — страшный и непонятный.

Десять метров до края путей. Пять. Три.

Перескочил последний рельс. Вбежал в бурьян. Тамара Андреевна — приняла Полю, прижала к себе. Девочка замолчала. Мгновенно. Как выключили. Вцепилась в кофту Тамары Андреевны и затихла.

— ...двенадцать, — прошептала Тамара Андреевна. — Все.

Антон стоял. Согнувшись, руки на коленях. Дышал. Сердце — молотило, в висках, в горле, в глазах. Пот — градом, несмотря на

холод.

Вика — дочь Максима — стояла рядом. Десять лет, светлые волосы, серьёзное лицо. Смотрела на него.

— Дядя Антон.

Он поднял голову. Посмотрел на неё. Маленькая девочка с глазами, в которых было слишком много для десяти лет.

— Мы умрём?

Антон молчал. Дышал. Смотрел на неё. На серьёзное, взрослое, детское лицо. На глаза, которые ждали ответа. Правдивого. Честного. Настоящего.

Он не мог соврать. Не ей. Не этим глазам.

Но и правду — не мог.

— Нет, — сказал он. — Не сегодня.

Вика смотрела. Секунду. Две. Потом кивнула. Не поверила — но приняла. Как принимают взрослые: не потому что верят, а потому что выбора нет.

Она повернулась и пошла к маме. Маленькая спина. Прямая. Как у отца.

Антон выпрямился. Посмотрел назад — на рельсы. Зомби возвращались. Медленно, бессмысленно. Вагоны остановились вдалеке — ржавые, тёмные, тихие. Звук кончился. Шоу окончено.

Алексей — последний — перемахнул через рельс и упал в бурьян. Рядом — Игорь. Оба — мокрые, грязные, тяжело дышащие. Алексей посмотрел назад. Ближайший зомби — метрах в сорока. Шёл к ним. Медленно.

— Уходим, — сказал Сергей. — Сейчас. Не останавливаемся.

За рельсами — поле.

Открытое, плоское, мокрое. Бурьян по колено, чёрная земля, лужи. Ноябрь — поле мёртвое, как всё вокруг. Но — другое мёртвое. Природное. Нормальное. Не гнилое, не страшное. Просто — зима идёт. Так было всегда. Так будет после.

Дети упали в траву. Прямо в мокрый бурьян — сели, легли, повалились. Ноги гудели. Маленькие тела, которые пробежали через рельсы — теперь тряслись. Не от холода — от адреналина, который уходил, оставляя пустоту и дрожь.

Матвей плакал — тихо, в плечо Насти. Она сидела на земле, мокрая, грязная, держала его и качала. Вперёд-назад. Как Поля. Только

осмысленно — качала ребёнка, а не себя.

Миша — десять лет — сидел и смотрел на свои руки. Ободрал ладони, когда упал на шпалах. Красное, саднящее. Не плакал. Дул на ладони. Десять лет — и не плакал.

Лена обходила всех. Быстро, профессионально. Ольга — пульс, лоб, дыхание. Держится. Настя — спина, поясница. Терпимо. Галина Петровна — колени. Молча покачала головой — плохо, но идёт. Миша — ладони. Достала из рюкзака антисептик, обработала. Мальчик зашипел — щипало. Лена дунула на ладони, как мама. Миша посмотрел на неё. Маленькая улыбка — кривая, мгновенная.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не за что, — сказала Лена.

Привал. Пять минут. Больше — нельзя. Каждая минута — минута ближе к... чему? Они не знали. Думали — к полудню. К дедлайну, который Сергей назвал.

Восемь двадцать утра. По их расчётам — три с половиной часа до конца.

На самом деле — меньше. Или больше. Они не знали. Не могли знать.

Сергей стоял на краю поля, лицом к югу. Бинокль — армейский, нашёл на складе «Регион-Опт» вчера, в коробке с инвентарём. Потёртый, но рабочий. Смотрел на лесополосу — тёмную линию деревьев в километре от них.

Смотрел долго. Минуту. Две.

Потом — опустил бинокль. Медленно. Лицо — каменное. Не испуганное — каменное. Как у человека, который увидел то, что меняет всё.

— Антон, — позвал он. Тихо. Ровно. Слишком ровно.

Антон подошёл.

— Что?

Сергей протянул бинокль.

— Посмотри. За лесополосой. Дорога.

Антон взял. Поднёс к глазам. Настроил. Лесополоса — голые деревья, берёзы, осины. За ними — просвет. Дорога. Асфальт.

И на дороге — движение.

Антон смотрел. Пять секунд. Десять. Опустил бинокль. Посмотрел на Сергея.

— Это... — начал он.
— Да, — сказал Сергей. — Тут проблема.
Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 27

Военная колонна шла по дороге.

Антон смотрел в бинокль. Руки — не дрожали. Должны были, но — нет. Устал дрожать.

Грузовики. «КамАЗы» — зелёные, военные, крытые тентами. Один, два, три... семь. За ними — два БТР, приземистые, угловатые, грязные. За БТР — «Тигр», антенна на крыше, за «Тигром» — ещё два «КамАЗа». Замыкал — «Урал» с прицепом, на прицепе — что-то накрытое брезентом. Генератор? Оборудование?

Колонна двигалась быстро. Не по-военному — быстрее. Без строя, без дистанции. Грузовики шли почти впритирку, как в пробке. Торопились.

И шли не к городу. От города. С юга — на восток. Прочь.

— Они уходят, — сказал Антон. Опустил бинокль. Посмотрел на Сергея. — Почему они уходят?

Сергей не ответил. Протянул руку — дай. Взял бинокль. Поднёс к глазам. Долго смотрел. Лицо — неподвижное, как маска.

— Сворачивают периметр, — сказал он. Голос — ровный. Слишком ровный. — Посты снимают. Технику вывозят. Уходят.

— Нас заметили? — Максим, из-за спины. Голос — напряжённый. — Едут за нами?

— Нет. Они нас не видят. И не ищут. Они просто уходят. Все. Сразу.

Тишина. Ветер в голых ветвях. Дети лежали на земле за деревьями, тихие, как мыши. Тамара Андреевна — среди них, рука на плече Поли. Катя прижимала к себе Артёма. Настя держала Матвея. Ваня — на земле, кот в рюкзаке, рыжая голова торчит, жёлтые глаза смотрят на колонну.

— Если уходят — это наш шанс, — сказал Антон. — Периметр будет пустой. Пройдём.

Сергей молчал. Смотрел в бинокль.

— Серёга?

— Секунду.

Он вёл бинокль вдоль колонны. Медленно. Грузовик за грузовиком. БТР. «Тигр». Солдаты в кузовах — видны сквозь щели в тентах. Молодые, в касках, в бронежилетах. Сидели плотно, молча. Не разговаривали, не курили. Смотрели в пол. Лица — серые, пустые, одинаковые. Как будто везли не людей — манекены.

Последний грузовик. Борт — зелёный, грязный. На борту — эмблема. Жёлтый треугольник с тремя лепестками внутри. Знак радиационной, химической и биологической защиты. РХБЗ.

Сергей опустил бинокль. Медленно. Закрыл глаза. Открыл. Убрал бинокль в карман.

Лицо изменилось. Не побледнело — окаменело. Как будто кто-то выключил всё живое и оставил только кость. Челюсть, скулы, лоб — углы и линии, без выражения.

— Серёга, — сказал Антон. — Что ты увидел?

— Ничего. — Голос — чужой. Механический. — Колонна уходит. Это хорошо. Идём. Быстро.

— Ты что-то увидел.

— Идём, — повторил Сергей. — Быстро. Очень быстро. Сейчас.

Антон смотрел на него. Десять лет в полиции — научился читать лица. Сергей врал. Или — не договаривал. Что-то увидел, что-то понял, и это что-то было настолько плохим, что он не мог сказать вслух.

Антон открыл рот — спросить ещё раз.

Сергей посмотрел на него. В глаза. Прямо, жёстко. И покачал головой. Еле заметно. Нет. Не сейчас. Не здесь. Не при них.

Антон понял. Не стал спрашивать.

— Ждём, пока колонна пройдёт, — сказал он. — Потом — через дорогу. К реке. Без остановок.

Ждали двадцать минут.

Колонна тянулась — грузовик за грузовиком, БТР за БТР. Много техники. Не один пост — несколько. Снимали весь южный участок периметра. Масштабно, торопливо, без оглядки.

Дети лежали на земле в лесополосе. Мокрые листья, мокрая земля, холод. Но не жаловались. Три дня — и жалобы кончились. Остался только холод и терпение.

Костя лежал рядом с Дашей. Шептал — одними губами, почти беззвучно:

— Даш.

— Что?

— Если мы выберемся... ты мне дашь свой номер?

Даша повернула голову. Посмотрела на него. Двенадцать лет, серьёзная, грязная, мокрая. На секунду — на одну секунду — улыбнулась.

— Сначала выберемся.

— Ну, я говорю — если.

— Если — дам.

Костя кивнул. Отвернулся. Уши — красные. Не от холода.

Двенадцать лет. Конец света. А он просит номер. Потому что двенадцать лет — это двенадцать лет. И жизнь продолжается. Даже когда кажется, что нет.

Колонна прошла. Последний «Урал» скрылся за поворотом. Гул моторов — тише, тише, тишина.

Дорога — пустая. Асфальт, мокрый, с колеями от тяжёлой техники. На обочине — следы: гусеницы, протекторы, сигаретные бычки. Ушли только что. Минуты назад.

— Бегом, — сказал Сергей. — Через дорогу. В поле. Не останавливаемся.

Колонна пересекла дорогу — быстро, пригнувшись, группами по пять. Сначала — Сергей и Игорь, проверили. Потом — дети, Тамара Андреевна, Катя. Потом — Антон, Максим с матерью, Лена с Ольгой. Последний — Алексей.

Асфальт под ногами — тёплый. Нагрелся от колёс. Странное ощущение — тепло от машин, которые только что здесь были. Как след живого в мёртвом мире.

За дорогой — снова поле. Но другое. Не бурьян — стерня. Скошенное, осеннее. Короткая жёсткая щетина из земли. Дальше — лесополоса. За лесополосой — ещё поле. И где-то там, за полями, — река.

Шли быстро. Сергей задал темп — быстрее, чем утром. Почти бежал. Дети — за ним, мелкими шагами, стараясь не отставать. Тамара Андреевна не считала шаги — не до того. Просто шла и тянула за собой тех, кто замедлялся.

Антон догнал Сергея. Пошёл рядом. Плечом к плечу.

— Сейчас расскажешь? — тихо. Чтобы только вдвоём.

Сергей шёл. Молча. Десять шагов. Двадцать.

— РХБЗ, — сказал он. Одно слово. Тихо, как выдох.

— И что?

— Радиационная, химическая, биологическая защита. Войска РХБЗ не стоят на периметре. Они не пехота. Их вызывают для другого.

— Для чего?

Сергей посмотрел на Антона. Быстро, коротко. Потом — вперёд, на поле, на горизонт.

— Для ликвидации последствий. После применения.

Антон шёл. Переваривал. Секунду. Две. Три.

— После применения чего?

Сергей не ответил. Шёл. Быстро, размашисто. Монтировка в руке покачивалась.

— Серёга.

— Не знаю, — сказал Сергей. Резко, сквозь зубы. — Точно — не знаю. Может, термобарические. Может, хуже. Но войска РХБЗ отводят до применения. Всегда. Если они уходят — значит, скоро применят.

— Скоро — это когда?

— Часы. Может — меньше.

Тишина. Шаги по стерне. Ветер.

— Мы думали — полдень, — сказал Антон.

— Я тоже думал. Ошибся. Или перенесли. Или — с самого начала было раньше.

— Дети...

— Знаю. Поэтому идём быстро. Очень быстро. И молчим. Если скажешь вслух — паника. Дети, женщины. Кто-то побежит, кто-то упадёт, кто-то закричит. Развалимся.

Антон кивнул. Молча. Понял. Не согласился — понял. Другого выхода нет.

— Сколько до реки? — спросил он.

— Километров пять. Может шесть. Час быстрым шагом. С детьми — полтора.

— Успеем?

Сергей не ответил.

Лесополоса. Берёзы, осины, голые, мокрые. Листва на земле — бурая, скользкая. Дети шли по листьям, скользили, хватались друг за друга. Матвей снова на руках Игоря — Настя не могла больше, руки

онемели, спина — в огне. Игорь взял мальчика молча, посадил на плечо. Шёл.

Галина Петровна шла. Максим рядом — не нёс, но поддерживал. Она позволила. Впервые за весь день — позволила взять себя под руку. Колени — видно по лицу, как больно. Каждый шаг — гримаса, которую она прятала. Не прятала — уже не могла.

Ваня шёл рядом. Молча. Считал шаги — губы шевелились. Кот в рюкзаке притих, прижал уши. Чувствовал.

Ольга шла. Лена рядом. Температура поднималась снова — лоб горячий, глаза мутные. Антибиотик работал, но тело сдавалось. Не хватало сил. Не хватало всего — еды, воды, отдыха, тепла.

— Ольга, — тихо сказала Лена. — Ещё немного. До реки. Там — отдых.

— Я знаю, — прошептала Ольга. — Я иду.

Ксюша — рядом. Маленькая рука в маминой. Не отпускала. Семь лет — и эта рука была единственным, что держало Ольгу на ногах.

За лесополосой — снова поле. Последнее. Впереди — линия деревьев. Тёмная, густая. Не лесополоса — лес. Настоящий, хвойный. И за ним — река. По карте Сергея — три километра.

Вышли из леска. Поле. Стерня. Ветер — холодный, с запахом воды. Река — близко. Чувствуется.

И — блокпост.

Впереди, метрах в трёхстах. На просёлочной дороге, пересекающей поле. Бетонные блоки. Мешки с песком. Колючая проволока — спираль Бруно, уложенная в три ряда. Вышка — деревянная, невысокая, метров пять. Прожектор на вышке — выключен. Шлагбаум — поднят.

Пусто.

Ни одного человека. Ни одной машины. Блокпост — целый, оборудованный, готовый — и пустой. Брошенный.

Сергей поднял руку. Стоп. Колонна замерла.

Он смотрел в бинокль. Долго. Вышка — пусто. Мешки с песком — никого за ними. Колючка — целая, не порвана. На земле — следы: ботинки, много, свежие. Шли в одном направлении — от блокпоста прочь. Не убегали — уходили строем.

— Чисто, — сказал Сергей. — Ушли. Все ушли.

Колонна двинулась. Медленно — к блокпосту. Дети смотрели на бетонные блоки, на колючку, на вышку — широкими глазами. Военное, страшное, взрослое. Но — пустое. Мёртвое, как всё вокруг.

Антон первым подошёл к блокпосту. Заглянул за мешки с песком. Позиция — два пулемёта, станковые, на сошках. Стволы направлены на город. Ленты — заряжены. Пулемёты оставили. Бросили. Забрали людей, бросили оружие.

Так не бывает. Военные не бросают оружие. Никогда. Если бросили — значит, торопились так, что оружие стало неважным.

На бруствере из мешков — кружка. Алюминиевая, армейская. В ней — чай. Антон тронул. Тёплая. Не горячая — тёплая. Двадцать минут, может тридцать. Тот, кто пил этот чай — был здесь полчаса назад. Пил чай, стоял на посту, смотрел на город. А потом — приказ, и он бросил кружку с недопитым чаем и ушёл.

Антон стоял и смотрел на кружку. На тёплый чай. На оставленные пулемёты. На пустую вышку.

Что-то холодное шевельнулось внутри. Не страх — понимание. Медленное, тяжёлое, как камень на дне.

Он посмотрел на Сергея. Тот стоял у колючки. Спиной к нему. Смотрел в сторону города — на север, откуда они пришли. Плечи — напряжённые, как струны.

— Серёга, — тихо позвал Антон.

Сергей повернулся. Лицо — то же. Каменное.

— Нужно бежать, — сказал Сергей. Не прошептал — сказал. Тихо, но внятно. — До реки — три километра. Нужно бежать. Всем.

— Дети не...

— Нужно. Бежать. Сейчас.

Антон смотрел на него. На каменное лицо, на сжатые кулаки, на глаза — тёмные, жёсткие. Глаза человека, который знает то, что другие не знают. И несёт это знание как бомбу внутри.

— Хорошо, — сказал Антон. — Бежим.

Он повернулся к колонне. Двадцать пять лиц смотрели на него. Усталые, грязные, испуганные, доверчивые. Двенадцать детских и тринадцать взрослых.

— Слушайте, — сказал он. — Все. Блокпост пуст. Дорога свободна. До реки — три километра. Мы идём быстро. Очень быстро. Кто может бежать — бежит. Кто не может — держится за тех, кто

может. Тамара Андреевна — дети. Игорь — малыши. Максим — мать. Лена — Ольга. Алексей — замыкающий. Никого не бросаем. Никто не отстаёт. Ясно?

Кивки. Молча.

— Последний рывок, — сказал Антон. — Три километра — и мы свободны.

Он не знал, правда ли это. Не знал, что ждёт за рекой. Не знал, сколько у них времени. Но двадцать пять человек смотрели на него и ждали, что он скажет что-то, во что можно поверить. И он сказал.

Тамара Андреевна встала. Выпрямилась. Посмотрела на детей.

— Помните правило? Кто лучше всех спрячется — получит приз. Новое правило: кто быстрее всех добежит — получит два приза.

— Каких? — прошептал Костя.

— Увидишь, — сказала Тамара Андреевна. И улыбнулась. Через силу, через усталость, через всё — улыбнулась.

Дети встали. Пары — нет, не до пар. Просто — встали. Маленькие, грязные, мокрые, вымотанные. Но — встали.

Они побежали.

Двадцать пять человек — через поле, по стерне, по мокрой земле. К лесу. К реке. К чему-то, что они называли «свобода», не зная, что это такое и есть ли оно вообще.

Сергей бежал впереди. Не оглядывался. Знал — если оглянется на север, на город, — может увидеть то, что нельзя видеть. Не сейчас. Не раньше, чем они будут за рекой.

Алексей бежал замыкающим. Топорик за поясом. Рюкзак колотил по спине. Рядом — Лена, поддерживающая Ольгу. Ольга — бежала. Хрипела, кашляла, спотыкалась — но бежала. Ксюша — впереди, маленькие ноги мелькали.

Максим — нёс мать. На спине. Как утром, на рельсах. Только утром — сто метров. Сейчас — три километра. Ноги подгибались. Спина — ломилась. Но нёс. Потому что мать. Потому что — мать.

Галина Петровна молчала. Обхватила сына за шею. Лёгкая — нет, тяжёлая. Шестьдесят один год. Но молчала. Не стонала, не просила опустить. Молчала и держалась.

Ваня бежал. Рюкзак прыгал. Кот — мявкал, возмущённо, протестующе. Ваня бежал и не останавливался.

Три километра. Поле кончилось — лес. Сосны, ели, подлесок. Хвоя под ногами — мягкая, тихая. Запах — смола, мокрая хвоя, земля. Чистый запах. Живой. Без гнили, без сладкого, без смерти. Первый чистый воздух за четыре дня.

Дети замедлились — ноги не держали. Но шли. Тамара Андреевна вела. Считала:

— Раз, два, три, четыре... раз, два, три, четыре...

Ритм. Шаг за шагом. Как на уроке физкультуры. Как в походе. Как в нормальной жизни, которой больше нет.

Лес поредел. Впереди — свет. Просвет между деревьями. И — звук. Тихий, ровный, живой.

Вода.

Река.

Сергей вышел на берег первым. Остановился. Посмотрел.

Река — широкая, метров пятьдесят. Серая, спокойная, с медленным течением. Берега — пологие, заросшие ивами. На той стороне — лес. Густой, тёмный, уходящий за горизонт.

Свобода. Или то, что они так называли.

— Мост? — спросил Антон, подбежав.

— Нет моста. Мост — севернее, там может быть охрана. Или остатки.

— Лодки?

Сергей посмотрел вдоль берега. Влево — ничего. Заросли, ивы, вода. Вправо — метрах в двухстах — что-то. Деревянное. Тёмное. Причал? Мостки?

— Туда, — сказал он. — Быстро.

Побежали вдоль берега. Сергей, Антон, Алексей. Остальные — на берегу, среди деревьев. Ждали.

Причал. Старый, деревянный, полусгнивший. Доски — почерневшие, некоторые провалились. На причале — ничего. Но рядом, в камышах — алюминиевая лодка. Плоскодонка. Без мотора, с вёслами. Привязана к столбу верёвкой. Старая, мятая, грязная. Но — целая. Не течёт.

Одна лодка. На двадцать пять человек.

— Пять рейсов, — сказал Сергей. — По пять человек. Десять минут на рейс. Пятьдесят минут.

— Долго, — сказал Антон.

— Другого нет.

Антон посмотрел на реку. На лес за ней. На небо — серое, ноябрьское. Обычное небо. Ничего в нём не было. Пока.

— Начинаем, — сказал он. — Дети первыми.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 28

Лодка была дрянная.

Алюминиевая, плоскодонка, метра три с половиной. Краска — облезла, борта — мятые, на дне — лужа мутной воды. Одно весло нормальное, второе — треснутое, замотанное проволокой. Привязана к столбу верёвкой, которая сгнила на половину. Рыбацкая, забытая, ничья.

Сергей осмотрел. Потрогал дно — не течёт. Сел, качнулся. Держит. Кивнул.

— Пятеро за рейс. Больше — потонем. Я гребу. Десять минут в одну сторону, десять обратно. Пять рейсов — час. Может, чуть больше.

Час. Алексей посмотрел на реку. Пятьдесят метров серой воды. Течение — медленное, но есть. Ноябрь — вода градусов шесть, может семь. Упасть — смерть за десять минут. Не утонешь — замёрзнешь.

— Первый рейс — малыши, — сказал Антон. — Тамара Андреевна с ними.

Тамара Андреевна кивнула. Уже выстроила: Поля, Ваня, Матвей, Аня. Четверо маленьких и она — пятая.

— Ваня, — сказала она. — Кота держи крепко. Не отпускай.

Ваня прижал рюкзак к груди. Рыжая голова торчала из молнии. Кот смотрел на реку с выражением глубокого презрения. Мявкнул. Протестовал.

Сергей столкнул лодку. Она закачалась — дети вцепились в борта. Поля начала раскачиваться — Тамара Андреевна обняла, прижала. Тихо, крепко.

— Раз, два, три, четыре, — считала она. Шёпотом, ритмично. Как шаги. Только теперь — гребки. Раз — весло в воду. Два — протянул. Три — вынул. Четыре — занёс.

Сергей грёб. Мощно, ровно. Лодка шла — медленно, криво, нос забирал влево. Течение сносило. Сергей правил, упирался. Руки — красные от холодной воды, вены на шее вздулись.

Пятьдесят метров. Три минуты. Пять. Семь.

Лодка ткнулась в берег. Тот берег. Тамара Андреевна вылезла первой — по колено в воде, ледяной, обжигающей. Не вздрогнула.

Вытащила Полю. Ваню. Матвея. Аню. По одному, за руки, на сухое.

Сергей развернул лодку. Погрёб обратно.

Второй рейс. Костя, Даша, Миша, Ксюша, Настя.

Настя села последней. Посмотрела на Ольгу — мать Ксюши — на берегу. Ольга стояла, держась за дерево. Бледная, качающаяся.

— Следующий рейс, — сказала Лена. — Я с ней.

Настя кивнула. Села в лодку. Ксюша — рядом, вцепилась в её руку. Семилетняя девочка, которая впервые за четыре дня отпустила маму. Потому что Настя. Потому что четырнадцатилетняя девочка, которая несла чужого Матвея на руках, стала для этих детей чем-то вроде старшей сестры. Которой у них не было.

Сергей грёб. Тот берег. Этот берег. Десять минут.

Третий рейс. Ольга, Лена, Катя, Вика, Артём.

Артём не хотел садиться. Вцепился в ногу Максима.

— Пап, я с тобой.

— Следующий рейс, Тёма. Я приеду. Обещаю.

— Нет! С тобой!

Максим присел. Взял сына за плечи. Посмотрел в глаза. Восемь лет. Огромные глаза, в которых стоял страх — не детский, не капризный. Настоящий. Взрослый. Страх, что папа не приедет. Что лодка уйдёт и не вернётся.

— Тёма, — тихо. — Я приеду. Через десять минут. Я обещаю. Когда я тебя обманывал?

Артём думал. Долго — секунды три. Для восьмилетнего — вечность.

— Никогда, — прошептал он.

— Вот. Садись. Мама рядом.

Катя взяла сына за руку. Посадила в лодку. Вика — рядом, молча, серьёзная. Десять лет — и она не плакала. Не просила. Просто села и стала ждать.

Ольга — в лодку, тяжело, Лена помогала. Ольга легла на дно — на бок, колени к груди. Не могла сидеть. Лена — рядом, рука на лбу. Горячая. Температура — снова вверх. Антибиотик сдавал.

Сергей грёб. Лодка шла тяжелее — пять человек, из них одна лежит. Борт — в сантиметрах от воды. Одна волна — и зальёт.

Волн не было. Река — спокойная, равнодушная. Несла их на тот берег, как несла бы бревно, или лист, или труп. Без разницы.

Тот берег. Выгрузка. Тамара Андреевна приняла. Лена осталась с Ольгой.

Сергей погрёб обратно. Руки — красные, одеревеневшие. Холодная вода брызгала на пальцы каждым гребком. Он не чувствовал. Грёб.

Четвёртый рейс. Галина Петровна, Максим, Игорь, двое оставшихся детей.

Галина Петровна подошла к лодке. Посмотрела.

— Я не влезу, — сказала она. Спокойно, без драмы. Факт.

— Влезешь, — сказал Максим.

— Я тяжёлая. Лодка утонет.

— Не утонет.

— Максим...

— Мам. Садись в лодку.

Тон — тот же, которым она говорила ему «ешь кашу» тридцать лет назад. Не просьба. Приказ. Только теперь — он ей.

Галина Петровна посмотрела на сына. Потом — на Ваню, который стоял на том берегу и смотрел на неё. Маленькая фигурка, рюкзак с котом. Ждал.

Она села в лодку. Тяжело, неуклюже. Лодка просела — борт в пяти сантиметрах от воды. Сергей чертыхнулся сквозь зубы. Перебалансировал, сдвинул Игоря на нос.

— Не шевелимся, — сказал он. — Вообще. Камни.

Грёб. Осторожно, мягко. Каждый гребок — лодку покачивало. Вода лизала борт, плескалась. Галина Петровна сидела неподвижно. Руки на коленях. Смотрела прямо. Не вниз — прямо. На тот берег. На Ваню.

Середина реки. Течение — сильнее здесь, лодку тянуло. Сергей правил, упирался. Мышцы — верёвки, по лицу — пот, несмотря на холод.

Тот берег. Причалили. Игорь выскочил первым — по колено в воде, — протянул руку Галине Петровне. Она взялась. Вылезла. Мокрые ноги, мокрые тапочки.

Тапочки. Войлочные, домашние. В которых она прибежала из квартиры четыре ночи назад. В которых прошла двенадцать километров через мёртвый город. Войлок — мокрый, грязный, дырявый. Но — на ногах. Ещё на ногах.

Ваня подбежал. Молча. Встал рядом. Взял за полу пальто. Галина Петровна положила руку ему на голову. Тяжёлую, тёплую.

Кот в рюкзаке мурчал.

Пятый рейс. Последний.

На этом берегу — трое. Антон, Алексей, Сергей с лодкой.

Сергей грёб обратно. Устал — видно по лицу, по рукам, по тому, как он втягивал воздух через стиснутые зубы. Четыре рейса. Восемьсот метров на вёслах. В ледяной воде. В пятьдесят лет.

Лодка ткнулась в берег. Сергей сидел, уронив вёсла. Руки — красные, опухшие, не гнулись.

— Крайний, — сказал он. Голос — хриплый. — Садитесь.

Алексей шагнул к лодке. И остановился.

Звук. Тихий. Из леса за спиной. Треск ветки. Шорох листвы. И — стон. Низкий, протяжный, нечеловеческий.

Все трое повернулись.

Из леса — фигура. Одна. Женщина. В больничном халате, босая. Синие ноги, серое лицо, волосы — спутанные. Шла к ним. Медленно. За ней — вторая. Мужик в рабочей куртке, без одной руки. Культя — обглоданная, кость торчит. Третья — старуха, в ночной рубашке. Четвёртый, пятый, шестой.

Из леса выходили мертвецы. Один за другим. Как будто лес выдавливал их из себя — выталкивал, выплёвывал. Они шли к реке. К воде. К звуку — к плеску вёсел, к скрипу лодки, к голосам.

— В лодку, — сказал Сергей. — Сейчас.

Алексей прыгнул. Антон — за ним. Лодка качнулась, зачерпнула воды. Сергей оттолкнулся от берега — веслом, как шестом. Лодка отошла от берега на метр. На два. На пять.

Мертвецы вышли на берег. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Стояли у воды — ноги в грязи, в мокрых листьях. Смотрели на лодку. На троих в ней. Стояли и стонали — тихо, монотонно, хором. Как хор в церкви. Только не молитва — голод.

Один — мужик в рабочей куртке — шагнул в воду. По щиколотку. По колено. Холод — не чувствовал. Шагнул ещё. По пояс. Течение — потянуло. Он покачнулся. Шагнул — и провалился. Глубоко, с головой. Не вынырнул. Течение унесло — тёмная фигура под серой водой, уплывающая, как тряпка.

Остальные стояли. Смотрели. Не заходили. Один — попробовал и пропал. Остальные — стояли. Как будто поняли. Или — просто не решились.

Сергей грёб. Медленно — руки не слушались. Лодку сносило. Алексей взял второе весло — треснутое, замотанное проволокой. Грёб как мог. Криво, неритмично, брызги во все стороны. Но — грёб.

Антон сидел на корме. Смотрел назад. На берег, который они покинули. На двадцать фигур у воды. На лес, из которого выходили ещё. И ещё. Как будто весь город — все семьдесят тысяч — шёл за ними. По следу. По запаху. По звуку.

Мёртвый город отпускал их. Нехотя. Со стоном.

Пятьдесят метров. Сорок. Тридцать. Двадцать.

Тот берег. Лодка ткнулась в песок. Алексей выпрыгнул — ноги по колено в ледяной воде, обожгло. Вытащил лодку. Сергей — за ним, на четвереньках, руки не держали. Антон — последний. Выпрыгнул, развернулся. Посмотрел.

Река. Серая, спокойная. На том берегу — фигуры. Десятки. Стояли у воды и стонали. Не шли. Не плыли. Просто стояли. Смотрели через пятьдесят метров воды — на живых. На тех, кто ушёл.

Антон стоял и смотрел на них. На мёртвый берег мёртвого города. На людей, которые больше не были людьми. На всех, кого он не смог спасти. На двести тысяч, которых не спасёт никто.

Потом — отвернулся.

Тот берег. Лес. Тишина.

Двадцать пять человек. Все. Живые. Мокрые, замёрзшие, вымотанные до предела — но живые.

Дети сидели на земле, прижавшись друг к другу. Маленький клубок из курток, шапок, рук. Матвей спал — опять, снова, всегда. Его способ выжить: уснуть. Поля не раскачивалась — сидела тихо, прижавшись к Тамаре Андреевне. Глаза — открытые, спокойные. Впервые за четыре дня — не раскачивалась. Что-то изменилось. Переправа? Тот берег? Или просто — устала раскачиваться.

Костя сидел рядом с Дашей. Молча. Их руки — рядом, на земле, почти касались. Не касались. Почти.

Ваня — недалеко, кот на коленях. Галина Петровна — рядом. Как всегда.

Настя — положила голову на колени и закрыла глаза. Четырнадцать лет. Несла на себе чужого ребёнка четыре дня. Теперь — легла и выключилась. Заслужила.

Сергей лежал на спине. Руки — вытянуты. Красные, опухшие. Грудь — ходила ходуном. Пятьдесят лет и четыре переправы.

— Живой? — спросил Игорь.

— Условно, — прохрипел Сергей.

Игорь усмехнулся. Протянул ему флягу. Вода. Сергей сделал глоток. Закашлялся. Выдохнул.

— Все? — спросил он.

— Все, — сказал Антон.

— Точно все?

Тамара Андреевна считала. Как всегда. По головам.

— Двадцать пять, — сказала она. — Все.

Сергей закрыл глаза. Лежал. Дышал.

Река — за деревьями. Стоны — еле слышные, далёкие. Мёртвые стояли на том берегу и ждали. Терпеливо. Вечно. Им некуда было спешить.

Алексей сидел у дерева. Топорик — на земле, рядом. Руки — мокрые, ледяные. Посмотрел на них. Чистые. Кровь смыл ещё вчера. А сегодня — река смыла всё остальное. Грязь, пот, страх. Осталась только усталость. И тишина.

Лена подошла. Молча. Как всегда. Села рядом. Прислонилась к его плечу. Не на секунду — осталась. Тяжёлая, тёплая, живая.

Он не пошевелился. Не обнял. Не сказал ни слова. Просто — сидел. С ней. На этом берегу. На правильном берегу.

Воздух пах хвоей, мокрой землёй и холодом. Чистый. Без гнили. Без сладкого. Без смерти.

Первый чистый вздох за четыре дня.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 29

Они не останавливались.

Сергей поднял группу через пять минут после переправы. Дети ещё не успели отдышаться, Ольга ещё лежала на земле, Настя ещё не открыла глаза — а он уже стоял.

— Встаём. Идём.

— Серёга, — Игорь посмотрел на него. — Дай людям десять минут.

— Нет.

— Пять.

— Нет. Идём. Сейчас.

Голос — жёсткий, незнакомый. Не тот Сергей, который шутил про водку и усмехался одним углом рта. Другой. Военный. Который знал что-то, чего не говорил.

Антон встал. Кивнул. Не спорил — понимал.

— Все поднимаемся, — сказал он. — Уходим в лес. Чем дальше от реки — тем безопаснее.

Никто не спросил «почему». Четыре дня научили: если говорят «идём» — идёшь. Вопросы — потом. Или никогда.

Тамара Андреевна подняла детей. Привычно, быстро. Считала:

— Раз, два, три... Костя, помоги Ане. Даша, бери Полю за руку. Настя, Матвея можешь нести?

Настя открыла глаза. Посмотрела на Матвея — спал, свернувшись, рядом с ней. Маленький, грязный, тёплый. Чужой ребёнок, который стал своим. Она села. Потянулась к нему.

Матвей проснулся. Глаза — мутные, сонные. Посмотрел на Настю. И сказал:

— Мама?

Настя замерла. Рука — на полпути к нему. Замерла и не двигалась.

— Мама, — повторил Матвей. Голос — тихий, хриплый. Не Настю звал. Маму. Настоящую. Ту, которая осталась где-то — в квартире, на улице, среди мёртвых. Или стала одной из них.

Настя сглотнула. Закусила губу. Подняла его на руки. Прижала.

— Тут я, — прошептала она. — Тут я, Матвей. Всё хорошо.

Он уткнулся ей в шею. Затих. Не потому что поверил. Потому что тёплое, потому что руки, потому что голос — любой голос лучше тишины, когда тебе пять лет и мамы нет.

Настя шла и несла его. Глаза — мокрые, красные. Не плакала. Держала. Четырнадцать лет — а держала.

Лес принял их.

Сосны, ели, берёзы. Высокие, плотные, тёмные. Хвоя под ногами — мягкая, пружинящая. После асфальта, бетона, шпал — как ковёр. Дети шли тише, ноги утопали в иголках. Запах — смола, мокрое дерево, грибы. Живой запах. Лесной. Без гнили, без сладкого, без города.

Шли быстро. Сергей впереди — монтировка на плече, шаг размашистый. Не оглядывался. Гнал. Антон — в центре, с детьми. Тамара Андреевна считала шаги: «Раз, два, три, четыре...» Привычный ритм, привычный голос. Дети шли за ним, как за метрономом.

Километр. Два. Деревья — гуще, подлесок — плотнее. Ветки хлестали по лицам, цеплялись за рюкзаки. Детям — по грудь, приходилось раздвигать руками. Миша — десятилетний — споткнулся о корень, упал. Встал. Пошёл дальше. Молча. Руки в земле, колено ободрано. Не пожаловался.

Ольга шла. Чудо продолжалось — шла. Лена рядом, под руку. Каждые пятьдесят шагов — останавливались на секунду, Ольга дышала, Лена считала пульс. Шли дальше. Ксюша — впереди, оглядывалась каждые десять шагов. Проверяла — мама идёт? Идёт. Хорошо.

Галина Петровна шла. Тапочки — мокрые, грязные, войлок расползался. Но шла. Максим рядом — молча, рука наготове. Она больше не отводила. Позволяла. Колени — видно по лицу, каждый шаг как выстрел. Но шла.

Ваня — рядом с ней. Рюкзак с котом. Кот сидел тихо — лес, запахи, птицы (птицы! впервые за четыре дня — птицы, где-то в кронах, невидимые, но живые, чирикающие). Кот слушал, уши — торчком.

Три километра от реки. Сергей остановился. Поднял руку. Стоп.

Прислушался. Тишина. Ветер в кронах. Птицы. Далёкий шум — река? Нет, дальше. Трасса? Может быть.

— Привал, — сказал он. — Пятнадцать минут.

Дети упали. Буквально — сели и упали на бок, на спину, на хвою. Маленькие тела, выжатые до дна.

Поляна. Маленькая, между соснами. Мох, хвоя, пень посередине. На пню — Антон. Сидел, смотрел на людей. На двадцать пять человек, которых привёл сюда. Живых.

Игорь раздавал еду. Последнее: тушёнка — две банки, разделить на двадцать пять. По ложке. Сухари — по половинке. Вода — глоток.

Дети ели молча. Серьёзно. Как работу.

Аня — десять лет, тихая, с косичками — сидела рядом с Тамарой Андреевной. Ела сухарь. Жевала медленно, как будто растягивала.

— Тамара Андреевна, — тихо.

— Да, Аня.

— А мой папа знает, где я?

Тамара Андреевна посмотрела на неё. На маленькое серьёзное лицо, на косички — грязные, растрёпанные, но косички. Кто-то заплетал их. Мама? Папа? Четыре дня назад.

— Конечно, знает, — сказала она. — Папы всегда знают.

— А если он не найдёт?

Тишина. Хвоя шуршит. Ветер.

— Найдёт, — сказала Тамара Андреевна. — Папы всегда находят.

Аня кивнула. Доела сухарь. Легла на бок. Закрыла глаза.

Тамара Андреевна сидела. Смотрела на девочку. Потом сняла очки. Протёрла. Руки — не тряслись. Ещё нет. Но глаза — мокрые. За стёклами, где никто не видит.

Поля описалась.

Тихо, незаметно. Сидела на мху, рядом с Дашей, и вдруг — замерла. Лицо — красное. Глаза — вниз. Мокрое пятно — на штанах, на мху, расползается.

Даша увидела первой. Двенадцать лет — достаточно, чтобы понять. Достаточно, чтобы не сказать вслух. Она посмотрела на Тамару Андреевну.

Тамара Андреевна — подошла. Тихо, без суеты. Как будто ничего не произошло. Как будто шестилетняя девочка не сидит в мокрых штанах посреди леса.

— Поля, — шёпотом. — Пойдём. Переоденемся.

Поля не двигалась. Сидела, голова опущена. Стыд. Шесть лет — а стыдно. Даже когда мир рухнул — стыдно.

Тамара Андреевна взяла её за руку. Подняла. Увела за дерево. Там — из рюкзака — запасные штаны. Детские спортивные, не по размеру, великоваты. Из школьной раздевалки, взяли на всякий случай. На этот случай.

Переодела. Молча, аккуратно, быстро. Мокрые штаны — свернула, убрала в пакет. Не выбросила — выбрасывать нечего, каждая вещь на счету.

— Вот, — сказала Тамара Андреевна. — Новые штаны. Красивые.

Поля посмотрела на неё. Впервые — прямо в глаза. Не сквозь, не мимо — в глаза. И губы — шевельнулись. Не слово. Почти слово. Почти «спасибо». Но — шевельнулись.

Тамара Андреевна улыбнулась. Тихо, мягко.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Пойдём обратно.

Вернулись. Никто ничего не заметил. Или сделал вид.

Алексей сидел у сосны и думал.

Не хотел — думалось само. Тишина, лес, хвоя — и мозг, который четыре дня работал на выживание, вдруг включил другую программу. Память.

Берёзка. Магазин. Мужик с двустволкой, небритый, крепкий. Наташа — женщина рядом, испуганная, бледная. Димка — подросток, сидел на полу, играл в телефон. Семья. Обычная, нормальная. Отказались идти. «Помощь придёт. Мы здесь подождём.»

Помощь не пришла.

Алексей закрыл глаза. Видел: магазин, полки, тусклый свет. Мужик стоит у двери с ружьём — караулит. Наташа — за прилавком, считает банки с консервами. Димка — на полу, экран телефона светится. Семейный портрет. Последний.

Через несколько часов город перестанет существовать. И они — тоже. Мужик с двустволкой, Наташа, Димка. Все, кто остался. Все, кто ждал.

Алексей предупреждал. Говорил — уходите. Они не послушали. Он ушёл. Они остались.

Виноват? Нет. Не виноват. Нельзя спасти тех, кто не хочет. Нельзя заставить. Нельзя тащить за руку, как он тащил Лену в первую ночь.

Но всё равно.

Всё равно. Это «всё равно» — как заноза. Не болит, пока не трогаешь. А потом — трогаешь. И болит.

Он открыл глаза. Лена сидела рядом. Не спала — смотрела на него.

— Ты думаешь о них, — сказала она. Не вопрос. Знала.

— О ком?

— О тех, из магазина. Семья.

Алексей молчал.

— Я тоже думаю, — тихо сказала Лена. — О бабушке на третьем этаже. Которой не принесла компот.

Тишина. Ветер в кронах.

— Мы не могли, — сказал Алексей.

— Знаю.

— Но всё равно.

— Да. Всё равно.

Они сидели и молчали. Двое людей, которые не смогли спасти всех. И знали, что не смогут. И всё равно помнили.

Миша сидел в стороне от остальных. Один.

Десять лет. Тихий, серьёзный. За четыре дня не заплакал ни разу. Не попросился к маме. Не пожаловался. Просто шёл, ел, молчал. Маленький мужик.

Алексей заметил — мальчик нашёл палку. Длинную, тонкую. Сидел на корточках и рисовал на земле. В мягкой лесной почве, между хвоинками. Медленно, аккуратно. Линии — ровные, детские.

Дом. Квадратный, с треугольной крышей. Окно. Дверь. Труба. Дым из трубы — завитушкой. Рядом — дерево. Круглая крона, ствол. И два человека — палка-палка-огуречик. Один повыше, один пониже. Мама и папа.

Миша посмотрел на рисунок. Долго. Потом — провёл ногой. Стёр. Земля — ровная, пустая.

Посидел. Начал рисовать снова. Тот же дом. Тот же дым. То же дерево. Те же два человека.

Стёр.

Начал снова.

Алексей смотрел. Стоял за деревом и смотрел, как десятилетний мальчик рисует свой дом — и стирает. Рисует — и стирает. Рисует — и стирает. Потому что дом — там, за рекой, в городе, которого скоро не будет. И люди на рисунке — там. И нарисовать — можно. А вернуть — нет.

Алексей отвернулся. Прислонился к дереву. Закрыл глаза.

Топорик — за поясом. Тяжёлый. Тёплый от тела. Убил им человека. Убил зомби. Теперь — просто железо на палке.

Он хотел его выбросить. Здесь, в лесу, под сосной. Бросить и не поднимать. Оставить вместе со всем, что было: с городом, с моргом, с Петровичем, с аптекой, с Пашей. С кровью на лезвии.

Не бросил. Потому что впереди — ещё дорога. И топорик может понадобиться. И это — самое страшное: не то, что убил. А то, что готов снова.

Сергей поднял группу через пятнадцать минут. Как обещал.

— Идём. Дальше, глубже. Нужно отойти километров на десять от реки.

— Зачем? — спросил Игорь. — Мы на том берегу. Зомби не переплывут.

Сергей посмотрел на него. Долго. Потом — на Антона. Антон кивнул. Еле заметно.

— Просто — нужно, — сказал Сергей. — Поверь.

Игорь посмотрел на обоих. Не понял — но принял. Четыре дня вместе. Если Сергей говорит «нужно» — значит нужно.

Группа двинулась. Снова — лес, хвоя, ветки. Дети шли медленнее — устали, ноги не держали. Но шли. Тамара Андреевна — среди них, считала.

Поля шла рядом с Дашей. В новых штанах. Не раскачивалась. Держала Дашу за руку — крепко, обеими руками. Даша не отнимала.

Ваня шёл рядом с Галиной Петровной. Кот в рюкзаке заснул — мордой вниз, лапы свесились. Ваня шёл и считал. Губы шевелились: раз, два, три, четыре. Галина Петровна — рядом. Её губы — тоже.

Максим нёс Артёма на плечах. Мальчик — сонный, тяжёлый. Обхватил отца за голову. Катя шла рядом, Вика — впереди. Семья. Целая. Живая. Идёт через лес, как на прогулку. Только прогулка — от ядерного удара, о котором они не знают.

Антон шёл и думал. О Вике, которая спросила: «Мы умрём?» О тёплом чае в кружке на блокпосту. О знаке РХБЗ на борту грузовика. О том, что Сергей знает и не говорит. О том, что он — Антон — тоже теперь знает. Или догадывается.

Двадцать четыре года. Сотрудник полиции. Который хотел спасти всех — и не смог. Который врёт десятилетней девочке: «Нет. Не

сегодня.» И не знает, правда ли это.

Не знает. Но идёт. Потому что двадцать пять человек идут за ним. И пока они идут — он не имеет права остановиться.

Лес тянулся. Бесконечный, тихий, живой. Птицы. Ветер. Хвоя. Далеко позади — река, мёртвый берег, мёртвый город.

Впереди — ничего. Только лес, и дорога, и надежда, что где-то за деревьями есть мир, в котором мёртвые не ходят, а дети не рисуют палкой дома, которых больше нет.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 30

Зимин позвонил в шесть утра.

Не Харитонову — Карелину. Профессор спал в конференц-зале, на составленных стульях, под армейским бушлатом. Поднял трубку на третьем гудке. Голос — мятый, хриплый.

— Карелин.

— Полковник Зимин. Мне нужен аргумент.

— Что?

— Аргумент. Причина отложить удар. У вас есть что-нибудь — любая аномалия, любое отклонение в данных, что угодно, — что я могу доложить наверх как основание для задержки.

Тишина. Карелин молчал. Потом — шорох, скрип стула. Сел.

— Вы хотите, чтобы я дал вам научное обоснование для задержки.

— Да.

— Но у нас нет...

— Найдите. У вас тридцать минут.

Зимин положил трубку. Сидел за столом. Штаб пустел — связисты уехали, один остался. Рация работала, но постов, которые докладывали, было всё меньше. Эвакуация, запущенная ночью, шла своим ходом. Южный участок — снят. Западный — снимается. Техника ушла, колючка осталась, блокпосты — пустые. Город N стоял в кольце проволоки и бетона, но за проволокой уже никого не было. Пустые вышки, пустые мешки, тёплый чай в кружках.

Удар должен был быть в шесть. Сейчас — шесть. Удара нет. Потому что Зимин не подтвердил готовность. Потому что в двадцать два ноль-ноль, когда нужно было нажать кнопку на рации и сказать «готов», — он сказал «нужна задержка, утром доложу».

Ему не приказали подтвердить принудительно. Значит — зазор. Маленький, в несколько часов. Бюрократия, даже военная, имеет инерцию. Приказ есть, но подтверждение не получено, значит — пауза. Пауза, в которую Зимин мог вставить аргумент.

Карелин перезвонил через двадцать минут.

— Есть кое-что, — сказал он. Голос — осторожный, как сапёр, который несёт мину. — Мы обнаружили разброс в скорости активации

между образцами. У троих заражённых Н-17 активировался за восемнадцать часов. У двоих — за тридцать шесть. У одного — за сорок два. Разница — значительная. Мы не понимаем почему. Это может означать, что существуют подштаммы, которые реагируют на внешние условия по-разному.

— И что это значит для удара?

— Это значит... — Карелин помолчал, — ...что мы не можем гарантировать полное уничтожение агента термическим воздействием. Если часть штаммов более устойчива — они могут пережить удар. Особенно на периферии зоны поражения.

— Хорошо, — сказал Зимин. — Этого достаточно.

Он набрал Харитонова. Семь утра. Генерал ответил сразу — не спал.

— Зимин. Докладываю. Учёные обнаружили аномалию в образцах: различные подштаммы Н-17 с разной устойчивостью. Нет гарантии, что термический удар уничтожит все штаммы. Риск: остаточное заражение на периферии зоны поражения. Прошу разрешения продолжить исследования до получения подтверждения эффективности.

Тишина. Длинная. Харитонов молчал. Зимин слышал — дыхание. Ровное, тяжёлое.

— Сколько? — спросил Харитонов.

— До вечера.

— До вечера, — повторил генерал. Как будто пробовал слово на вкус. — И если к вечеру — ничего?

— Тогда — действуем. Но с полными данными.

Пауза. Три секунды. Пять.

— До двадцати ноль-ноль, — сказал Харитонов. — Ни минутой больше. Доклад учёных — на мой стол к девятнадцати. Если нет результата — бьём.

— Принял.

Щелчок. Гудки.

Зимин положил трубку. Откинулся на стуле. Закрыл глаза. Выдохнул — долго, медленно, как будто держал воздух в лёгких с вчерашнего вечера.

Выторговал. Четырнадцать часов. С шести утра до восьми вечера. Четырнадцать часов, в которые сто тысяч человек ещё будут жить.

Или — четырнадцать часов, в которые ещё больше людей будут укушены, обращены, сожраны. Четырнадцать часов роста, размножения, распространения. Каждый час — минус тысяча живых, плюс тысяча мёртвых. К вечеру — может, восемьдесят тысяч живых. Может, семьдесят.

Зимин знал арифметику. Знал, что задержка стоит жизней. Знал, что каждый час — кто-то умирает потому, что он не подтвердил удар.

Но — не подтвердил.

Почему? Он не знал. Тридцать лет выполнял приказы. Не задумываясь, не колеблясь. Приказ есть — исполняй. А сейчас — тянул. Зачем? Ради ста тысяч, которые всё равно умрут? Ради учёных, которые всё равно не найдут лекарство? Ради группы мелких точек на спутниковом снимке, которые пересекли реку и ушли в лес?

Он не знал. Просто — тянул.

День. Длинный, пустой, как выдохшийся. Штаб — полупустой. Один связист, один ноутбук, одна рация. Зимин сидел и ждал. Больше делать было нечего.

Учёные работали. Карелин — у микроскопа, два ассистента — у ноутбуков. Ковалёва — на телефоне с Москвой, закрывшись в кабинете. О чём говорила — Зимин не знал. Не хотел знать.

В полдень — новый спутниковый снимок. Зимин открыл. Привычные цвета: красное — мало, синее — много. Город умирал. Методично, равномерно, неостановимо. Как часы — тик-так, тик-так, минус тысяча, минус тысяча.

Он перелистнул на южный сектор. За рекой. Лес. Зелёное, спокойное, пустое.

Не совсем пустое.

Тепловые сигнатуры. Маленькие, слабые — на границе разрешения. Группа точек — компактная, движущаяся на юг. Медленно. Пешком. Точек — много. Двадцать? Двадцать пять?

Зимин смотрел на экран. На мелкие красные пятнышки в зелёном море леса. Живые. Те, которые прошли через город, через промзону, через рельсы, через реку. Те, которых он видел — и не доложил.

Он должен был сейчас — прямо сейчас — взять телефон, набрать Харитонова и сказать: «Группа гражданских покинула зону. Предположительно двадцать пять человек. Координаты такие-то. Прошу направить группу перехвата.»

Перехват. Изоляция. Допрос. «Свидетели не нужны» — Харитонов не говорил этих слов, но Зимин слышал их в каждом приказе, в каждой паузе, в каждом «полная зачистка». Свидетели — проблема. Двадцать пять человек, которые видели, что город жив, что люди живы, что помощи не было, — это двадцать пять ртов, которые расскажут.

Зимин смотрел на точки. Потом — закрыл снимок. Открыл папку с рапортами. Начал читать. Как будто ничего не видел.

Точки на экране — исчезли. Не потому что ушли. Потому что Зимин закрыл файл.

Семнадцать ноль-ноль. Доклад учёных.

Конференц-зал. Карелин стоял у доски, на которой — схемы, графики, формулы. Выглядел так, как выглядит человек, который три дня не спал и знает, что его работа не имеет смысла.

— Результаты, — сказал он. — Разброс в скорости активации — подтверждён. Причина: не подштаммы, а индивидуальные особенности организмов. Вес, возраст, группа крови, уровень иммунной реакции. Н-17 работает по-разному в разных телах, но результат один. Вопрос времени, не вопрос «если».

— Лекарство? — спросил Зимин. Знал ответ. Спрашивал для протокола.

— Нет.

— Вакцина?

— Нет.

— Способ нейтрализации?

— Огонь. Высокая температура. Полное разрушение мозговой ткани. То есть — то, что вы и так собираетесь сделать.

Тишина. Карелин снял очки. Протёр. Не надел — держал в руке.

— Полковник, — сказал он. — Я учёный. Я всю жизнь занимался тем, что спасал жизни. Искал лекарства, разрабатывал вакцины. А сейчас я стою перед вами и говорю: единственное лекарство — это бомба. — Он помолчал. — Я не хочу, чтобы это было правдой. Но это правда.

Зимин кивнул.

— Спасибо, профессор. Можете собираться. Вертолёт через час.

Карелин ушёл. Зимин остался. Один в конференц-зале, перед доской с формулами, которые ничего не решили.

Девятнадцать ноль-ноль. Доклад Харитонову.

— Учёные подтвердили: лекарства нет. Нейтрализация — только термическая.

— Понятно, — сказал Харитонов. Голос — ровный, спокойный. Голос человека, который принял решение давно и теперь просто ждал формальности. — Меняем параметры. Термобарические — недостаточная гарантия при таком масштабе. Совет безопасности утвердил: тактический ядерный заряд. Пять-десять килотонн. Эпицентр — центр города. Время — двадцать один ноль-ноль.

Зимин молчал. Двадцать один ноль-ноль. Два часа.

— Ядерный, — сказал он. — По своему городу.

— По заражённой зоне, полковник. По объекту, подлежащему стерилизации. Не по городу.

— Там сто тысяч живых.

— Там сто тысяч потенциальных носителей, которые через неделю станут сто тысячами заражённых. И выйдут за периметр, который вы уже эвакуировали. И пойдут дальше. На Нижний. На Москву. Сколько там живых, полковник? Двадцать миллионов?

Зимин молчал.

— Пять-десять килотонн, — продолжил Харитонов. — Хиросима — пятнадцать. Мы бьём меньше. Центр города — выжжен. Окраины — повреждены. Периферия — стоит. Зона отчуждения — тридцать километров. Через год — безопасно. Через пять — можно жить.

— Через год — безопасно, — повторил Зимин. — А люди?

— Людей там нет, полковник. Я вам это уже говорил.

Тишина. Помехи на линии. Далёкий треск. Мир, в котором генерал в Москве отдаёт приказ сбросить ядерную бомбу на город с живыми людьми, и мир, в котором это невозможно, — разделились. Зимин стоял на границе. Одной ногой в каждом.

— Подтверждаю, — сказал он. Голос — ровный. Как рапорт. Как расписание поездов.

— Эвакуация персонала «Берег-4» — до двадцати ноль-ноль. Вертолёты поднять, технику отвести. В двадцать один ноль-ноль вы должны быть в пятидесяти километрах.

— Принял.

Щелчок. Гудки.

Зимин стоял с трубкой в руке. Стоял и слушал гудки. Длинные, монотонные, мёртвые.

Потом положил. Сел за стол. Открыл блокнот.

«21:00. Ядерный. 5-10 кт. Эпицентр — центр города.»

Написал. Подчеркнул. Закрыл.

Два часа.

Вертолёт прилетел в девятнадцать тридцать. Ми-8, тот же, что привёз учёных. Сел на площадке, поднял тучу хвои и грязи.

Учёные грузились. Карелин — с кейсом и ноутбуком. Ассистенты — с коробками образцов. Ковалёва — последней. С папкой, с кейсом, с телефоном, который не переставал звонить. На пороге — остановилась. Посмотрела на Зимина.

— Вы понимаете, — сказала она, — что радиация может мутировать агент. Ионизирующее излучение в сочетании с нейротропным вирусом — непредсказуемо. Мы писали об этом в отчёте. В двухтысячном году.

— Я видел отчёт, — сказал Зимин.

— И Харитонов видел?

— Не знаю. Не мой уровень допуска.

Ковалёва смотрела на него. Долго. Потом — кивнула. Развернулась. Пошла к вертолёту.

На полпути — обернулась.

— Полковник. Если вы когда-нибудь будете давать показания — я вам ничего не говорила.

— Разумеется, — сказал Зимин.

Ковалёва ушла. Вертолёт поднялся. Улетел — на юго-запад, подальше. Подальше от города, от зоны, от того, что будет через полтора часа.

Зимин остался один.

Штаб — пустой. Связист — ушёл, последним рейсом. Рация — выключена. Ноутбук — закрыт. Карта на стене — булавки красные, синие, жёлтые. Жёлтых — почти не осталось.

Он сидел за столом. Перед ним — блокнот, ручка, телефон. За окном — лес. Тёмный, ноябрьский, мокрый. Тишина. Генератор — выключен. Электричества нет. Свеча — одна, на столе. Огонёк дрожит.

Двадцать ноль-ноль. Час до удара.

Зимин достал телефон. Личный, не спутниковый. Обычный мобильный, который он таскал в кармане четыре дня и ни разу не достал. Набрал номер. Домашний.

Гудки. Один. Два. Три.

— Алло? — Голос — женский, тёплый, встревоженный. — Вова?

Наташа. Жена. Тридцать лет вместе. Двое детей — взрослые, разъехались. Наташа — одна в квартире в Москве. Ждёт. Третий день ждёт.

— Привет, Наташ.

— Вова, ты где? Я звоню — недоступен. Третий день. Я уже в полицию хотела...

— Командировка. Закрытая. Не мог позвонить.

— Ты в порядке?

Зимин молчал. Секунду. Две.

— Да, — сказал он. — В порядке. Скоро приеду.

— Когда?

— Завтра. Может, послезавтра. Ты как?

— Нормально. Скучаю. Вова, по телевизору говорят — авария какая-то, в Нижегородской области. Это не у тебя?

— Нет, — сказал Зимин. — Не у меня.

Тишина. Наташа молчала. Потом:

— Ты врёшь.

— Нет.

— Вова. Я тридцать лет с тобой. Ты врёшь. У тебя голос.

Зимин закрыл глаза. Свеча на столе — тёплый свет на закрытых веках. Темнота и тепло.

— Наташ, — сказал он. — Я тебя люблю. Я мало говорил. Нужно было чаще. Прости.

Тишина. Длинная, тяжёлая.

— Вова, — голос — тихий, дрожащий. — Ты меня пугаешь.

— Не надо. Всё нормально. Я просто... давно не говорил. Вот и говорю.

— Ты точно в порядке?

— Точно. Иди спать, Наташ. Поздно. Я позвоню завтра.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Я люблю тебя, Вова.

— Я знаю.

Он положил трубку. Сидел. Свеча горела. Тени на стенах. Пустой штаб, пустой объект, пустой мир.

Двадцать тридцать. Тридцать минут.

Зимин встал. Взял блокнот. Ручку. Сел обратно. Открыл на чистой странице.

Писал — быстро, мелким почерком. Не жене — никому. Всем. Даты, приказы, имена. «Берег-4», Н-17, разгерметизация. Приказ о карантине. Расстрелянные машины. Тёплый чай в кружках на блокпостах. Семьдесят два часа. Рапорт №147 — семья в «Солярисе», трёхлетний мальчик. Протокол «Рубеж». Шесть утра, которое стало двадцать одним ноль-ноль. Ядерный.

Исписал три страницы. Вырвал. Сложил. Убрал во внутренний карман кителя.

Не флешка. Не файл. Бумага. Старомодно, глупо, ненадёжно. Но — бумага не стирается. Бумагу нельзя взломать. Бумагу можно спрятать.

Он знал журналиста. Старого, ещё с чеченских времён. Который писал правду — не всегда, не всю, но писал. Который не боялся. Или боялся, но писал всё равно.

Завтра. Если будет завтра — передаст.

Двадцать пятьдесят. Десять минут.

Зимин вышел из здания. Последний раз. Двор «Берег-4» — пустой, тёмный. Ни фонарей, ни людей. Корпуса — тёмные коробки. Корпус Б — обугленный, мёртвый. Запах — гарь, хвоя, ноябрь.

Машина ждала — «Тойота», та же, грязная. Водитель — сержант, молчаливый. Мотор работал.

Зимин сел. Захлопнул дверь.

— Поехали, — сказал он. — На юго-запад. Быстро.

Машина тронулась. Грунтовка, лес, темнота. Фары — два конуса света в черноте. Деревья мелькали по бокам, как часовые.

Зимин смотрел в окно. На север. Туда, где за лесом, за полями, за рекой — стоял город. Ещё стоял. Ещё десять минут.

Сто тысяч человек. Которые сидели в квартирах. Которые ждали помощи. Которые зажигали свечи и грели чай на газу. Которые укладывали детей спать и говорили «завтра всё будет хорошо».

Которые через десять минут перестанут существовать. Все. Живые и мёртвые. Одинаково.

Зимин закрыл глаза. Не хотел видеть. Знал — даже на таком расстоянии — увидит. Вспышку. Через закрытые веки, через стёкла машины, через деревья. Белый свет, который не спрячешь.

Машина ехала. Быстро, по тёмной дороге, прочь от города, которого через несколько минут не будет.

Зимин не открывал глаза.

Но руки — на коленях — дрожали. Впервые за тридцать лет.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 31

Костёр горел тихо.

Маленький, в яме, как учил Сергей — вырыли руками и монтировкой, обложили камнями, сверху — ветки, чтобы свет не расходился. Дым шёл вверх, тонкий, почти невидимый, растворялся в кронах. Пахло смолой, сырой хвоей и тушёнкой.

Тушёнка — последняя банка. Разогрели на огне, ели по очереди — одна ложка на троих. Дети первые. Костя, Даша, Миша, Аня — ели молча, серьёзно. Передавали банку, не спорили, не просили добавки. Четыре дня — и двенадцатилетние стали взрослыми. Не по возрасту — по глазам.

Матвей ел с рук Насти. Она кормила его, как мама — ложкой, дуя, подставляя ладонь, чтобы не капнуло. Он ел и смотрел на неё. Не на огонь, не на лес — на неё. Маму не звал. Больше не звал. Не потому что забыл — потому что нашёл. Другую, временную, четырнадцатилетнюю. Но — нашёл.

Поля сидела рядом с Дашей. Не раскачивалась. Ела. Маленькие пальцы держали сухарь — крепко, обеими руками. Жевала медленно. Смотрела на огонь. Лицо — спокойное, тёплое в свете костра. Шесть лет. Розовая куртка — грязная, мятая, но розовая. Единственное яркое пятно в сером мире.

Ваня сидел у корней сосны, Галина Петровна рядом. Кот — между ними, развалился на хвое, грел пузо у огня. Жёлтые глаза — полузакрыты, сытые, довольные. Единственное существо, которое наслаждалось моментом без оговорок.

Ваня ел. Одной рукой — тушёнку, другой — гладил кота. Привычка. Рука, которая четыре дня назад держала Кнопку. Теперь — кота. Другая шерсть, другое тепло. Но — рука не пустая. И это — главное.

Ксюша не ела.

Сидела рядом с Ольгой — мать лежала у костра, на подстилке из веток и курток. Температура — снова вверх. Лена вколола последний антибиотик час назад. Последний. Больше нет. Завтра — или Ольга справится сама, или нет.

Ксюша держала маму за руку. Как всегда. Маленькие пальцы в больших, горячих, слабых. Ольга дышала — тяжело, хрипло, с присвистом. Спала. Или была без сознания — граница размылась.

Лена подошла. Присела рядом. Проверила пульс — частый, слабый. Лоб — горячий. Плохо. Но — живая. Пока — живая.

— Лена, — прошептала Ксюша.

— Да?

Девочка смотрела на неё. Семь лет. Глаза — огромные, карие, с красными прожилками от недосыпа. Лицо — маленькое, острое, серьёзное. Взрослое. Слишком взрослое для семи.

— А если мама умрёт?

Лена замерла. Рука — на запястье Ольги, считала пульс. Остановилась.

— Мама не умрёт, — сказала она. — Лекарство работает. Утром будет лучше.

— А если умрёт.

Не вопрос. Констатация возможности. Семь лет — и она уже знала, что люди умирают. Видела. Четыре дня — достаточный курс.

— Если умрёт, — повторила Ксюша, — ты будешь моей мамой?

Лена смотрела на неё. На маленькое лицо, освещённое костром. На карие глаза, в которых стоял не страх — надежда. Страшная, детская, последняя надежда: если самое плохое случится — будет кто-то. Не пустота. Кто-то.

Лена открыла рот. Закрыла. Слова — не шли. Какие слова? «Да» — враньё, она не мать, не может быть матерью, ей двадцать лет, она сама не знает доживёт ли до утра. «Нет» — жестокость, которую нельзя сказать семилетней девочке у костра в лесу.

— Мама не умрёт, — повторила Лена. Тихо. Твёрдо. Как приказ. Как молитву. — Я не дам ей умереть. Я медсестра. Это моя работа — не давать людям умирать.

Ксюша смотрела. Секунду. Две. Потом кивнула. Приняла. Легла рядом с мамой. Закрыла глаза. Рука — в маминой. Не отпускала.

Лена сидела. Смотрела на них — мать и дочь, лежащие у костра. На маленькую руку в большой. На лицо Ольги — серое, потное, горячее.

«Я не дам ей умереть.»

Не знала — сможет ли. Антибиотики кончились. Жаропонижающее — последняя таблетка. Если пневмония не отступит к утру — Лена будет сидеть и смотреть, как женщина умирает. И семилетняя девочка будет сидеть рядом и держать мамину руку.

Лена встала. Отошла. За дерево, в темноту, где никто не видит. Прислонилась к стволу. Закрыла глаза. Стиснула зубы.

Не заплакала. Нельзя. Не сейчас.

Алексей сидел у костра и смотрел на огонь.

Пламя — маленькое, оранжевое, живое. Плясало, потрескивало, бросало тени. Тёплое. Первое тепло за четыре дня, которое не от батареи, не от газовой плиты — настоящее, лесное, древнее. Люди тысячи лет сидели вот так — у огня, в темноте, среди опасности. И огонь защищал. От зверей, от холода, от страха. Потом придумали стены, замки, армии. А огонь остался. Потому что стены рушатся, армии уходят — а костёр горит.

Дети засыпали. Один за другим — как свечки, которые задувают. Матвей первый, на руках Насти. Аня — вторая, свернулась рядом с Дашей. Миша — третий, лёг на бок, руки под голову. Поля — четвёртая, прижалась к Тамаре Андреевне, закрыла глаза. Костя — последний, сопротивлялся, сидел, моргал, клевал носом. Потом — сдался. Лёг рядом с Дашей. Рука — вытянута в её сторону. Не касается. Почти.

Алексей смотрел на них. На двенадцать спящих детей у костра в ноябрьском лесу. Маленькие тела в куртках и свитерах, грязные лица, спутанные волосы. Кто-то сопел. Кто-то бормотал во сне. Кто-то вздрагивал.

И думал.

О магазине «Берёзка». О мужике с двустволкой, который стоял у двери и караулил. О Наташе, которая считала банки. О Димке, который сидел на полу и играл в телефон.

«Мы здесь подождём. Помощь придёт.»

Помощь не пришла. Вместо помощи пришёл четвёртый день. И пятый не придёт — потому что пятого дня у города не будет. Алексей не знал когда точно — но чувствовал. Пустой блокпост, тёплый чай, брошенные пулемёты. Военные ушли. Военные не уходят просто так.

Мужик с двустволкой — сидит ли он ещё в магазине? Караулит ли? Или уже не караулит — потому что дверь выбили, потому что вошли, потому что... Алексей не хотел думать «потому что». Но думалось.

Димка. Подросток. Телефон. Наверное, батарейка давно села. Наверное, он сидит в темноте и не понимает, почему мир стал таким. Пятнадцать лет — и мир, в котором был телефон, интернет, школа, друзья — схлопнулся до тёмного магазина с заколоченными окнами.

«Помощь придёт.»

Алексей предупреждал. Говорил — уходите. Не послушали. Он ушёл. Они остались. Не виноват. Нельзя спасти тех, кто не хочет. Нельзя тащить силой.

Но — можно было остаться. Можно было сесть рядом и сказать: «Ладно. Подождём вместе.» Не спасти — просто быть рядом. Просто не уходить.

Он ушёл. И через несколько часов их не станет. Вместе с городом, вместе с магазином, вместе с двустволкой и телефоном с мёртвой батарейкой.

Всё равно. Заноза. Болит.

Сергей встал от костра. Тихо. Отошёл. Постоял у сосны, спиной к огню. Смотрел на север — в темноту леса, за которой — поля, река, город.

Антон подошёл. Встал рядом. Не спрашивал — ждал.

Сергей молчал. Долго. Минуту. Две. Потом заговорил — тихо, ровно, как диктует рапорт.

— РХБЗ на борту грузовика. Пустой периметр — все посты сняты, одновременно. Пулемёты — брошены. Станковые, лентой. Военные не бросают станковые пулемёты. Никогда. Если бросили — значит, забирать не было времени. Или — незачем.

Антон слушал. Молча.

— Войска РХБЗ отводят перед применением оружия массового поражения. Это протокол. Обязательный. Без исключений. Если РХБЗ ушёл — значит, будет удар.

— Термобарический?

Сергей покачал головой.

— Термобарические бросают с авиации. Для этого не нужно снимать весь периметр. Достаточно отвести людей из-под траектории.

А тут — сняли всё. Всех. В радиусе... — он прикинул, — ...километров пятьдесят, судя по масштабу эвакуации.

— Пятьдесят километров, — повторил Антон.

— Пятьдесят. Такой радиус эвакуации — только для одного типа оружия.

Тишина. Сосны скрипели на ветру. Далеко — сова.

— Ядерный, — сказал Антон. Не вопрос.

— Тактический. Пять-десять килотонн. Хиросима — пятнадцать. Меньше, но... — Сергей замолчал. — Достаточно.

— Когда?

— Не знаю. Может — через час. Может — уже. Может — утром. Но сегодня. Поэтому я гнал. Поэтому — через рельсы бегом, через поле бегом, через всё — бегом. Нужно было как можно дальше.

— Мы в пятнадцати километрах.

— Знаю. Мало. Для пяти килотонн зона серьёзных разрушений — километра три-четыре. Ударная волна — до десяти. Радиация — дальше, зависит от ветра. Мы — на границе. Может, пронесёт. Может — нет.

Антон стоял. Смотрел в темноту. На север. Туда, где за лесом — город. Квартиры, в которых горели свечи. Люди, которые укладывали детей. Старики, которые сидели у окон. Сто тысяч человек, которые ждали утра.

Утро не придёт.

— Сто тысяч, — сказал Антон. Тихо. Как Лена — когда впервые услышала про «Рубеж». Не вопрос. Констатация.

— Сто тысяч, — повторил Сергей.

Молчали. Минуту. Другую. Ветер. Сова. Потрескивание костра за спиной. Детское сопение.

— Я полицейский, — сказал Антон. — Я давал присягу. Защищать. Служить. А я стою в лесу и жду, пока мой город сожгут ядерной бомбой.

— Ты вывел двадцать пять человек. Двенадцать детей.

— А остальные?

— Остальных ты не мог спасти. Никто не мог.

— Это не утешение.

— Нет. Не утешение. Просто факт.

Антон молчал. Потом:

— Если мы выживем — я расскажу. Всё. Каждому, кто будет слушать. Про город, про «Рубеж», про периметр, про расстрелянные машины. Про всё.

— Расскажешь, — сказал Сергей. — Если выживем.

Он повернулся. Пошёл обратно к костру. Сел. Закрыл глаза.

Антон остался. Стоял и смотрел на север. В темноту, за которой жил — ещё жил — город, в котором он родился, вырос, служил. В котором патрулировал улицы, пил кофе из термоса, ругался с напарником и мечтал о нормальной жизни.

Нормальной жизни больше не будет. Ни для него, ни для города, ни для ста тысяч, которые ещё дышат за рекой.

Он стоял и ждал. Не знал — чего ждёт. Знал — что оно придёт.

Алексей сидел у костра. Лена вернулась — из-за дерева, из темноты. Лицо — спокойное, сухое. Как будто не было ничего. Как будто не стояла за деревом, стиснув зубы.

Она села рядом. Близко. Плечо к плечу. Привычно, как дыхание. Четыре дня — и чужой человек стал необходимым. Не любовь — рано, страшно, не до того. Что-то другое. Потребность. Физическая, как воздух: быть рядом — дышать. Не быть — задыхаться.

— Ксюша спросила, — тихо сказала Лена. — Буду ли я её мамой. Если Ольга умрёт.

Алексей посмотрел на неё.

— Что ответила?

— Что Ольга не умрёт.

— А если?

Лена молчала. Долго.

— Не знаю, — сказала она. — Мне двадцать лет. Какая из меня мама. Я сама... — она не закончила. — Я не знаю.

Алексей смотрел на огонь. На угли, красные, тёплые, живые. На лица спящих детей в отблесках. Маленькие, беззащитные, доверчивые.

— Знаешь, — сказал он, — четыре дня назад я был никем. Санитар в морге. Ни семьи, ни друзей, ни смысла. Приходил на работу — уходил с работы. Пил пиво. Смотрел в потолок. Всё.

Лена слушала.

— А сейчас — я убил человека. Нёс чужих детей через рельсы. Грёб через реку. Дрался с мертвецами. — Он помолчал. — И сижу в лесу с тобой. И это — единственное место, где я хочу быть.

Лена не ответила. Не нужно было. Она положила голову ему на плечо. Тяжёлую, тёплую, усталую. Закрыла глаза. Волосы — грязные, спутанные — щекотали шею.

Он не обнял. Не поцеловал. Просто — сидел. С ней. У огня. В лесу, в ноябре, в конце света. И этого было достаточно.

Костёр догорал. Угли — красные, тусклые. Тепло уходило. Холод подступал — ноябрьский, лесной, влажный. Дети жались друг к другу во сне.

Тамара Андреевна не спала. Сидела среди них — как наседка среди цыплят. Поправляла одеяла. Подтыкала куртки. Считала головы — привычка, рефлекс. Двенадцать. Все.

Игорь не спал. Сидел у края поляны, бита на коленях. Караулил. Привычка — четыре ночи. Свисток на шее покачивался. Он крутил его пальцами — бессознательно, как чётки.

Максим не спал. Сидел рядом с матерью. Галина Петровна — спала, впервые за четыре дня. По-настоящему спала, не дремала, не проваливалась — спала. Тихо, ровно, глубоко. Рядом — Ваня. Тоже спал. Кот между ними — мурчал, не переставая. Маленький рыжий моторчик, который работал без перебоев.

Максим смотрел на мать. На лицо — расслабленное, спокойное. Без боли, без страха. Во сне — она была собой. Той, которая клеила обои с отцом в семьдесят третьем. Которая тянула его одна после смерти мужа. Которая сказала «дурак, но хоть при деле» когда он пошёл в полицию.

Шестьдесят один год. Больные колени. Войлочные тапочки. Двенадцать километров через мёртвый город. На спине сына через рельсы. И — дошла. Спит. Живая.

Максим отвернулся. Посмотрел на небо. Звёзд не было — облака. Темнота. Тишина.

Он не знал, что через несколько часов — или минут — на горизонте встанет второе солнце. Не знал, что город, в котором он жил тридцать два года, перестанет существовать. Не знал, что квартира, в которой он выключил газ — испарится вместе с газовой плитой, вместе с обоями в цветочек, вместе с часами с кукушкой, которые привёз отец из Читы.

Не знал.

Сидел и слушал, как мать дышит. Как кот мурчит. Как дети спят.

Костёр догорел. Остались угли. Красные. Тёплые.
Потом — остыли.
Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 32

Свет пришёл раньше звука.

Алексей не спал. Сидел у потухшего костра, Лена — на его плече, дышала ровно, глубоко. Спала. Он не двигался — боялся разбудить. Смотрел в темноту, слушал лес. Ветер, сова, далёкий треск ветки. Обычные звуки. Живые.

Потом — свет.

Не рассвет. Не фонарик. Не молния. Другое. Белое. Яркое. Мгновенное. Как будто кто-то на секунду включил солнце — посреди ночи, посреди леса, посреди ноября. Деревья — чёрные силуэты на белом. Тени — резкие, длинные — метнулись по земле и исчезли. Хвоя на мгновение стала белой, как снег.

Секунда. Может, две. Потом — темнота. Обычная, ночная. Как будто ничего не было.

Лена дёрнулась. Проснулась. Подняла голову.

— Что...

— Тихо, — прошептал Алексей.

Все проснулись. Все двадцать пять — мгновенно, как по команде. Дети — сели, глаза огромные. Тамара Андреевна — на ногах, руки на Поле и Ане. Максим — вскочил, пистолет в руке. Игорь — бита. Катя прижала Артёма.

— Что это? — голос Кости. Шёпот. Испуганный.

Никто не ответил. Все смотрели на север. Туда, откуда пришёл свет.

Тишина. Пять секунд. Десять. Пятнадцать.

Потом — звук.

Не взрыв. Не гром. Что-то между — низкое, утробное, тяжёлое. Как будто земля вздохнула. Или кашлянула. Глухой удар, идущий не сверху — снизу, из-под ног, из-под корней, из-под всего. Земля дрогнула — не сильно, но ощутимо. Как будто великан ступил. Деревья качнулись. Хвоя посыпалась.

И — ветер. Не сразу. Через секунды. Тёплый — неправильно тёплый для ноября, для ночи, для леса. Волна воздуха, которая прошла через деревья, тряхнула ветки, подняла листья. Дети повалились — кто

сидел, упал. Кто стоял — шатнулся. Матвей закричал. Поля — схватилась за Тамару Андреевну, вцепилась, как утопающий.

Потом — тишина. Снова. Глубокая, ватная, звенящая.

Все стояли. Или сидели. Или лежали. И смотрели на север.

Там — над деревьями, над лесом, над горизонтом — поднималось.

Столб. Серо-белый, с оранжевым основанием. Светящийся изнутри — тускло, грязно, как фонарь за пыльным стеклом. Поднимался медленно, тяжело, как будто земля выдыхала что-то огромное и горячее. Ширился наверху — расплывался, растекался. Шляпка. Гриб.

Маленький. По масштабу — маленький. Не как в кино, не как на фотографиях Хиросимы. Тактический. Пять-десять килотонн. Достаточно, чтобы выжечь центр города. Недостаточно, чтобы достать до леса.

Но — гриб. Настоящий. Ядерный. Над местом, где четыре дня назад был город на триста тысяч человек.

Никто не говорил. Стояли и смотрели. Двадцать пять человек — и ни одного звука. Даже дети замолчали. Даже Матвей перестал плакать. Даже кот в рюкзаке Вани — притих, прижал уши.

Сергей стоял впереди. Лицо — белое в отсвете гриба. Руки — опущены. Монтировка — на земле, выронил. Не поднял.

— Ядерная, — сказал он. Тихо. Хрипло. Как будто слово было слишком тяжёлым для голоса. — Суки. Ёбнули ядерной. По своему городу. По своим.

Максим стоял рядом с матерью. Галина Петровна — смотрела на гриб. Лицо — спокойное. Не шок, не ужас — спокойствие человека, который видел слишком много за свою жизнь, чтобы удивляться ещё чему-нибудь. Она подняла руку. Медленно. Перекрестилась. Трижды. Широко. По-старому. Губы — шевелились. Молитва.

Максим смотрел на гриб. Тихо, сквозь зубы, выдохнул: — Твари. Ёбаные твари. — И думал — об обоях в цветочек. О часах с кукушкой, которые привёз отец из Читы. О газовой плите, которую он выключил. О квартире, которой больше нет. Об улице, которой больше нет. О городе, в котором он прожил тридцать два года, — которого больше нет. Испарился. Стал этим столбом дыма, этим оранжевым свечением, этим грибом на горизонте.

Тамара Андреевна стояла среди детей. Не обнимала — держала. Руки — на плечах ближайших. Поля, Аня. Маленькие, дрожащие плечи под её ладонями.

— Не смотрите, — сказала она. Тихо. Привычно. Как говорила у тела во дворе, как говорила на рельсах, как говорила всегда. — Смотрите на меня.

Дети посмотрели. На неё. На очки, за которыми — мокрые глаза. На губы, которые тряслись — впервые за четыре дня. На руки — крепкие, сухие, учительские руки, которые держали. Всегда держали.

— Это далеко, — сказала она. — Мы в безопасности. Мы — здесь. Все вместе. Всё хорошо.

Враньё. Не всё хорошо. Ничего не хорошо. Но голос — тихий, ровный, привычный — работал. Дети слушали. Верили. Или делали вид. Как взрослые.

Костя стоял и смотрел на гриб. Не отвернулся. Двенадцать лет — достаточно, чтобы понять, что это. Школа, учебники, «Хиросима и Нагасаки», фотографии в параграфе. Он знал. И Даша знала — стояла рядом, бледная, рот стиснут.

— Это... — прошептал Костя. — Это же...

— Да, — прошептала Даша.

Они стояли и смотрели. Двенадцать лет. Конец детства. Конец всего. Даша протянула руку. Костя взял. Крепко. Не отпускал.

Антон стоял отдельно. У сосны. Смотрел на гриб. Лицо — каменное. Глаза — сухие. Не плакал. Полицейские не плачут — вбито с академии, вбито с первого дежурства, вбито с первого трупа на вызове. Не плачут.

Но губа — нижняя — дрожала. Мелко, быстро. Он прикусил. Сильно, до крови. Боль — резкая, солёная — отрезвила. Задавила дрожь.

Город. Его город. Улицы, по которым он ездил. Дворы, в которых ловил хулиганов. Будка охраны больницы, в которой сидел и считал удары мертвецов по стеклу. Участок. «Берёзка». Гагарина двадцать шесть. Школа номер двенадцать.

Всё.

Игорь сидел на земле. Бита — рядом. Свисток — в руке. Крутил. Смотрел на гриб. Лицо — мокрое. Плакал. Молча, без звука, без всхлипов. Слёзы — по щекам, по подбородку. Не вытирал.

Школа. Его школа. Спортзал, баскетбольные кольца, канат. Расписание на стене: «Волейбол — вт, чт.» Стенды, рисунки, мел. Раздевалка, из которой он взял кроссовки для детей. Всё. Мел, кольца, стенды — атомная пыль.

Алексей стоял. Смотрел. Лена — рядом. Их руки — сплетены. Не на секунду. Не на минуту. Насовсем.

Он думал о Петровиче. О бейдже «Петров П.И.» О Марине. О пустом столе в морге, на котором должно было лежать тело Петровича. Об аптеке, о Паше, о красной крови на топорике. О Кнопке, которая бросилась на двух зомби ради мальчика. О рыжей шерсти в крови.

Обо всём, что было — и чего больше нет. Триста тысяч человек. Сто тысяч живых ещё час назад. Суки. Сожгли, как мусор. Как дезинфекцию провели — хлоркой по городу, только вместо хлорки — ядерная боеголовка.

Гриб поднимался. Медленно, величественно, равнодушно. Ему было всё равно — кто смотрит, кто плачет, кто молится. Он просто рос. Как растёт всё неживое — без цели, без смысла, без жалости.

Шли молча.

Сергей поднял группу через десять минут. Не дал смотреть дольше — «Подъём. Ветер с севера, радиация, нам пиздец если останемся. Двигаем. Сейчас.» Мат подействовал лучше любого приказа — как пощёчина. Все встали. Все пошли. На юг. Дальше, глубже, прочь.

Дети шли и не оглядывались. Тамара Андреевна запретила: «Не оборачиваемся. Смотрим вперёд.» Как всегда. Как на рельсах, как во дворе с телом, как на горке с мёртвым ребёнком. Не оборачиваемся. Вперёд.

Ваня шёл рядом с Галиной Петровной. Молча. Кот в рюкзаке — тихий, прижавший уши. Чувствовал. Ваня не оглядывался. Не потому что Тамара Андреевна запретила — потому что незачем. Там — ничего. Только свет и дым.

Шли два часа. Лес — бесконечный, тёмный, мокрый. Рассвет — серый, бледный, больной. Небо на севере — грязное, с оранжевым отблеском. На юге — обычное. Ноябрьское. Низкое.

К восьми утра вышли из леса. Просёлочная дорога. За дорогой — поле. За полем — деревня. Маленькая, десяток домов. Заборы, огороды, дым из труб. Обычная. Живая. Из тех деревень, где ещё не

знают. Где телевизор показывает «техногенную аварию» и люди качают головой и переключают на сериал.

— Туда, — сказал Антон. — Нужна крыша. Тепло. Еда.

Они пошли к деревне. Двадцать пять человек — грязные, мокрые, оборванные. С детьми на руках. С больной женщиной. Со старухой в войлочных тапочках. С котом в рюкзаке.

Первый дом — забор, калитка, собака. Собака залаяла — громко, звонко. Живой звук. Нормальный. Из прошлой жизни.

Дверь открылась. Женщина — лет пятидесяти, полная, в фартуке. Посмотрела на них. На лица — серые, вымотанные. На детей — маленьких, грязных, с глазами, в которых не осталось ничего детского.

— Господи, — сказала она. — Вы откуда?

— Из города, — сказал Антон. — Нам нужна помощь.

Женщина смотрела. Секунду. Потом — распахнула дверь.

— Заходите. Все заходите.

Деревня называлась Сосновка. Двенадцать домов, сорок жителей. Фермеры, пенсионеры, пара дачников, которые остались на зиму. Тихое место, в стороне от трассы, в стороне от всего.

Они не знали. Видели вспышку ночью — решили, что гроза. Или военные учения. Или авария на подстанции. Телевизор утром сказал: «Техногенная катастрофа на промышленном объекте в Нижегородской области. Ведутся работы по ликвидации. Угрозы населению нет.»

Угрозы нет. Всё нормально. Пейте чай, кормите кур.

Деревенские приняли. Без вопросов, без документов, без объяснений. Баба Нюра — та, что открыла дверь — затопила баню. Её муж, дед Василий, зарезал курицу. Соседка Марина принесла хлеб, молоко, картошку. Другая соседка — детскую одежду, старую, с чужого плеча, но чистую и сухую.

Дети мылись в бане. По трое, по четверо. Горячая вода. Пар. Мыло. Впервые за четыре дня — горячая вода. Миша — десятилетний, который не плакал ни разу — сел в тазу и заплакал. Тихо, беззвучно, без причины. Просто — горячая вода, мыло и руки бабы Нюры, которая мыла ему голову и приговаривала «ничего, ничего, маленький, ничего».

Ольгу положили на кровать. Настоящую — с матрасом, с подушкой, с одеялом. Лена осмотрела — температура тридцать восемь. Ниже, чем вчера. Антибиотик — кончился, но организм начал

бороться сам. Может, вытянет. Ксюша — рядом, на табуретке. Рука — в маминой. Как всегда.

Дети ели. Картошка, курица, хлеб, молоко. Настоящая еда — не тушёнка из банки, не сухари из кармана. Горячая картошка с маслом, куриный бульон, белый хлеб. Ели молча, жадно. Потом — замедлялись. Потом — засыпали. Прямо за столом, носом в тарелку. Тамара Андреевна разносила по кроватям — как в лагере, как в походе, как в нормальной жизни.

Поля — заснула на руках у Даши. Не у Тамары Андреевны — у Даши. Двенадцатилетняя девочка и шестилетняя. Даша несла её аккуратно, как стеклянную. Положила на кровать. Укрыла. Постояла. Ушла.

Вечер.

Дети спали. В трёх домах, по четверо-пятеро. Под одеялами, на нормальных кроватях. Впервые за четыре дня — без страха, без холода, без стонов за стеной.

Взрослые — на кухне бабы Нюры. Антон, Сергей, Максим, Игорь, Алексей, Лена. Тамара Андреевна — с детьми, караулила сон.

На столе — чай. Настоящий, горячий, с сахаром. И тишина.

— Нужно рассказать, — сказал Антон. — Людям. Всем. Что произошло. Что город уничтожен. Что это не авария.

— Кому рассказать? — спросил Максим. — Телевизору? Журналистам? Они скажут — бред, фейк, паника.

— Значит, нужны доказательства.

— Какие доказательства? Наше слово? Слово двадцати пяти беженцев без документов?

Сергей молчал. Пил чай. Потом поставил кружку.

— Доказательства будут, — сказал он. — Ядерный удар не скроешь. Сейсмические станции зафиксировали. Спутники зафиксировали. Датчики радиации по всей области — зафиксировали. Через сутки — весь мир будет знать. Они могут врать по телевизору сколько угодно — но данные не спрячешь.

— А нас? — спросила Лена. — Нас спрячешь?

— Нас — нет. Мы — свидетели. Живые свидетели из города, по которому ударили ядерной. Двенадцать детей. Это — бомба. Медийная. Сильнее ядерной.

Тишина. Чай остывал.

— Сначала — выжить, — сказал Антон. — Потом — рассказать.

Ночь. Деревня спала. Тихо — по-настоящему тихо. Без стонов, без ударов, без скрежета. Только ветер, собака во дворе, скрип забора.

Игорь не спал. Сидел на крыльце дома, где спали дети. Караулил. Бита рядом, свисток на шее. Привычка. Четыре ночи — и привычка.

Он сидел и слушал тишину. Впервые за четыре дня — настоящую тишину. Без фона из стонов, без шарканья за стеной, без скрипа одеял, которыми завешивали окна. Просто тишина. Деревенская, ноябрьская, мирная.

Из сарая — звук.

Тихий. Скрежет. Как будто кто-то скребёт по дереву. Игорь поднял голову. Прислушался. Тихо. Показалось?

Нет. Снова. Скрежет. И — стон. Тихий, низкий, протяжный.

Игорь встал. Бита — в руке. Привычно, как ручка для учителя. Спустился с крыльца. Пошёл к сараю.

Двор — тёмный, лунный свет сквозь облака. Забор, огород, поленница. Сарай — дощатый, покосившийся. Дверь — приоткрыта. Изнутри — темнота.

Дед Василий. Муж бабы Нюры. Пошёл в сарай час назад — проверить кур. Не вернулся. Баба Нюра решила — задремал там. Бывает. Дед старый, устаёт.

— Дед Василий? — позвал Игорь. Негромко.

Тишина. Потом — стон. Из сарая.

Игорь подошёл. Толкнул дверь. Скрип. Темнота. Пахло — курами, сеном, навозом. И — чем-то ещё. Сладковатым. Знакомым.

Включил фонарик — маленький, на ключах, который дал дед Василий вечером. Луч — тонкий, жёлтый.

Куры — мёртвые. Все. Лежали на полу, на насесте, в гнёздах. Шеи — свёрнуты. Перья — в крови. Кто-то прошёлся по курятнику и убил всех.

Дед Василий стоял в углу. Спиной к двери. Не двигался. Стоял и смотрел в стену.

— Дед Василий? — Игорь шагнул ближе. — Вы в по...

Дед повернулся.

Лицо — серое. Глаза — белые, мутные. Рот — открыт, на подбородке — кровь. Куриная? Не только. На руке — рана. Глубокая, рваная. Кто-то укусил. Или что-то. Когда? Утром? Днём? Может, ещё

до того как группа пришла — укус, инкубация, смерть, пробуждение. Тихо, в сарае, пока все спали.

Дед шагнул к Игорю. Медленно. Руки — вытянуты.

Игорь отступил. Поднял биту. Привычно — замах, удар.

Не успел.

Дед был ближе, чем казалось. Темнота, тесный сарай, курицы под ногами. Игорь споткнулся — о тело курицы, о ведро, о что-то. Качнулся. Дед — вцепился. Зубы — в предплечье, через куртку, через свитер. Глубоко. Больно. Горячо.

Игорь заорал. Коротко, зло. — Блять! — Оттолкнул деда — свободной рукой, битой. Удар — в голову. Хруст. Дед упал. Не двигался.

Игорь стоял. Дышал. Фонарик — на полу, луч в потолок. Тени прыгали. Мёртвые куры. Мёртвый дед.

И — рука. Предплечье. Куртка разорвана, свитер прокушен. Кровь — тёмная, густая. Два полукруга — верхняя и нижняя челюсть. Укус.

Игорь смотрел на руку. Долго. Минуту. Больше.

— Бля, — сказал он. Тихо. Спокойно. Как констатацию. Как диагноз.

Потом — сел. На пол, среди мёртвых куриц. Положил биту. Взял фонарик. Посветил на укус. Глубокий. Кровь не останавливалась.

Он знал. Все знали. Четыре дня — достаточно, чтобы выучить правило. Укус — смерть. Восемнадцать-тридцать шесть часов. Потом — встанешь.

Игорь Дмитриевич Волков. Тридцать пять лет. Учитель физкультуры. КМС по борьбе. Разведён. Дочь в Краснодаре. Четыре ночи не спал — караулил чужих детей. Нёс чужого мальчика на плечах. Толкал ржавые вагоны по рельсам. Стоял у ворот школы с битой в руке и говорил: «Заходите. Быстро. И тихо. Дети спят.»

Дети спят. Сейчас — спят. В тёплых кроватях, под одеялами. Впервые за четыре дня — спокойно.

Игорь встал. Вышел из сарая. Закрыл дверь. Пошёл к дому.

На крыльце — Антон. Услышал крик, выбежал. Пистолет в руке.

— Что?!

Игорь поднялся по ступенькам. Встал. Посмотрел на Антона. Потом — молча поднял руку. Показал предплечье. Куртка разорвана. Кровь.

Антон смотрел. На укус. На кровь. На лицо Игоря — спокойное, ровное, решённое.

— Нет, — сказал он. — Нет, блять. Нет.

— Дед, — сказал Игорь. — В сарае. Обратился. Я его убил. Но он успел.

Антон опустил пистолет. Стоял. Смотрел. Закрыл глаза. Открыл. Укус не исчез.

— Игорь... Сука... — голос сел.

— Не надо. — Тихо. Спокойно. Как будто говорил о расписании тренировок. — Я знаю. Ты знаешь. Все знают.

Тишина. Ветер. Собака во дворе скулила.

— Сколько? — спросил Игорь.

— Чего?

— Времени. Сколько у меня.

Антон молчал. Сглотнул.

— Восемнадцать часов. Может, тридцать шесть. У всех по-разному.

— Хорошо. Значит, до утра — точно.

Он повернулся. Открыл дверь дома. Тихо — не скрипнула. Вошёл.

Дети спали. В комнате — четверо. Костя, Даша, Миша, Аня. На кроватях, под одеялами. Лица — спокойные. Расслабленные. Детские. Впервые за четыре дня — детские.

Игорь стоял в дверях. Смотрел на них. На четверых из двенадцати, которых он вытащил из школы. Которых нёс, охранял, кормил. Которых считал — каждый вечер, как Тамара Андреевна. Раз, два, три, четыре...

Он прошёл по комнате. Тихо — кроссовки по деревянному полу. Поправил одеяло Косте — сползло. Подоткнул Ане. Постоял над Мишей — мальчик спал на животе, раскинув руки. Игорь наклонился. Поправил подушку.

Потом — пошёл в другой дом. Где спали остальные. Поля, Матвей, Настя. Ваня с котом. Зашёл. Тихо. Постоял.

Ваня не спал. Лежал с открытыми глазами. Кот — на груди. Смотрел на Игоря. Молча.

Игорь подошёл. Присел рядом. Посмотрел на мальчика. На семилетние глаза, которые видели слишком много.

Снял свисток с шеи. Медленно. Шнурок — через голову, привычным движением. Свисток — алюминиевый, потёртый, тёплый. Лежал на шее четыре дня. Качался при каждом шаге. Стал частью.

Протянул Ване.

Ваня смотрел. На свисток. На Игоря. На свисток.

Взял. Маленькие пальцы — на металле. Сжал.

Игорь встал. Посмотрел на Ваню ещё раз. Кивнул. Повернулся. Вышел.

Ваня лежал. Свисток — в руке. Кот — на груди. Смотрел в потолок. Не плакал. Понял. Семь лет — а понял. Потому что Кнопку уже забрали. И теперь — Игоря. Мир забирает тех, кто защищает. Одного за другим.

Антон ждал на крыльце.

Игорь вышел. Постоял. Посмотрел на небо — облака, редкие звёзды, на севере — оранжевый отсвет. Догорает. Город, который был — догорает.

— Дай пистолет, — сказал Игорь.

Антон посмотрел на него. На лицо — спокойное, решённое. Без страха. Без жалости к себе. Лицо человека, который принял.

— Давай я, — сказал Антон. Тихо. — Ты не должен...

— Я должен, — сказал Игорь. — Сам. Как мужик.

Антон молчал. Секунду. Две. Потом — протянул пистолет. Рукояткой вперёд.

Игорь взял. Привычно — как биту. Проверил — патрон в стволе. Убрал за пояс.

Посмотрел на Антона.

— Скажи им... — начал. Замолчал. — Нет. Ничего не говори. Пусть думают — ушёл.

— Не получится. Выстрел услышат.

Игорь подумал. Кивнул.

— Тогда скажи правду. Они заслужили правду.

Он протянул руку. Антон пожал. Крепко. Долго.

— Спасибо, — сказал Антон. — За всё. За детей. За школу.

— Это моя работа, — сказал Игорь. И улыбнулся. Криво, одним углом. Последний раз. — Была.

Он спустился с крыльца. Пошёл через двор. Через калитку. Через поле. К лесу.

Антон стоял на крыльце. Смотрел, как Игорь уходит. Тёмная фигура — через двор, через калитку, через поле. Всё дальше. Всё меньше.

Лес принял его. Поглотил. Фигура исчезла. Тишина.

Выстрел.

Один. Короткий. Сухой.

Тишина.

Антон стоял. Смотрел на лес. На деревья, которые поглотили человека, который спас двенадцать детей.

Потом — сел на ступеньку. Опустил голову. Закрыл лицо руками.

Сидел. Долго.

Собака во дворе скулила. Потом — замолчала.

Тишина.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 33

Три недели спустя.

Алексей проснулся от стука.

Лежал и слушал. Стук — ритмичный, тупой, тяжёлый. БАМ. БАМ. БАМ. Мертвецы бьют в стекло. Будка Антона. Больница. Дверь морга, которую Петрович открыл и не закрыл.

Открыл глаза. Потолок — белый, незнакомый. Трещина от стены до лампы. Тишина.

Стука не было. Батарея — щёлкала, остывая. Горячая вода — центральное отопление. Обычный звук. Нормальный.

Он лежал и дышал. Медленно, глубоко. Как учила Лена — она нашла в интернете, какой-то психолог, какое-то видео. «Четыре секунды вдох, четыре — задержка, четыре — выдох.» Помогало. Иногда.

Комната. Маленькая, чужая. Съёмная квартира — однушка в городе, до которого они доехали на попутках. Обои — бежевые, скучные. Шкаф, стол, кровать. Окно — зашторено. За окном — утро. Обычное, зимнее. Декабрь. Первый снег лёг неделю назад, и город стал белым, чистым, тихим. Как будто мир решил начать с чистого листа.

Не получится.

Рядом — Лена. Спала. На его половине — сползла во сне, волосы на его подушке. В его свитере — сером, вязаном, который она надела в первый вечер в этой квартире и больше не снимала. Великоват — рукава свисают, ворот сползает с плеча.

Они жили вместе. Три недели. Спали в одной кровати — не потому что решили, а потому что кровать одна. И потому что в первую ночь Алексей лёг на пол, а Лена в три часа ночи проснулась от его крика и нашла его у стены, мокрого, с открытыми глазами, который шептал: «Они идут. Они идут.» Она легла рядом. На пол. Взяла за руку. Он замолчал. Заснул.

С тех пор — вместе. Не из любви — пока не из любви. Из необходимости. Два человека, которые не могут спать одни. Потому что в темноте приходят мертвецы, стук, кровь, запах сладкого. А когда

рядом — рука, дыхание, тепло — мертвецы отступают. Не уходят. Отступают.

Алексей встал. Тихо, чтобы не разбудить. Прошёл на кухню. Чайник. Вода. Газ. Щелчок — синее пламя. Нормальный звук. Нормальное утро.

На столе — ноутбук. Старый, купленный за три тысячи на барахолке. Рядом — телефон. Дешёвый, кнопочный. Два номера в записной книжке: «Антон» и «Сергей». Больше — никого.

Документов не было. Паспорта остались в городе, которого нет. Они — никто. Призраки. Официально — не существуют. Квартиру снял Сергей — на чужое имя, за наличные. Наличные — из сейфа на складе «Регион-Опт», который Алексей нашёл в подсобке и не сказал никому. Триста тысяч рублей в конверте. Зарплатный фонд, или чёрная касса, или откат — неважно. Деньги мёртвого склада мёртвого города. Теперь — деньги на жизнь.

Алексей включил ноутбук. Открыл браузер.

Интернет кричал.

Три недели — и мир узнал. Не сразу, не весь, не правду — но узнал.

Сначала — сейсмические станции. Толчок 4.2 балла в Нижегородской области. Не землетрясение — характеристика не та. Взрыв. Подземный? Наземный? Данные — в открытом доступе, любой сейсмолог видит.

Потом — спутники. Международные, не российские. Коммерческие, научные, военные. Снимки: город — был. Город — нет. На месте центра — кратер, выжженное пятно, радиальные разрушения. Классическая картина ядерного удара. Маленького — но ядерного.

Потом — радиация. Датчики по всей области. Фон — повышен. Не катастрофически — тактический заряд, пять-десять килотонн, грязи мало. Но повышен. И ветер — северный — нёс облако на юг. На деревни, на поля, на людей.

Правительство молчало. День. Два. Три. Потом — «техногенная катастрофа на промышленном объекте». Потом — «инцидент с боеприпасами на военном складе». Потом — когда спутниковые снимки появились на каждом новостном сайте мира — замолчали снова.

А потом — флешка.

Не флешка — бумага. Три страницы блокнота, мелким почерком. Даты, приказы, имена. «Берег-4», Н-17, разгерметизация, карантин, расстрелянные машины, протокол «Рубеж», ядерный удар. Полковник Зимин Владимир Андреевич. Подпись.

Журналист — Борисов, старый, из тех, кого не покупают, потому что нечем — опубликовал. Не в российских СМИ — там бы сняли за час. В западных. The Guardian, Reuters, AP. Перевод — за ночь. Утром — весь мир.

«Российские военные нанесли ядерный удар по собственному городу. 300 000 жителей. Основание: биологическая катастрофа. Документ подписан командующим операцией.»

Скандал. Не скандал — взрыв. Медийный, политический, дипломатический. ООН, Совет Безопасности, экстренные заседания. Россия — отрицала. Потом — «без комментариев». Потом — «внутреннее дело». Потом — молчание.

Зону отчуждения установили на пятый день. Тридцать километров вокруг эпицентра. Колючка, блокпосты, запрет на въезд. Официально — «радиационная безопасность». Неофициально — никто не знал, что внутри. Или знали — и молчали.

Зимина арестовали. Или не арестовали — «вызвали для консультации». Больше о нём не слышали. Журналист Борисов — жив. Пока жив. Под защитой иностранных СМИ, под наблюдением правозащитников. Бумаги — в десяти копиях, в десяти странах.

Правду не спрячешь. Можно замедлить, исказить, утопить в шуме — но не спрятать. Три страницы блокнота оказались сильнее генералов, совбеза и «без комментариев».

А потом появились дети.

Не сразу. Сначала — группа заявила о себе. Антон — первый, как и обещал. Позвонил в редакцию федерального канала. «Мы выжившие из города N. Двадцать пять человек. Двенадцать детей. Мы были внутри. Мы видели.»

Ему не поверили. Потом — поверили. Потом — приехали.

Камеры. Микрофоны. Софиты. И — двенадцать детей.

Тамара Андреевна стояла среди них. Как стояла всегда — прямая спина, очки, спокойное лицо. Только теперь — не в кофте и тапочках, а

в нормальной одежде, в обуви. И очки — новые, взамен тех, которые треснули в лесу.

Дети не говорили. Журналисты просили — расскажите, как было. Дети молчали. Смотрели в камеры — серьёзными, взрослыми глазами. Этого было достаточно. Лица. Глаза. Двенадцать пар глаз, в которых не осталось ничего детского. Это говорило громче любых слов.

Ваня стоял в первом ряду. Свисток Игоря на шее — на шнурке, поверх куртки. Рыжий кот — на руках. Смотрел в камеру. Молча. Мальчик с котом и свистком мёртвого учителя. Фотография обошла мир за сутки.

Поля — рядом с Дашей. Держала за руку. Не раскачивалась. Стояла ровно. Смотрела. Девочка в розовой куртке, которая перестала раскачиваться.

Костя и Даша — рядом. Всегда рядом. Он получил её номер — когда появились телефоны, когда мир стал нормальным (почти нормальным, почти). Звонил каждый вечер. Двенадцать лет. Делили сухарь. Теперь — делили тишину в трубке. Достаточно.

Настя — держала Матвея за руку. Он больше не звал маму. Не потому что забыл. Потому что Настя. Маму искали — не нашли. Настя оформляла опеку. Четырнадцать лет — рано. Но суд, увидев эти глаза — глаза девочки, которая несла чужого ребёнка через мёртвый город, — не отказал. Не посмел.

Ксюша стояла с мамой. Ольга — живая. Выжила. Пневмония отступила на третий день в деревне, когда деревенский фельдшер — настоящий, с антибиотиками и стетоскопом — осмотрел её. Худая, бледная, слабая — но живая. Рука Ксюши — в маминой. Как всегда.

Камеры снимали. Мир смотрел. Двенадцать детей из города, по которому ударили ядерной бомбой. Бомба сильнее бомбы.

Алексей не пошёл к камерам.

Не хотел. Не мог. Не был готов — смотреть в объектив и рассказывать, как убил человека топориком. Как мыл руки четыре раза. Как нёс мёртвую собаку... нет, Кнопку он не нёс. Кнопка осталась на асфальте Ворошилова. Под дождём. Одна.

Он сидел на кухне, пил чай и читал новости. Мир кричал — о бомбе, о детях, о Зимине. Мир требовал — расследования, суда, справедливости. Мир был в шоке.

Мир не знал главного.

Алексей открыл мессенджер. Сообщение от Антона. Вчерашнее.

«Ты видел? Они говорят — техногенная катастрофа. Говорят — угрозы нет. А у зоны — пропали люди. Трое за последнюю неделю. Охотники, грибники. Ушли — не вернулись. Полиция ищет — не находит.»

Алексей читал. Перечитывал.

Ещё одно сообщение. Сегодняшнее. Четыре утра.

«Сергей слушает короткие волны. Перехватил обрывок. Не из нашей области — из соседней. Саратовская. Голос, напуганный: "Они здесь. Мёртвые ходят. Помогите." Частота гражданская. Повторялось три раза. Потом — тишина.»

Алексей смотрел на экран. Саратовская область. Берег-2. Законсервирован с девяносто третьего. Клапаны, которые не менялись тридцать лет.

Ещё одно сообщение. Пять минут назад.

«Мы должны рассказать. Не только про город. Про всё. Про Берег-1, 2, 3. Про Н-17. Про то, что это не кончилось. Это только начало. Ты со мной?»

Алексей смотрел на экран. Потом — на окно. За окном — тихий зимний город. Снег, фонари, люди. Женщина с коляской. Мужик с собакой. Школьники с рюкзаками. Обычное утро. Обычная жизнь. Обычный мир, который не знает, что под ним — трещины. И из трещин — лезет.

Он набрал: «Я с тобой.»

Отправил.

Шаги за спиной. Лена. Стояла в дверях кухни. Его свитер, растрёпанные волосы, сонное лицо. Посмотрела на него. На телефон. На лицо.

Не спросила. Знала. Видела — по глазам, по скулам, по тому, как он сидит. Три недели вместе — достаточно, чтобы читать без слов.

— Опять? — тихо спросила она.

— Опять. Саратовская область. «Мёртвые ходят.»

Лена молчала. Подошла к чайнику. Налила себе чай. Села напротив. Обхватила кружку обеими руками. Так же, как обхватывала в первую ночь — в чужой квартире на Ворошилова, когда Сергей рассказывал про военные частоты. Целую жизнь назад.

— Антон хочет рассказать, — сказал Алексей. — Про всё. Про другие объекты. Про то, что заражение расползается.

— Кому?

— Всем. Журналистам. Борисову. Всем, кто будет слушать.

Лена пила чай. Молча. Думала.

— А мы? — спросила она. — Что будем делать мы?

Алексей посмотрел на неё. На лицо — тёплое, живое, настоящее. На руки на кружке — маленькие, с обкусанными ногтями, которые перевязывали раны, вкалывали антибиотики, держали умирающую Ольгу, гладили Кнопку, брали его за руку в темноте.

— То, что умеем, — сказал он. — Ты — лечить. Я — идти рядом.

Лена смотрела на него. Секунду. Две.

Потом — улыбнулась. Маленькая, тихая, кривая улыбка. Первая за три недели. Не счастливая — живая.

— Хороший план, — сказала она.

Алексей встал. Подошёл к вешалке. Снял куртку. Ту самую — чужую, с чужого плеча, которую он дал Лене на подоконнике сто лет назад. Она вернула. Он носил. Пахла — ею. И немного — дождём, и немного — хвоей, и совсем немного — рыжей шерстью, которой давно нет.

Надел. Посмотрел на Лену.

Она кивнула.

Он вышел.

За дверью — зимний город. Снег, тишина, обычная жизнь. Люди шли по обычным делам. Не знали. Пока не знали.

Алексей шёл по улице и думал о Петровиче, который открыл дверь. О Марине, которая осталась. Об Игоре, который ушёл в лес. О Кнопке, которая бросилась на зомби. О ста тысячах, которых сожгли. О трёх страницах блокнота, которые изменили мир. О мальчике с котом и свистком. О девочке, которая перестала раскачиваться. О двенадцатилетнем пацане, который делил сухарь.

О Лене, которая кивнула.

Телефон вибрировал в кармане. Антон. Сергей. Мир, который трещал по швам.

Он шёл. Как шёл четыре дня через мёртвый город. Как шёл через рельсы, через поле, через реку. Как шёл всегда — вперёд, в неизвестность, в страх.

Только теперь — не один.

Где-то далеко — за лесами, за полями, за зоной отчуждения — стояла фигура. На опушке. Ровно. Не покачиваясь. Смотрела в сторону мира, который ещё не знал, что она существует.

Она стояла. И ждала.

Буду рад вашей подписке и комментарию!

Глава 34

Где-то в Москве.

Комната без окон. Серые стены, стол, два стула, лампа. Камера в углу — красный огонёк мигает. Записывает.

Зимин сидел. Руки — на столе. Спокойные. Не дрожали. Больше не дрожали.

Напротив — человек в штатском. Лет сорок пять, аккуратный, незапоминающийся. Лицо — из тех, которые видишь и тут же забываешь. Серый костюм, серый галстук, серые глаза.

— Полковник Зимин Владимир Андреевич, — сказал он. — Командующий операцией «Барьер». Вы подтверждаете, что передали служебные документы гражданскому лицу — журналисту Борисову?

— Подтверждаю.

— Вы понимаете, что это государственная измена?

Зимин смотрел на него. Спокойно, ровно. Лицо — то же каменное, что и в штабе. Только глаза — другие. Живые. Впервые за тридцать лет — живые.

— Я понимаю последствия лучше, чем вы, — сказал Зимин.

Человек в штатском не мигнул. Записал что-то в блокнот.

— Вы также не доложили о группе гражданских, покинувших зону заражения. Двадцать пять человек. Вы видели их на спутниковых снимках и скрыли информацию от командования.

— Да.

— Почему?

Зимин молчал. Секунду. Две. Три.

— Потому что с них хватит, — сказал он. — Мы создали вирус. Мы его выпустили. Мы закрыли город. Мы расстреливали людей на дороге. Мы сожгли триста тысяч ядерной бомбой. С них — хватит.

Человек в штатском смотрел. Ручка — застыла над блокнотом. Потом — опустил. Закрыл блокнот. Встал.

— Это всё, полковник. Вас переведут.

— Куда?

Человек не ответил. Вышел. Дверь — тяжёлая, металлическая — закрылась. Щелчок замка.

Зимин остался один. Сидел. Смотрел на стену. На серую, пустую стену без окна.

На столе — папка. Оставили. Случайно или нет — Зимин не знал. Тонкая, с грифом «Секретно». Он открыл.

Доклад. Вчерашний. Разведка зоны отчуждения.

«Беспилотная аэрофотосъёмка. Зона поражения, периферийный сектор (5-15 км от эпицентра). Зафиксировано движение биологических объектов. Количество: предположительно 200-400. Характер движения: координированный, скоростной. Скорость перемещения: 8-12 км/ч (примечание: стандартная скорость заражённых — 1-3 км/ч). Объекты перемещаются группами по 10-15 единиц. Реагируют на звуковые и визуальные стимулы на расстоянии до 300 м (стандартный показатель — 20-30 м). Предварительный вывод: воздействие ионизирующего излучения привело к модификации поведенческих характеристик заражённых.»

Зимин читал. Медленно. Каждое слово.

Координированные. Скоростные. Группами. Видят на триста метров.

Мутанты.

Они знали. Ковалёва предупреждала: «Радиация может мутировать агент.» Карелин говорил: «Ионизирующее излучение в сочетании с нейротропным вирусом — непредсказуемо.» Знали — и ударили. И получили то, о чём предупреждали. Быстрых, умных, координированных мертвецов, которых не остановить заборами и колючкой.

Зимин закрыл папку. Откинулся на стуле.

Улыбнулся. Впервые за эти недели — улыбнулся. Горько, криво, страшно. Улыбка человека, который увидел конец — и понял, что конец смешнее, чем казалось.

Бумаги — у Борисова. В десяти копиях. В десяти странах. Правда — снаружи. И эту правду — не посадишь в комнату без окон.

А мутанты — внутри. За колючкой, за зоной, за тридцатью километрами пустоты. Пока — внутри.

Пока.

Зона отчуждения. Три недели после удара.

Бункер дышал.

Генератор — дизельный, армейский, вечный — гудел в дальнем отсеке. Вибрация шла по стенам, по полу, по потолку — как пульс. Бетонные стены, трубы, кабели. Советская гражданская оборона — строили на века, строили на ядерную войну. Не думали, что пригодится. Пригодилось.

Кабан сидел за столом.

Стол — железный, привинченный к полу. На столе — карта. Не нарисованная от руки, как у Сергея, — настоящая, топографическая, военная. Нашёл в штабе бункера, в сейфе, который вскрыл монтировкой в первый день. Карта области. Города, дороги, леса, реки. Красным маркером — зона отчуждения. Тридцать километров. Круг.

Его круг.

Военные ушли. Поставили забор, колючку, знаки «Опасно. Радиация.» — и ушли. Блокпосты — через каждые десять километров, но людей мало. Десяток солдат на весь периметр. Не армия — видимость. Для телевизора, для отчётов, для «ситуация под контролем».

Ситуация не была под контролем. Ситуация была под контролем Кабана.

Три недели. За три недели он сделал то, что военные не смогли за четыре дня: организовал территорию. Бункер — база. Генератор, топливо на полгода, фильтры, вода из скважины. Запасы — со складов, из магазинов, из военных бросовых точек. Оружие — из армейских хранилищ, оставленных при эвакуации. Автоматы, патроны, гранаты. То, что военные бросили в спешке — Кабан подобрал.

Люди. Вот главное. Не оружие, не бетон — люди. В первую неделю после удара — пришли выжившие с окраин. Те, кто не сгорел в эпицентре, не умер от радиации, не стал мертвецом. Десятки. Бродили по развалинам, по лесам, по полям. Голодные, облучённые, потерянные.

Кабан нашёл их. Или они нашли его — по рации, по сигналу, который он не переставал передавать. «Кто хочет жить — координаты такие-то. Стены. Еда. Оружие.»

Условия. Те же, что предлагал менту: я — главный. Мои правила. Кто слушается — живёт. Кто не слушается — не живёт.

В зоне отчуждения — нет закона. Нет полиции. Нет государства. Есть — Кабан. И его правила.

Сейчас — семьдесят три человека. Бункер, два надземных укрепления на территории завода, система постов по периметру. Патрули — круглосуточно. Не от военных — от мертвецов. Тех, новых. Быстрых.

Они появились через неделю после удара. Сначала — одиночки. Не медленные, не бессмысленные. Быстрые. Бегущие. С глазами, которые следили. Которые смотрели — не сквозь, а на. Первый раз Кабан увидел такого — и понял: правила изменились. Опять.

Но Кабан умел меняться. Быстрее, чем правила.

Дверь отсека открылась. Вошёл Рыжий — правая рука, бывший сиделец, тощий, жилистый, с рыжей бородой и спокойными глазами убийцы.

— Командир, — сказал он. — Пришли.

— Откуда?

— С юга. Из Пензенской. Четверо. Один ранен, двое женщин. Говорят — у них то же самое. Мертвецы встают.

Кабан смотрел на карту. На красный круг — зона отчуждения. Тридцать километров. Его территория.

— Пензенская, — повторил он.

— Да. И ещё — утром по рации поймали. Саратовская область. Те же слова. «Мёртвые ходят.»

Кабан молчал. Смотрел на карту. На красный круг — тридцать километров. Вчера — тюрьма. Сегодня — королевство. А завтра — мир за кругом начнёт трещать. И круг вырастет. Поглотит трещины, дороги, города. Потому что мёртвая зона — расширяется. И тот, кто внутри — расширяется вместе с ней.

Он взял маркер. Красный. Провёл линию — от зоны на юг, к Пензенской. Провёл другую — на восток, к Саратовской. Посмотрел. Обвёл обе области. Широко, размашисто. Как свою территорию. Потому что — скоро будет.

Зона — расширяется. Не официальная, с колючкой и знаками. Настоящая. Мёртвая. И внутри этой зоны — нет государства, нет армии, нет закона. Есть только те, кто выживает. И тот, кто ими управляет.

Кабан положил маркер. Откинулся на стуле. Посмотрел на Рыжего.

— Пусти их. Накорми. Дай крышу. Потом — ко мне. Расспросить. Подробно. Сколько мертвецов, где, какие. Маршруты. Дороги. Всё.

Рыжий кивнул. Развернулся к двери.

— И Рыжий.

— Да?

— Готовь людей. Двадцать человек, вооружённых. Машины, топливо, запас на неделю. Если зона растёт — мы растём вместе с ней.

Рыжий посмотрел на него. Секунду. Кивнул. Вышел.

Кабан сидел. Смотрел на карту. На красный круг, который был его тюрьмой — и стал его королевством. На линии, которые расходились от круга, как трещины от удара. На область. На страну.

Мент отказался. Ушёл со своими детьми, со своими стариками, со своей медсестрой. Ушёл — и правильно. Там, за зоной — другой мир. Мир журналистов, камер, правозащитников. Мир, где нужно объяснять, просить, ждать.

Здесь — не нужно. Здесь — берёшь. Здесь — решаешь. Здесь — ты или никто.

Кабан встал. Подошёл к карте. Провёл пальцем по красному кругу. По его границе. Потом — за границу. Дальше. На юг, на восток, на запад. Вся область. Три области. Пол-страны.

Скоро.

Он взял рацию. Нажал кнопку. Открытая частота.

— Внимание всем, кто слышит. Здесь «Крепость». У нас стены, оружие, еда, защита. Если хотите жить — идите на наш сигнал. Мы принимаем всех.

Пауза.

— Условия — на месте.

Отпустил кнопку. Положил рацию.

Тишина. Гул генератора. Пульс бункера.

Кабан смотрел на карту. На мир, который кончался. И на мир, который начинался. Его мир.

Усмехнулся. Тихо. Одним углом рта.

Ждал.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Послесловие

Если вы читаете эти строки — значит, вы прошли весь путь. От морга больницы № 4 до леса за рекой. Через мёртвый город, через

рельсы, через реку. Вместе с Алексеем, Леной, Антоном и двенадцатью детьми, которые научились молчать.

Спасибо.

Серьёзно — спасибо. Эта книга выросла из ваших комментариев, ваших вопросов. Каждая глава писалась с ощущением, что по ту сторону экрана — живые люди, которым не всё равно. Которые переживали за героев, плакали из-за Кнопки, материли Кабана и считали патроны вместе с Антоном. Вы — часть этой истории. Без вас она бы не дошла до финала.

Но финал ли это?

Вы видели последние строчки. Саратовская область. Пензенская. «Мёртвые ходят.» Зона растёт. Мутанты за колючкой. Кабан в бункере с картой и маркером. И Алексей, который надевает куртку и выходит из квартиры — потому что мир, который они спасли, уже трещит.

История Алексея, Лены и остальных — не закончена. Первая книга — это город. Вторая — страна. И то, что ждёт впереди, — страшнее, масштабнее и ближе к каждому из нас, чем вам кажется.

Вторая книга — в работе.

А пока — если вам понравилось, если вы чувствовали себя «там», если не могли оторваться — оставьте отзыв. Поставьте оценку. Поделитесь с другом. Подпишитесь, чтобы не пропустить продолжение. Для автора каждый отзыв и каждая подписка — это как патрон для Антона. На счету.

Мы ещё увидимся. По ту сторону зоны.

Ваш автор